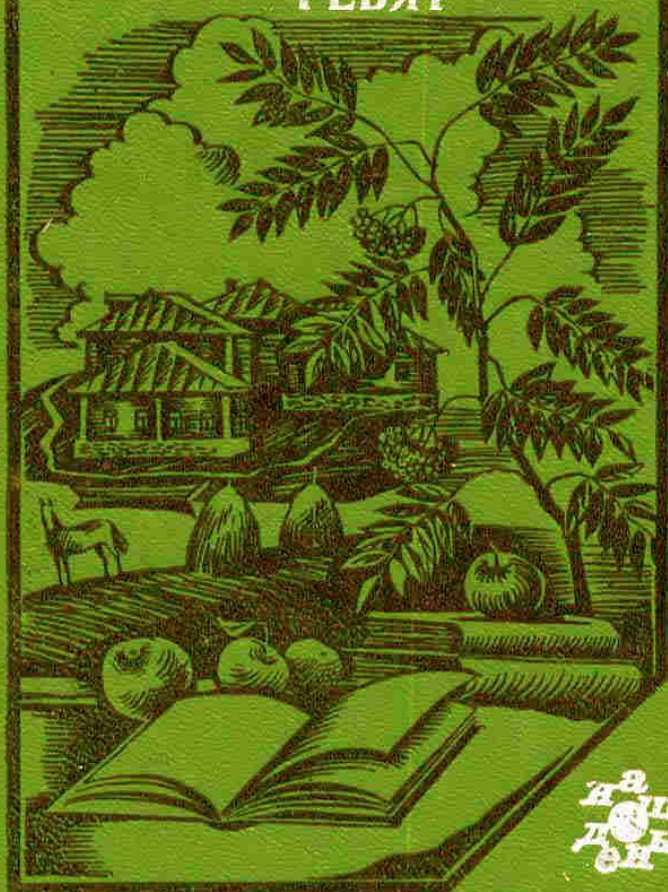

ИВАН
СИННИЦЫН

ШКОЛА „ЗОЛОТЫХ РЕБЯТ“

ЯШ
ДОН

ИВАН
СИНИЦЫН

ШКОЛА
«ЗОЛОТЫХ РЕБЯТ»

ОЧЕРКИ

МОСКВА
1985

P2
C72

Рецензент *В. Оботуров*

Синицын И. С.

C72 Школа «золотых ребят»: Очерки.— М.: Современник, 1985.
— 255 с. — (Наш день).

В пер.: 45 коп.

Иван Синицын — писатель и журналист, участник Великой Отечественной войны — живёт и работает в Обнинске. Он автор повестей «Рождение человека» и «Возвращение».

В новую книгу вошли очерки, объединённые темой трудового и нравственного воспитания подрастающего поколения.

C $\frac{4702010200-180}{M06(03)-85}$ 96-85

ББК84Р7 / Р2

© Издательство «Современник». 1985.

ШКОЛА «ЗОЛОТЫХ РЕБЯТ»

«Ты слышал выражение «золотой ребёнок»? Так вот, эта маленькая деревенская школа выпускает таких детей. Её хочется назвать школой хороших людей. Приезжай. Такого ты ещё не видел. Очерк напишешь, а то и повесть. Места здесь отличные: тургеневская тишь...»

Так писал мне лет двенадцать спустя после войны мой давний друг, районный газетчик. Он писал, что в эти края учительская молодёжь валом не валит, но добраться туда сущий пустяк. С поезда надо сойти на станции Судимир («это между Сухиничами и Брянском»), там «штурмом взять автобус», который идёт на Хвастовичи, оттрястись в нём по ухабам ровненько тридцать вёрст, и можно вздохнуть с облегчением: ты в райцентре. Отсюда до Берестны ходят попутные. Это ещё два десятка вёрст прогулочной тряски-пляски в кузове с какими-нибудь бочками, и считай, что ты почти добрался. Там до Высокого остаётся всего километров пять ходу, «а если с песней, то и того меньше».

«Школа начальная,— писал он.— Работают там двое:

учительница и техничка – бывшая её ученица. Ты в газетах, наверно, встречал это имя: Елена Николаевна Дерунова, заслуженная учительница России. Ей пятьдесят. Подвижная, душевная, только глаза грустные».

Потом он прислал мне пачку не очень удачных, мутноватых фотографий. На обороте одной из них было написано: «Это Елена Николаевна». Она стояла к аппарату боком, напоминая портрет артистки Ермоловой, с чуть запрокинутой головой и узлом волос, спущенным на затылок, стояла, спокойно сложив перед собою отяжелевшие кисти рук. Лицо её с прямыми линиями профиля было усталым и грустным. «Годы?» – подумал я. А друг писал: «Ты приедешь и скажешь, что яркой её жизни можно позавидовать, что этим счастьем она богаче всех. Но вот «откуда грусть?» – вопрос сложный. Приедешь – поговорим. Какая-то стена вокруг неё»...

Сколько раз я приезжал за эти годы в Высокое? Бывал там и по дню, и по два, и всякий раз, уезжая, жалел, что я не кинооператор, что не могу показать людям эту «школу хороших человек», дела Елены Николаевны, как видел их сам.

В первый приезд не повезло мне. Такая была досада! Больше семидесяти километров «открутить» на велосипеде по лесным дорогам (не хотелось «тряски-пляски» – махнул от Думиничей напрямик по карте), что называется, в поте лица подкатить к Высокому и узнать, что Елены Николаевны нет дома. Июль! Она уехала куда-то на юг. Высокое сразу упало в моих глазах. Я смотрел на него с тоской.

Что ж ты, Высокое, скучно так выглядишь? Ни садочками глаз не порадуешь, ни красивыми палисадниками, ни весёлой чередой берёзочек, посаженных вдоль изб? Только куры да свиньи бродят по улице, да чернеют коровьи лепёшки на траве. Что ж ты так тускло, без интереса живёшь, Высокое?

Теперь уже не зная зачем, я мчался дальше по улице, распугивая кур и поросят, мчался всё-таки туда, в конец деревни, где весёлым кудрявым островом зеленели деревья школьной усадьбы.

Высоко над входом, за калиткой, горел факел.

Нет, это был не огонь. Это призывно пламенели кудряшки оранжевых цветов, как эмблема, вознесённых в белой чаше (ею оказался покрашенный диск от старого грузовика).

А дальше, за факелом, открывалось что-то дерзко-нездешнее, почти вызывающее, приводившее на память живописные цветники Пятигорска и Сочи. Разрисованными пряниками пестрели клумбы, твёрдо лежали жёлтые чистые дорожки, словно врезанные в зелёную шубку газонов. Их боковые линии прерывались, уступая место скамеечкам, описывали круги и полукружья, окантованные зубчатым кирпичным бордюром у клумб. Клумбы положены были строго симметрично, по определённом рисунку, и на каждой вился свой чёткий узор. Беседка пряталась в высоких цветочных зарослях, к ней вела уютная аллея, угол школы с крыльцом выглядывал из парка. А слева весь край усадьбы улыбался румяными яблоками. Дальше угадывался школьный сельскохозяйственный участок.

Всё было обнесено тонким ровным частоколом.

– Ай школа наша понравилась? – услышал явно ко мне обращённый голос.

Сзади стояла, пряча горделивую улыбку, молодая колхозница с граблями на плече. Глазами указала на школьное крыльцо:

– Острог был когда-то. Арестованные при немцах сидели. Потом конюшня была ихняя. Тут жутко что было! – продолжала она попросту, будто давно меня знала. – Это уж потом Елена Николаевна с ребятами всё тут в красоту произвела. Это всё её заботы – родительская рука тут ни к чему не прикоснулась.

Дремал здесь пустырь. Телята бродили, гуси. И вдруг разнесла детвора шумные, будоражливые новости по деревне:

– Пустыря не будет. Будет парк и сад, будут аллеи, цветы – новая учительница приехала!

Люди смотрели, как носила она с детьми первые штакетники, первые деревца из леса, как собирала плотников тесать столбы и прожилыны, дивились: «За свои рубрики нанимает!» Но спустя неделю старушечьи голоса надрывались вблизи школы:

– Приехала тут, пустырь огородила! Гусей, скотину лишила такого раздолья!

А дети кричали своё:

– Будет красиво. Как в городе будет! Бежали с лопатами, с граблями – копали, сажали, браковали сделанное – придумывали лучше. Потом зацвели виолы, гвоздики, георгины, «золотые шары»... Ребята сбегались, вели за собой взрослых, фантазировали:

– А ещё дорожки обсадить!

– И обложить кирпичиками, как клумбу! Через год или два старая клумба казалась им уже маленькой, невзрачной. Сделали большую, а по бокам ещё две. Потом ещё!

Женщине с граблями («Анохина моя фамилия, Прасковья Григорьевна», – представилась она) всё это нравилось. Эта школа, эта красивая детская усадьба теперь каждое утро, каждый день веселили ей душу. Там учился и её мальчик. Он так любил Елену Николаевну!

– Она ученикам как мать, – торопилась объяснить мне Прасковья Григорьевна. – Она и ранку перевяжет, и накормит, и молоком напоит. Обеды им готовит. Овощи у них свои, фрукты свои – вон сад-то какой у них! Самые голодные годы были после войны – она корову купила. Для них, для учеников, – ей-то, одиной, много ли молока надо? Ох, она их так поддержала хорошо! Были ж дети – на одной сухой картошке сидели. Жёлтые, бледные. Всех подняла!.. Прямо, как родная мать!

Ей было сладкой отрадой – рассказывать, а мне слушать, и она повела было речь о «климате», который создаёт учительница в деревне, но ждали Прасковью Григорьевну дела, она извинилась, сказала: «– Ладно, может, потом когда-нибудь!» – и заспешила к дому.

– А тут есть Тоня Фирсова, техничка, – отойдя, оглянулась она. – Тоня вам всё расскажет! Это ж и её тут труды – и парк, и всё это при ней начиналось, она ученицей тогда была.

Я провёл велосипед в калитку, поставил к изгороди.

За боковой стеной частокола раздавались ребячьи голоса. Разговаривали два мальчика. Один был постарше, наверно, третьеклассник, другой только ещё приглядывался к школе. Старший объяснил:

– Когда приходим, то сперва ноги надо помыть.

– А где? – спросил младший.

– Если джое грязные – вон ручей. Там доски положены. А потом ещё вот тут, в касках, – чтоб начисто. Это немецкие каски, от войны. Вот на дощечку становишься и – тряпочкой. А дальше уж не замараешь – там до самого крыльца тесовая дорожка, она чистая. У калитки дежурные стоят, проверяют. А когда холодно бывает, то вода в касках тёплая – Елена Николаевна греет нам.

– А когда совсем не грязно?

– А тогда – пыль. Тогда тут две тряпочки. Пыль сухой надо обтирать, а подошвы мокрой. Первачкам старшие всегда показывают, как надо, Елена Николаевна так велела. Вот гляди...

Я не стал прерывать такой важный инструктаж, пошёл в цветник. На дощечках, прибитых к колышкам, читал: «Аллея роз», «Золотая аллея», «Дельфиниум», «Кориопсис». – Здравствуйте, – услышал вдруг. Девочка, по-деревенски неловкая, невзрачная, с чуть растерянным лицом. Линялое сиреневое платье, линялые тряпочки в косичках. Она силилась одолеть свою неловкость, сделаться общительнее, и спросила, глянув на мой фотоаппарат, пристёгнутый к офицерской полевой сумке:

– Наверно, вы из Калуги?

У неё получилось тактично и вежливо, она, должно быть, сама удивилась, что так у неё хорошо вышло, и сразу почувствовала себя свободнее. Вспомнила, что надо представиться, и сказала:

– Я тут дежурная, звать Шура. И вот ещё дежурный, это Вася, он из нашего класса, Васёк.

К нам подходили те два мальчика, что разговаривали у нижней калитки, Шура кивком указала на старшего. Я похвалил их усадьбу, они улыбнулись все трое.

– Тут всем нравится, – спокойно заметила Шура. – И взрослым!

– Всей деревне! – добавил Васёк, крепкий, аккуратный мальчик с выгоревшей чёлкой.

И Шура повела меня за собою по уплотнённой дорожке вдоль узорчатых цветочных ковров и ковриков, повела непринуждённо и просто, будто так это само собой и разумелось, что она должна мне всё тут показать и объяснить. Она остановилась, рассказывая о цветах, откуда они и как называются, что больше всего она любит виолу (ещё её называют «анютины глазки»). Попутно она поднимала на дорожке палые листья, комкала их и отдавала мальчикам, чтобы отнесли в мусорницу, а я следил за её лицом. Оно менялось. Оно становилось по-детски увлечённым, глаза смотрели на меня выразительно и ясно, и ей нравилось рассказывать о своём красивом хозяйстве.

Я наблюдал за ней с удивлением: откуда она так много знает о цветах? Но я ещё не ясно представлял, какая судьба передо мной,

и потом пожалел, что не знал этого. Я бы увидел больше. Я бы увидел, как распрямляется исковерканная душа ребёнка, о котором года три назад соседи говорили: «Это оторва, это бандитка растёт». Её историю мне рассказывали чуть позже.

Мы свернули в сад, вышли на овощной участок, там буйствовали на грядках диковинно крупные помидоры, огурцы и так лопушилась свёкла, что из-за её листьев виднелись только головы да плечи маленьких огородников.

Всё необычно, и всё красиво. Я ходил и думал: «Какого же дивного союзника привлекла себе на помощь в воспитании ребят Елена Николаевна!» Поэт сказал: «Ах, красота, эта страшная сила!» Но здесь она была силой доброй и могучей – она была поставлена здесь воспитательницей.

В парке нас встретила девушка. Я догадался: Тоня, техничка. Плечистая, плотная, с крупными загорелыми руками, в белом ситцевом платье цветочками. Парковые дорожки вокруг были словно вылизаны – ни травинки, ни упавшего листка, только корни деревьев, как вздутые вены, выступали по краям.

– Какая у вас чистота кругом! – указал я Тоне на эти дорожки.

Она несмело улыбнулась, ответила:

- У нас два воспитателя: Красота и Чистота.
- И надёжно воспитывают?
- Прививают любовь к хорошему. А когда человек любит красоту, порядок, он же не может быть плохим, правда?

Мы шли с нею к школе, она продолжала;

– Я потому сюда и пришла работать. Когда-то я тут училась, меня Елена Николаевна учила. Мы ещё маленькими закладывали этот парк, этот сад, я сажала вон те берёзы. Вон какие большие уже! Потом училась дальше, в неполной средней, – пять километров отсюда. И пошла к Елене Николаевне работать. Я раньше думала: техничка, уборщица – что хорошего? А это ж работа тоже воспитательная, правда?

Теперь в полный рост вставал передо мною другой союзник педагога, тоже красавец, волшебник и великий труженик. Имя его – Чистота-порядок. Он встречал детей ещё у калитки. Когда два мальчика разговаривали там, я понял, что если театр у Станиславского начинается с вешалки, то школа здесь начинается ещё раньше – от калитки. Школа – это храм Чистоты-порядка. И в этот храм ты можешь войти после того, как почувствуешь, что ты чист и свят от ботинок до макушки и до кончиков ногтей.

Тут всё помогает настроиться на особенный лад. И тесовая дорожка к школе, и крыльцо, и ступеньки... Входи! Но... Внизу постелена белёсая, мягкая от частого мытья мешковина, ею не ботинки – руки можно вытирать. А ступеньки будто отполированы, на них хочется сесть. И глаза ещё раз оглядывают обувь.

И запах хвои и душистого чая в прихожей. Здесь всё блестит, будто в аптеке: самовар, чайники, чашки, умывальник с мыльницами и щётками для рук и белые эмалированные тазы.

И шеренга белых полотенец на гвоздиках – своё для каждого,

и зеркала на стенах, и под ними рядок карманчиков с расчёсками: пойдите, разденьтесь – причесаться надо. И парты в классе: им уже лет по десять, а они всё как новенькие.

И бутафорский Кот Котофеич, весело восседающий на столике в прихожей, среди картинок и журналов. Он сидит, нарядно одетый, весь в красных и синих шелках и в широкополой шляпе с бантом, с сумкой через плечо. В ней маленькие книжечки со стихами. Мимо не пройдёшь! Котофеич умеет зазвать к себе в гости: возьми, погляди, почитай – будешь знать то, что другие знают.

Таковы порядки в школе, ведомство которой начинается от калитки.

– Ведь ребята – они какие? – подсказала Тоня. – Много неряшливых, безалаберных, таких, знаете, – всё у него кое-как. Кто их нынче дома-то к порядку приучает? Всем некогда! Вот приходится Елене Николаевне придумывать...

Тоня в этих делах – фигура опорная. «Техничка» для неё означает «ассистент педагога», и это, пожалуй, самое точное определение её роли и места в жизни школы.

Она знала здесь не только все дела – знала и детей, и всё, что с ними происходит. Спросила меня о Шуре:

– Вам понравилась эта девочка? И тут я узнал историю маленькой «бандитки».

Нет, с ножом она ни на кого не нападала. Но к семи годам девочка стала уменьшенной копией матери – недоброй,

неряшливой, грубой женщины. Шура ходила такую же резкой, сердитой походкой, так же огрызалась направо и налево и даже для неё, для матери, не выбирала добрых слов. Люди поговаривали, что это вырастет тяжёлый, грубый человек, для которого никто не дорог и ничто не свято.

Первый раз в школу она шла надутая, чуть в стороне и впереди других, шла своей сердитой походкой и косилась на всех. На ней был измятый, криво надетый фартук и новые перекрученные чулки; туго, но неряшливо заплетённые косички торчали одна вверх, другая в сторону.

До этого дня Шура ни разу не заходила на школьную усадьбу. Ребята вступали туда как в волшебный дворец. Шура тоже прошла через калитку и словно замерла вся. Она шла, несмело переступая, потом задержала шаг и остановилась. Где она есть? В какое царство пришла? Или, может быть, это сон?

Рядом, тоже затихший, стоял крепкий белоголовый мальчик, Васёк. Он молчал.

– Нравится? – подошла к ним Елена Николаевна. От неё пахло чем-то душистым, а голос был весёлый и добрый. Шура глянула на неё сперва растерянно, потом вдруг улыбнулась в ответ и кивнула. Может быть, первый раз она так благодарно улыбнулась человеку. Ребята загалдели:

– Она на свою мамку ругается! – На всех! Дурными словами!

Елена Николаевна знала это. Но на ребят учительница посмотрела с тем же добрым, успокаивающим выражением лица и сказала,

что теперь Шура в нашей семье и если к девочке пристало что-то плохое, мы ей все поможем.

Дня через два после уроков Шура подошла к Елене Николаевне и попросила:

– Можно, я тут ещё немножко побуду? Я ничего не испорчу.

Она шла в беседку. Цветы, склоняясь с обеих сторон, провожали её до самой дверцы. Шура откинула крючок, остановилась. Тишина. Белёсый половик у порога. Скамеечки вдоль стен. Голубые. И зелёный полумрак. Цветы обступили беседку, заслонили окна. Чистенько, тихо. Слышно только, как где-то за речкой рокошет трактор. И так не хотелось девочке уходить отсюда домой!.

А наутро дети сказали, что Шура в школу не придёт. Елена Николаевна тут же оделась и пошла к ней.

– А чего такое? – встала у порога Шурина мать. – Хворает Шурка, ну?

Шура выбежала из-за печки:

– Что ж ты бре.... – и осеклась;. – Что ж ты врешь? Сама не пускаешь, а врешь? Сказала: «Ерунда ваше ученье, иди нынче гусей стереги».

– Напрасно вы так,– строго заметила учительница.– Вы на это не имеете права.– А Шуре сказала: – Одевайся, пойдём. Покушаешь в школе.

Всегда, сколько помнит себя Шура, она видела в семье торжество силы зла, грубости и безрассудства. И вот первый раз на её глазах торжествовала сила здоровая и добрая. Шура чувствовала себя освобождённой от чего-то тяжёлого, озлобляющего и шла с Еленой

Николаевной, взглядывая на неё благодарными глазами.

В этот день она успела побыть дежурной, поработать со своим классом в огороде и цветнике. После обеда Елена Николаевна с Тоней вымыли её в бане, вычесали голову, ноготочки остригли.

Близился вечер. Шура разглядывала книжки с картинками, а когда Елена Николаевна остановилась около неё, она угнула голову и затихла.

– Я не хочу домой! – прошептала.

– Не бойся,– успокоила её учительница, провожая по улице.– Мама тебе рада будет. Скажет: «Какая ты у меня чистенькая, красивая!» А завтра опять придёшь...

Рассказывая, Тоня заметила:

– А знаете, наверно, каждый ребёнок – трудный. По-своему. Вот хоть Васёк.

Это была тоже любопытная история. Смышлёный, неиспорченный мальчишка, а пошёл в школу, чисто ли, грязно ли, опрятно или неряшливо – разбирать не умел. Ему было всё равно. Из дома вышел с новеньким портфелем, к вечеру портфель был уже старый.

– Фу, мать мне ещё купит! – успокоил он учительницу.

Дояркой у него была мать – доярки хорошо зарабатывают. И вот вам: добро уже бьёт под ребро, как сказала Елена Николаевна. Васёк уже – задача. И не один, конечно, Васёк. Как поступить? Сделать словесное внушение? Провести беседу с классом?

Елена Николаевна повела ребят на ферму. Доярки убрали сырой, тяжёлый навоз, кидая его лопатами в люльку.

Они были потные, устали, но стойла выскребали начисто.

Беззаботного мальчика учительница вывела вперёд.

– Вот погляди, Вася. Вот как работает твоя мама. Она старается, чтобы было чисто, хорошо. Но ты знаешь, как она устает? Посмотрите, какие у неё руки. Все посмотрите.

Женщины показывали загрубевшие, потрескавшиеся ладони. Первый раз в жизни ребята разглядывали рабочие руки матерей и не отводили глаз.

Сказано: лучше один раз увидеть... Вопрос о том, как достаются портфели, был всем ясен. Но теперь возникала другая забота: что останется в душе у ребят? Не испугает ли их колхозная работа трудностью, не оттолкнёт ли с детства?

Объяснять? Внушать? Можно. Но прочен ли будет результат?

Она повела ребят в соседнее помещение. Там были недавно родившиеся телята. Симпатичные, с чистой шёрсткой, они забавно смотрели на гостей и лизали им руки. Дети гладили их доверчивые мордашки и хохотали.

Елена Николаевна сказала:

– А давайте, ребята, нашим мамам и тётям помогать ухаживать за телятами.

– Давайте! А как?

Вёдра и веники дети разобрали нарасхват. Так началось их шефство над телятами.

Так начиналась здесь та самая связь школы с жизнью, о которой на педагогических советах стали поговаривать лишь многие годы спустя.

Приходил черёд, Васёк отправлялся с напарницей на ферму

и помогал женщинам подметать проходы, чистить клетки, поить телят.

«Он очень нужен для нравственного роста детей – общественный труд,– прочитал я тогда в районной газете статью Елены Николаевны.– Надо только, чтобы труд не был бременем, а чтобы ребёнка влекло к нему, чтобы у детей разгоралось желание делать и находить в этом удовлетворение».

С фермы Васёк возвращался повзрослевшим, рассудительным, матери говорил солидно:

– Мам, чего тебе помочь?..

А учительницу огорошил опять: – Фи, в навозе копаться! Я космонавтом буду!

Ещё задача! Они уже различали: работа грязная и работа чистая, труд неприметный и труд в лучах славы. Как внушить детям истину, что полезная для общества работа всякая прекрасна и почётна, что труд был и должен быть у нас делом чести?

Вечером Елена Николаевна записывала себе в план:

«Беседы о трудовых подвигах простых людей... Заронить в детское сознание мысль, что их отцы и матери делают большое и нужное для общества дело, заставить гордиться родителями-тружениками, пробудить желание стать в будущем хорошей сменой им».

И вот уже весь Васин повзрослевший класс охотится за газетами.

– Ты читала? В районной про наших доярок написано. Читала? – впопыхах спрашивал Васёк у Шуры.

– Я и портреты вырезала!

Из-под ребячьих рук вышел красочный альбом трудовой славы взрослых. На первой странице фотография знатной доярки Прасковьи Ковровой, под ней стихотворные строки. Дальше по страничке место отведено прославленной капининской льноводке Елизавете Ниловой, курганской трактористке Екатерине Родионовой, первой водительнице хлопкоуборочного комбайна Турсуной Ахуновой, калужскому свиноводу Василию Шаршавенкову, Николаю Мамаю, Николаю Мануковскому, Валентине Гагановой...

Каждая страничка будто говорила: «Видите? Любое дело становится большим и почётным, если за него берётся настоящий человек».

Доходило ли? Оставляло ли след?

Оставляло. Васёк менялся. Тоня как-то даже залюбовалась им.

Начинался сенокос. Все, кто повзрослее, уходили на луга. И бабушки уходили. А детсада в Высоком нет. Куда определить ребятишек? Придумали: а в школу! Там теперь всегда есть дежурные.

Дежурил тогда Васёк. С ним были две первоклассницы. Они вышли к нижней калитке встречать детвору. Васёк стоял подтянутый, с ответственным видом и поправлял фуражку, чтоб она сидела как полагается. На полном серьёзе он произвёл осмотр голопузой гвардии и дал команду: протереть обувь! Вот дощечки, вот тряпочки – пожалуйста! Объяснить, по какой причине это требуется, он не успел: гвардия с великой организованностью сопела и пыхтела, наводя блеск на босоножках и тапочках,

а за неимением таковых – на голых пятках.

Потом в парке Васёк давал необходимые инструкции. Во-первых, надо беречь красоту и порядок. Пройти по аллеям и дорожкам и, увидев упавший листок или ветку, поднять. А куда деть? Это – во-вторых. Куда зря – нельзя. Нужно отнести в мусорницу – на то мусорница и есть. А если увидел, травинка на дорожке пробилась, – удалить её, выковырнуть. Потому что портит весь вид. Тут инструмент нужен, например, столовая вилка. Инструменты хранятся в сарае. Они там лежат рядочками, чистенькие. После работы их надо почистить и положить на место. Потом помыть руки с мылом и – в беседку, книжки читать, или – на игровую площадку!

Мальчишка целый день работал с детворой и наутро опять пришёл. Он вместе с девочками поливал цветы, подкармливал помидоры, подметал с мальчишками дорожки, оглядывал с ними цветник и спрашивал по-хозяйски:

– Правда, красиво?

«В душе ребёнка, – читал я в другой статье Елены Николаевны, – чувство красивого соединилось с чувством удовлетворения, принесённого работой. И родилось счастливое ощущение радости труда».

А мне всю глубину перемен, которые происходили в ребятах, довелось увидеть чуть позже.

Была осень. В школе занималась утренняя смена – второй и третий классы. До начала уроков в первом и четвёртом оставалось часа полтора, но оба эти класса в полном составе

были уже около школы. Они работали. С берёзовыми вениками в руках они подметали... не аллеи, не игровую площадку, не цветник – там было чисто, – они подметали площадь, прилегающую к школьной усадьбе. Оказалось, что никто их об этом не просил, никто даже не подсказывал этого и не назначал никаких сборов.

– Сами! Это они са-ми! – услышал я знакомый голос Праксovia Григорьевны. Она несла воду и остановилась, мы поздоровались. – А дома что им? Разве интересно им дома сидеть?

Ребята разогнулись, вразной сказали нам «здравствуйте» и стали объяснять, что эта площадь «ничья», стало быть, убирать её некому.

– А хочется, чтоб кругом красиво было! – сказали девочки. Среди них выделялась Шура, подросшая, проворная.

– А то там хорошо, – рассудительно пояснил Васёк, указав в сторону школы, – а тут замусорено, листва.

...Растут новые хозяева!

– Всё это – школа! – приглушив голос, заговорила Праксovia Григорьевна. – наших ребят вы везде отличите: аккуратные, выдержанные. Некоторые уже выросли, но чтоб плохо поступали или бумажку бросили где зря – вы этого не увидите. Вот уже сколько лет мы тут живём, ни разу на деревне ни драк не было, ни какого хулиганства. В этом тоже заслуга школы.

Рядом стояла неопрятная женщина и всё кивала, с усердием кивала головой:

– Это правда истинная! Кабы вы знали, какая у них учительница!

Догадался: Шурина мать. Прасковья Григорьевна сдержала усмешку, заговорила весело:

– Мы даже удивляемся, какие они трудолюбцы получаются у Елены Николаевны. Как одна семья работают. Чего они только не умеют! И никаких им не надо указок – сами видят, что делать. Вот и Валерка наш. Ну что он, во втором классе был – ребёнок! А приду с работы – он всё в доме уберёт, дров принесёт, избу подметёт. Придёт с уроков, снимет формочку, сложит аккуратненько. Вечером вымоет ботинки, утром щёточкой их вычистит – пылинки в класс не занесёт. К чему-то, конечно, и я приучала, но по правде – с работой да с хозяйством и оглядеться некогда. Сколько даёт детям Елена Николаевна! Они у неё и концерты готовят, и выставки своих работ.

Она помолчала, думая о чём-то серьёзном, и сказала вдруг озабоченно:

– Если бы ребята находились в её руках хотя бы до седьмого класса! Вот это уж твёрдо был бы Человек! И к труду приучен, и в культуре воспитан. А то пойдут они от неё, после начальной такой школы, учиться дальше – вот тут рядом неполная средняя, а там ничего этого нет, что здесь, о воспитании там не очень-то и думают... Если бы везде так было, как у нас!

Вот это теперь меня занимало больше всего: почему не везде? Почему даже в соседней школе, куда идут учиться дальше питомцы из Высокого, «ничего этого нет»?

– Я там училась,— рассказала мне Тоня.— Там даже не любят, когда скажешь про нашу школу, как тут всё делается. Не любят и не интересуются. Их сюда не зазовёшь! Я вот смотрю, кто к нам идёт и едет? Туристы из разных мест, больше всего старшеклассники. И знаете, что говорят? Они слов не находят, они радуются, завидуют нашим ученикам...

Мы выходили с Еленой Николаевной на перемену, глаза её смеялись.

Она была вся полна уроком, он продолжал жить в каждой чётчке её лица, в её глазах. В них тихо светилась добрая сила учительской власти, покоряющая детей. По просторным ступенькам крыльца-террасы мы спустились к ребятам, которые выбрали место для новых юннатских опытов и клумб.

– Ну, народ,— сказала она с лукавым задорцем,— как будем делать? Как лучше?

И смотрела, любовно пощуриваясь, как они стоят и планируют, смыслённые, делом занятые её «белоголовики», её «народ».

Она и в класс входила с тем же настроением, жуя на ходу «именинника»:

– Вова, что ж ты натворил в контрольной, что ж ты накуролесил?

Открыла журнал:

– Сколько ошибок, Коля? Что будем ставить?

Наша беседа с нею длилась допоздна. Мы говорили о проблемах педагогических и сельскохозяйственных, о детях и родителях, о роли кино и газет, о работе учителя...

Приезжал я сюда и позже. Каждый раз, счастливо удивлённый, я видел её в школе, ничего не растерявшую, по-прежнему весёлую и мудрую своей добротой. Ей перевалило за семьдесят, но вы не говорите с ней о заслуженном отдыхе. Пусть жизнь остаётся яркой! Пусть по-прежнему не обходят её большие дела и заботы.

– За всё я должна переживать, за всех беспокоиться!..

Но вот как не переживать? Парень ходит неприкаянный, Павлик, бывший её ученик! Окончил СПТУ, а на работу не идёт, целый день музыка в доме – радиола заливается. Чьё упущение?

«Можно б, кажется, и не забивать себе голову заботой: моя ли вина? Через сколько рук он после меня-то прошёл? Да ведь и мой он! Тут, в Высоком, все дети – мои. Уйдут в армию – мне почтальон благодарности носит: «Вы воспитали».

Многим потакают матери. Когда-то нужда заставляла неволивать детей работой. А сейчас по другому всё: «Пускай гуляют, – говорят, – пока молодые!» Акулина, мать Павлика: «Ой, да Николаевна, он у меня – всё! Вся моя радость!»

Женщин в магазине стояло много. Елена Николаевна собрала вокруг себя женщин. Летучее собрание провела.

– Давайте, только тихонечко, чтоб не мешать продавцу. Акулина, ты вспомни, какой он из школы вышел. А теперь каким становится?

Затревожились бабы, стоит этот Павлик, горит со стыда, слова сбивчивые: «Да я хотел, Елен-Колавна,

а это мать... Я завтра...»

– Ну, Наташа, вот ты, всё ты дома на себя взвалила, извелась в пальчик, а дети ж у тебя без дела вянут. Кого ты растишь?

Хлопнула дверь – молоденький тракторист на пороге. Растолкал очередь, горсть рублёвок продавцу:

– Две бутылки!

Глянула Елена Николаевна – кровь отхлынула от лица: Володя, тоже её бывший ученик. Подошла.

– Володя, что с тобой?

– А мы с отцом, Елена Николаевна. У нас получка!

– Ну подожди, давай подумаем. Неужели нельзя это отметить по-другому, поразумнее?

– А как?

– Купить хороший костюм, например.

– Елен-Колавна! Уже есть. Два! Даже три. Куда их?

– Ну, что-нибудь ещё. Из обстановки.

– А всё есть. И сервант, и всё. Диван – во какой!

– И всё-таки, Володя... Ну, положите вы на сберкнижку, потом...

– Ой, Елен-Колавна, и на сберкнижке есть... – И снова за своё: – Я ведь с отцом, Елена Николаевна, не с кем-то там...

«Утешил...»

Собрала в школе отцов, матерей. |

– Давайте думать. Что вы делаете? Что же вы делаете?!

Тишина. Слова с напряжением, с нагрузкой входят в людские сердца, как вилы в сноп. Ох, как многому обязывает учительский авторитет!

– Я ни себя, ничего не жалею, чтобы он вырос хорошим, честным человеком – вы это знаете. Куда же ты его толкаешь, отец?!

Смотрела в зал и радовалась: принимают!

Но она знала: зло идёт не только от родительского невежества, и продолжала свою битву уже в другом месте, на сессии сельского Совета, как народный депутат.

Ещё не остыла она от этой схватки, как пришла новая, совсем неожиданная.

Легковая остановилась у калитки. Вошли двое – один помоложе, другой постарше. В хороших плащах, при галстуках. Солидные манеры. Шляпы сняли ещё у крыльца.

– Елена Николаевна, дорогая, здравствуйте!

Гости милые! Как давно не виделись! Распахнула дверцы шкафчика, сверкнули хрусталём фужеры, в сильной руке, смирившись, захлебнулся хлопок шампанского.

Пили за Елену Николаевну, за здоровье, за успехи и радости.

– Ну где вы? Как вы? Жизнь, работа?.. Младший улыбнулся расслабленно.

– Нормально вообще-то. Недавно был на курорте. – Он смешливо пободал рюмку лбом. – Вот, между прочим, а!.. Ну что мы – едем на курорт, – в кармане каких-то двести – триста рублей. А там, я посмотрел, – вот это живут некоторые.

– Ох!.. – Елена Николаевна брезгливо передёрнула плечами.

Старший, казалось, её не слышал. Он наблюдал за газовыми пузырьками в фужере, наблюдал, задумавшись, проговорил ровно, будто сам себе:

– И со мной в Москве учились такие же. Швыряли деньгами. Рестораны, женщины...

Елена Николаевна отодвинула бокал.

– И вы им позавидовали?! – она смотрела гневно.

Гости вскочили со стульев.

– Ну, что вы, Елена Николаевна, мы же просто к слову... Это чепуха, Елена Николаевна. Давайте чокнемся!

Она отодвинула бокал, оскорблённая и осунувшаяся.

И после, когда они, повторяя признания и клятвы, уехали, она всё останавливалась на мысли: «Почему? Чья тут вина?»

Всю ночь на потолке шуршала неугомонная мышь. Сон не приходил. В голове огненными россыпями вспыхивали и прогорали слепящие мысли. Душу теснило давно знакомое ощущение бессилия, предательское ощущение, что она не может охватить всё, что необходимо охватить оздоравливающими руками педагога. К кому-то подступала с гневным вопросом:

– Почему так мало хороших, воспитывающих фильмов? И зачем выпускают такие: распахнулась дверь, ломаются ребята, кто-то кого-то портфелем по голове, крик, грохот... Художественно? Сомневаюсь. Но безобразно – это точно. Понимаете, я не за то, чтоб ходили на цыпочках. Но разнузданность, беспардонность. Зачем? Во имя чего?

К утру её сковала головная боль. Спазмы. Голос охрип и огрубел, как у простуженной, на лице легли землистые тени. Она походила по комнате, присела на диван, попробовала разговаривать с заглянувшей техничкой, а взгляд увела симпатичная

детская мордашка, лукаво улыбавшаяся с цветной обложки журнала. Голос грубо вязал слова, а взгляд, нежнее, словно заигрывал с ребёнком и словно просил у него исцеления.

— В Ловати работала, в детсадике, до войны,— расплетала болезненный, скованный голос, обращённый ко мне. — Показательный был детсад в деревне. Такие же вот курносики. Вечером мамы придут, а малыш обхватит меня за шею: Калявна!.. Не хочет домой... — Мыслями улетела туда, в Ловать: — Чистенькие, накормленные. — И снова она здесь, любуясь, потянулась к журнальной Алёнке.— Ну куда от них? — И на лице проступила улыбка.— Ведь это народ непосредственный, как его не любить. Самый хороший народ.

Совершалось чудо: спазмы отпускали, боль уходила, только в голосе ещё держалась хрипотца.

Она вышла на крыльцо.

Цветник, облитый росой, пестрел, приглушив свои краски, и сладкий аромат ночных фиалок дотаивал в теплющем воздухе. Она стояла на высоком крыльце, мысленно видя ребят, хлопочущих над клумбами, говорила им со своим обычным задорцем: «Ну, народ, давай думать, как сделаем?» И вот они стоят и планируют, какой выйдет рисунок,— смышлёные, делом занятые, с круто сомкнутыми от думы бровями.

Ребята растут! Хороший народ! И дышать легко. Часами глядела бы на эти детские думающие головы, и, кажется, не надо и радости никакой другой!

...А те двое ржавой иглой в сердце засели.

И Володя. «Мы – с отцом... У нас получка».

И приходило тягостное ощущение неохватности... Три года, всего три года дети находятся под её крылом, в её начальной школе, а потом... Что там, в той же Берестнянской восьмилетке, в недалней средней школе? «Процент успеваемости»? Я уже не один год писал об этом простом и благородном опыте. Мои очерки и её статьи шли в областных, шли и в центральных газетах...

Ездил по окрестным школам, по районам. Резали глаз всё те же полузапущенные школьные усадьбы с поломанными деревьями, клумбы, заросшие травой, как могилы, и вымученные планы воспитательной работы.

В одной из сельских восьмилеток мне вышел навстречу директор – разбитной, стреляющий бойкими фразами атлет. Заговорил я о школе в Высоком – он хохотнул:

– Хо! Цветочки-дорожки!.. Не в таких ещё условиях учили. У бабки Лукерьи в арендованной хате, при «поросячьей инспектуре», уроки проводили. И, между прочим, давали процент!

Было видно, что дума о воспитании отнюдь не отягощают его. Не глодала его печаль-забота, каких людей он выпустил, не тревожился педагог, что в ком-то из них дурманым букетом расцвёл дикий эгоизм и лентяйство, безалаберность и равнодушные ко всему, а у иных и нечто откровенно антиобщественное при более-менее твёрдом знании, сколько будет дважды два. Нет! Его забота – лишь «провести уроки». Но чувствовал себя товарищ капитально: он «даёт процент»!

Его унылая, живущая, худосочной жизнью школа в районе

котировалась ничуть не ниже других и отнюдь не считалась досадным контрастом рядом с жемчужиной в Высоком. А живётся ему по сравнению с Еленой Николаевной куда как проще! Ему и во сне не снятся её тревоги и печали, её огорчительное творческое одиночество.

Я зашёл к секретарю райкома. Едва упомянул о Елене Николаевне, он засиял лицом, но, послушав, вздохнул:

– Сложный она человек. Очень обидчивая. И такая принципиальная!..

Он рассказал историю, которая расстроила его надолго. Решили районные руководители сделать учительнице подарок ко дню рождения: подарить холодильник. Повезли.

– И вы знаете, что получилось? Даже глядеть не стала. «Зачем вы мне это привезли? Я не просила. Не надо мне такой «заботы»!.. Представляете? Так он и стоит у неё в коридоре уже три месяца нераспакованный.

Руководитель района полагал, что жизнь у неё соткана из одних трудовых успехов и личного счастья. Понятно! Её называют самым дорогим, самым уважаемым человеком в районе. На сессиях, конференциях, совещаниях имя Елены Николаевны Деруновой произносится с особой интонацией. Заслуженная в России учительница, трижды награждённая орденами, много лет бессменный депутат районного и сельского Советов. Кажется, нет во всей округе человека влиятельнее, чем она. Один её телефонный звонок, и любой избиратель будет принят в любом районном кабинете с самым трогательным вниманием. Когда она выступает на учительских совещаниях, её слушают не шевелясь.

Руководители района искренне любят её, помнят её дни рождения, шлют ей поздравительные адреса и дорогие подарки. Её высоко ценят и в облоно, и в других областных организациях.

– Да, её и любят, и почитают,— горячился, встретив меня в редакции, друг-газетчик. – Но в то же время ты посмотри, с каким равнодушием относятся к её опыту. А некоторым директорам школ он вообще поперёк горла. Да-да! Я как-то написал о ней статью к учительскому совещанию, дали её. Захожу в зал минут за десять до начала совещания – читают, жестикулируют, твой разбитной директор в кругу приятелей митингует: «Ну зачем эта реклама? Ну, работает она неплохо, знаем, награды получила, ну и на здоровье! Но зачем этот «культ личности»?»

Я слукавил:

– Может быть, другим учителям её опыт представляется непосильным?

– Слушай,— ещё жарче загорелся он.— Ну что же тут для нормальных людей непосильного? Сельскохозяйственный участок? Ребячья работа? Старенькой учительнице по силам, а таким дядям... А? Ты скажи, спроса нет – вот это да. Спрос у нас за что идёт? За успеваемость, за процент. А за воспитание какой спрос? Тут и мерки-то никакой не придумано, как это дело измерять.

– Вот! – загорелся и я.— Вот, наверно, где собака зарыта!

Это были сложные годы в жизни школы, в жизни всей системы нашего народного образования. Годы, когда в школьном деле

накапливались, как будет потом сказано в Проекте ЦК. КПСС о школьной реформе, «серьёзные недостатки и упущения».

Но выходит, что рядовой учитель яснее видел, где главное. Видел, думал, искал и – слава ему! – находил, открывал для себя верные пути-решения. Они были заведомо сложны и трудны, те непроторенные тропы, они сулили массу новых забот и переживаний, но это не останавливало ни самих искателей, ни тех, кто становился с ними плечом к плечу.

Рядовые учительской армии совершали свою работу, не ожидая никаких указаний и инструкций, помня лишь о своём учительском долге и слушая лишь требования новой жизни. Ношу, добровольно принятую на себя, они несли уверенно и – помню волнующие примеры – оптимистично.

Скоро мы увидели их работу. Тут и там по стране вдруг маяками засветились очаги могучей новаторской педагогики – трудовые школы макаренковского типа, школы гармонического развития молодёжи. На родной своей земле калужской я увидел сразу два таких маяка, две школы – в Высоком Е. Н. Деруновой и Улановскую С. П. Масоновой. А дальше маяками-гроздами поднимались Мамлютская школа-интернат Г. М. Кубракова на земле северо-казахстанской, Богдановская средняя на Кировоградчине, Дедуровская Н. К. Калугина в Оренбуржье, Шумячская В. Ф. Алёшина на Смоленщине, Халданская З. Г. Шоюбова в Азербайджане, Яснозоринская М. П. Щетинина на Белгородчине,

орденоносная Григорополисская...

Сколько раз говорилось, что новое рождается в борьбе и муках! Как нам сделать, чтобы поубавилось в нашем развитии этих, увы, малооправданных мук? Кто-то из новаторов мечтал, что их добрый опыт будет замечен и подхвачен, что с ним жадно начнут знакомиться, их опыт привлечёт к себе многолюдные учительские делегации...

«Но ведь ценный же опыт – мы убедились!» – недоумевали «маяки» и садились, отрывая время от сна, писать статьи в педагогические газеты и журналы.

...Где-то впереди был год 1984-й, когда вешние ветры реформы зашумят над страной и начнут появляться признаки потепления на школьной ниве. Но сколько ещё сил и трудов надо будет положить, чтобы дух живого педагогического творчества заторжествовал в каждой из почти ста тридцати тысяч школ страны?

В долгой своей разъездной суеде я всё больше тревожился о том, чтобы старенькая, слабеющая Елена Николаевна не упала духом, не сошла со своего пути с камнем на сердце. Я вспоминал её трудные ночи, когда в затихшем на краю деревни доме она оставалась одна, наедине со своими думами.

Каким невыносимым, должно быть, становилось в эти часы ощущение одиночества!

И я снова ехал в Высокое.

Она встретила меня, сухонькая, подвижная, с совсем побелевшей, как первый снег, головой, но она вся светилась надеждами.

Стоял август. Она любила этот месяц изо всех. Канун

сентября, месяц счастливых ожиданий. Ими наполнилось всё: чистые дорожки среди клумб, спортивная площадка и каждая комната в новой школе.

Все дни двери в школе были открыты. Блестели полы и парты, и всё было залито солнцем, особенной тишиной. Это не усталая тишина отдыхающей школы, это звонкая тишина приближающегося праздника. Елена Николаевна входила сюда как в храм, в котором виделись ей новые созвездия детских глаз – смыслённых, отзывчивых, жаждущих. Здесь всё готово работать, здесь каждая половица, каждый блик на парте внушает аккуратность, сдержанность, прилежание.

Всё в ожидании: и шеренга свежих полотенец у входа в столовую, висящих как в детском саду, и самодельные обручи, украшенные букетиками из конфетных бумажек, – для танцующих на сцене («Ох, нравится мамам!»), и учительский столик с тетрадями и планами – всё, как урок начать. И немножко уже скучают без своих маленьких творцов и зрителей выставка «Цветы России», витрина ребячьих рисунков и вылепленных из пластилина фигурок Волка и Журавля, Вороны и Лисицы.

И уголок с названием «Наши ошибки». Три карманчика рядом: «1-й класс», «2-й класс», «3-й класс». Пройдёт контрольная, в карманчики Елена Николаевна положит именные карточки, на них слова, которые ученик написал с ошибками. Утром, до звонка («Ведь за полчаса до урока приходят, непоседы!») всяка найдёт свою карточку и сядет разбирать ошибки. Не хочешь, да запомнишь!

А потом войдёт Елена Николаевна, на ходу жуя «именинника».

И ждут своего великого дела планы воспитания – программы сотворения «золотых ребят». В них – и ступени развития трудолюбия, и работа по усилению способностей, талантов, и дела, пробуждающие чувство патриотизма, развивающие волю, активность, настойчивость в учении, коллективизм, культуру поведения, и беседы, учащие замечать, где нужна твоя помощь, и об умении экономно использовать время, и организация физкультурных занятий. Разделы, детализация, время...

Близится сентябрь, и она забывает, что ей за семьдесят. У неё снова начало пути. В её комнате всё по-прежнему настроено служить её делу – и просторный стол, и книги, и журналы на диване. На столе я увидел письма, газеты, свежие и уже пожелтевшие. Должно быть, в них тоже было что-то целительное. Мы, как когда-то в прошлые годы, стали вместе перебирать её письма.

– Это мои друзья и врачеватели,– сказала она.– Перечитываю иногда.

Остановились на аккуратно выведенных строчках: «Не позволяйте себе, милая Елена Николаевна, отдаваться грустным настроениям. К чему? Я часто думаю о Вас. Вам может всё-таки позавидовать любой. У вас же поистине замечательная жизнь! Вас окружают любящие Вас дети и благодарные Вам родители. Это же счастье».

– Это из Калуги, учительница,– проговорила Елена Николаевна.– Прекрасный человек!.. А это из ваших Думиничей.

«Вам шлют большой комсомольский привет участники турпохода старшекласников. Ваша школа забываема! Таких трудолюбивых и вежливых детей мы видели впервые».

– От бывшей ученицы. В Москве работает.

«Милая, любимая Елена Николаевна! Как я часто вспоминаю Вас и нашу чудесную школу. Когда мы узнали о награждении Вас новым орденом, это было для всей нашей семьи как праздник... У меня всё хорошо, борюсь за звание ударницы коммунистического труда».

Я развернул районную газету.

«О таких Ленин говорил, что они идут в массы, просвещают их, своей жизнью, поведением, благородством очищают жизнь от всякой скверны, приближают светлое будущее».

С первой странички другой газеты смотрело приятное, умное лицо девушки. Мне почему-то сразу подумалось: Аня! Вспомнились слова Елены Николаевны, которые были когда-то напечатаны в «Крестьянке»:

«Есть у меня ученица Нюра Щёголева, сейчас она уже в седьмом классе. Мечтаем мы с ней, что станет она учительницей».

Она! И статья под снимком:

«От неё веет чистотой и душевным здоровьем... Анна Петровна Щёголева – выпускница Кондровского педучилища, работает в Клёновской восьмилетке... Сколько души она отдаст детям! Её уроки содержательны, эмоциональны, полны открытий для малышей. Она пишет стихи, играет на баяне. Она – ученица Елены Николаевны

Деруновой, которая вложила в неё свою любовь».

Елена Николаевна заговорила звонко, молодо:

– Всегда мы с нею так рады встречаем!

Мы стали вспоминать и о других – о Шуре, о Ваське, Алёше. Это уже взрослые люди. Шура теперь уважаемый рабочий человек, о Елене Николаевне пишет подруге: «Она моя родная мама». О школе написала: «Это для меня вечная святыня». А мальчишки... Поехали они учиться дальше, повидали места другие, в городах побывали и однажды пришли к Елене Николаевне, рослые, плечистые, с тёмным пушком над губами. И Васёк заговорил о том, что всем им хочется теперь сделать Высокое красивым, новым, деревьям насажать вдоль улиц, новый парк разбить, чтобы там и скамеечки, и сцена, а рядом – спортивный городок.

Они уходили в армию, и ей хотелось, чтобы они возвращались скорее. А потом думалось, что если даже судьба занесёт их в другие края, куда-нибудь на ударные стройки, – что ж! Велика Россия, и ведь всю её надо обстроить и украсить!

И мы снова прощаемся. Я ухожу, издали оглядываюсь на Елену Николаевну, а она стоит у калитки. Трудно мне уходить. Тридцать пять лет она стоит здесь, перед всем районом и областью, перед руководителями просвещения страны, протянув им лучшие плоды своей долгой учительской жизни: примите, это нужно всем, этого так сегодня не хватает всюду! Пусть не умрёт, пусть живёт и помогает

воспитывать настоящих людей мой скромный опыт...

Она стоит у калитки, освещённая солнцем, сухонькая, с узлом волос, спущенным на затылок, и вся светится, глядя на стайку ребятишек, которые бегут к ней.

1956–1984

ШКОЛЬНЫЙ УЗЕЛ

«Мы и сейчас ещё иногда слышим – и не только от некоторых учителей, но и от людей, имеющих отношение к педагогической науке, слова лукавого сомнения: «Должна ли именно школа выступать организатором трудового воспитания в такой же степени, как и обучения общеобразовательным предметам?» По моему, ответ здесь ясен. Никто, наверно, не додумается предложить для этого другую организацию. Именно школа! Так это и должно быть. Но начинает нас всё больше беспокоить практическая сторона дела. Мы пока не видим, чтобы труд утверждался в каждой школе именно как воспитывающая сила. Вы посмотрите, сколько есть примеров, когда школа имеет, кажется, всё, что нужно: и хорошо оборудованные мастерские, и пришкольный учебно-опытный участок, и ученическую производственную бригаду, и лагерь труда и отдыха; есть у неё труд всякий – и обслуживающий, и просто общественно полезный, но нет... трудового воспитания, нет и мысли о привитии любви и привычки к труду, о необходимости которой достаточно вроде бы ясно

сказано в решениях о реформе. И что получается?..»

Так пишет мне старый агроном из Вологодской области А. Л. Петряшов.

Нетрудно понять, почему эта тема вызывает у него, у многих большой интерес.

И так получается, что первые шаги в исследовании этой темы приходится делать публицистике.

Беру письма. Вот что в буквальном смысле они говорят «сами за себя»:

«Меня можно назвать продуктом нетрудовой школы, хотя труд в нашей школе был. Я жертва словесного воспитания, научно именуемого «воспитывающим обучением». Я сыт этим обучением по горло и преодолеваю его последствия в мучительнейшей борьбе с самим собой. Ведь приходится создавать себя чуть ли не заново в 20 – 25 лет».

Так пишет мне Александр Позднышов из Львова. И с той же печалью взялся за авторучку молодой челябинец Игорь Приходкин.

«Труд в нашей школе был, но не было, как я теперь понял, самого главного: воспитания трудом... И что из нас получилось? Конечно, среди нас есть хорошие, трудолюбивые люди, но их единицы. А в общей своей массе мы как духовно, так и физически ленивы».

Вот как они выглядят на производстве:

«У меня вчера был разговор с парнем на заводе, – делится своими наблюдениями инженер из Томска Галина Волокитина. – Ему восемнадцать лет, он окончил десять классов. Десять лет школа учила его и воспитывала. Неглупый парень, вполне приличная характеристика. Но он воспитан никчёмным человеком –

это буквально: ни к чему не стремится, никакого дела знать не хочет, ничто абсолютно его не интересует. В любой обстановке у него одно желание – уклониться от малейшей ответственности. Он не работает, а мучается и совершает прогул за прогулом.

Сказал, что попробует поступить в институт. Но если даже он туда поступит, какой из него выйдет командир производства? Вот такой тяжкий брак наша местная школа выпускала годами, и всё у неё шло «нормально», она не получила ни одной «рекламации».

Тут интересно обратиться к моим блокнотам. Я давно наблюдаю за работой ребячьих трудовых объединений.

Побывал я в нескольких школах Подмосковья. Одну из них мне рекомендовали особенно. Я охотно туда поехал. Директор школы, человек душевный и разговорчивый, повёл меня на пришкольный участок.

– Вот наша база трудового воспитания. На «базе» два отряда старшекласников перекапывали прошлогодние грядки. С приближением взрослых ребята, что называется, наддали, лопаты у них заходили быстрее, но я заметил, что работали они как-то не по-хозяйски. Пласты не разбивали, только две или три девочки выбирали корневища сорняков.

– Сколько же чего у вас тут будет посеяно? – спросил я.

Ученики переглянулись, пожали плечами. За последние годы, пожалуй, не один десяток раз я наталкивался на такое сногшибательное неведение. Встретившись с ним, можно уже ни о чём больше не спрашивать: здесь нет труда воспитывающего,

осмысленного, пробуждающего интерес и стремление к результату, здесь царствует бездумное отбывание повинности, убивающее интерес к делу.

Директор сконфузился, засуетился:

– А где Вера Никандровна?

Выяснилось, что Вера Никандровна, пожилая учительница, – биолог, отлучилась на медпункт. На вопрос пришлось отвечать самому директору. Будь на его месте директор макаренковского типа, он всё объяснил бы лучше любого биолога. Главный воспитатель школы! А этот не смог.

– Собственно, сколько чего – это не так для нас важно, – стал объяснять он, раскрывая свой подход к делу. – Нам прежде всего важен сам труд. Чтобы ребята приобретали трудовые навыки, росли в труде. А параллельно у нас идёт профориентация.

– И она даёт результаты?

Ребята дружно объяснили, что у них большинство ориентируется на торговлю и общественное питание.

– Ну, некоторые, конечно, на трактор. Раздался смех. Я понял: трактор не котируется, и спросил, чем объяснить такую дружную и горячую любовь к торговле?

– Там легко! – прозвучал простодушный ответ.

– Но, наверно, не каждому интересно, где легко, – осторожно возразил я. – Есть же такие, кто по-настоящему любит работу.

За всех ответил плечистый парень с кудрями до плеч:

– Работа есть работа – кто её любит? Не диво. Давно уже школа вплотную занимается трудовой подготовкой

своих питомцев, давно твердит слова о трудовом воспитании, с первого класса вот эти мальчики и девочки проходят, как любят говорить просвещенцы, трудовую закалку, а в итоге – такая откровенная неприязнь к труду!

– Что происходит, Александр Александрович? – заговорил я потом с директором. – Где просчёт?

– Ну что вы! – заспорил он. – Нельзя же каждое слово школьника принимать за чистую монету!

Может быть, он мало вдумывался, мало анализировал воспитательные возможности тех форм труда, которые использовал?

Я стал рассказывать ему о просчётах других школ, о явно безнадёжных принципах постановки дела, которые у них вошли в норму, вспоминал характерные случаи.

Вспомнил поездку в одну из ученических бригад, о которой в районе очень хорошо отзывались: ежегодно выращивает колхозу гектары корнеплодов, оказывает большую помощь в уборке урожая. Иду в поле. У реки с полсотни подростков тямками обрабатывают колхозную свёклу. Впереди цепочка мальчиков. Они тяпают «на быстроту», не нагибаясь. А позади всех работает горстка девочек. Согнувшись, они копаются у каждого растения – видно, приучены дома трудиться старательно. В междурядьях начисто вырубает траву, разгребают её так, чтобы больше не принялась и скорее засохла, а в рядках выбирают сорняки руками и тут же прореживают свёклу, удаляя лишние растения, которые послабее.

«Передовые» мальчики оглядываются, посмеиваются; сейчас они «добьют» свои рядки. Но отставшие девочки за ними не спешат. Я вижу: они не хотят спешить, не хотят делать кое-как, им хочется, чтобы приятно потом было посмотреть на свою работу.

Но вот «передовые» мальчики дошли до конца, побросали тяпки, бегут, кидаются травой, кричат отставшим девочкам:

– Эй, отстающие, уснули там? Работать надо уметь!

Девочкам обидно, они бегут на рядки этих ловкачей-насмешников, показывают учительнице: вот трава не вырублена, только землёй привалена, вот свёкла порублена... Учительница делает мальчикам замечание, но ей и самой эта колхозная свёкла – не такое уж родное дело, – замечание звучит не слишком внушительно. Девочки отходят, повесив головы. Урок?

– Ну, тут она не права! – воскликнул Александр Александрович. – Учитель обязан добиваться, чтобы ученик каждое, любое дело выполнял добросовестно!

Абсолютная истина! Но вот я еду в другую бригаду. Бригада тоже видная, о ней часто пишут в газетах. Тоже работает на колхозной свёкле.

Учительница зоркая, строгая, привела ребят на участок, объявила:

– Ребята, учтите, буду принимать каждый ряд! Кто плохо прополет, заставлю полоть второй раз.

Ребята работали хмуро, молча, словно отбывали повинность. Какое уж там увлечение, какой интерес, какая любовь к труду!

– Но это – условия, – развёл руками Александр Александрович. – Это и у нас... А что я сделаю? Откажусь? Что мне в районе скажут? «Как помогаешь выполнять Продовольственную программу?» Не-ет, – протянул он. – Это установлено «свыше»!

– Но мы же должны ещё помнить о воспитании трудолюбия! – заметил я.

– Тогда надо... перестраивать...

– Совершенствовать!

– Но как?

– Вы слышали что-нибудь об опыте, скажем, Улановской школы? Нет? А о Шумячской?

– А где об этом написано? Я выписываю «Народное образование», «Советскую педагогику», «Учительскую газету»... Что-то не встречал.

– И в «Сборнике приказов и инструкций» ничего об этом не было, – невольно сыронизировал я и стал вспоминать свою недавнюю поездку в одну из этих школ.

Есть на Смоленщине районный центр Шумячи – шумящий зеленью и совсем не шумный посёлок. Когда приезжаешь сюда впервые и встречаешься с прохожими, сразу обращаешь внимание на молодых людей. Есть что-то не совсем обычное в их облике. Шофёр ли это, тракторист ли, он опрятно одет, хорошо побрит и подстрижен и держится со спокойным хозяйским достоинством. Спрашивает ли, отвечает ли, он не позволит себе разболтанных движений, неряшливых фраз, – он весь отчётлив, собран, уважителен и с первой минуты вызывает ответное уважение к себе. Говоришь с ним – и тут же приходит мысль о школе, которую он окончил. Чувствуешь

в человеке её неумолкающий педагогический камертон, её «фирменную марку».

Если есть храмы науки, то школа в Шумячах – это ещё и храм культуры, порядка и красоты. Директором её работает человек, счастливо сочетающий в себе качества талантливого педагога, государственно мыслящего человека и хорошего хозяйственника, – Василий Фёдорович Алёшин, народный учитель СССР. Третий десяток лет совершенствует он систему трудового воспитания в школе. Формы, к которым он пришёл, оказались непростыми, но как раз такими, которые обеспечивают нужный сегодня результат.

Я знаю просвещенцев и учёных, которые трудовое воспитание представляют себе некоей элементарной материей: вложи школьнику в руки какой-никакой инструмент, дай потяпать-постучать – и пожалуйста: можешь рапортовать, что задача выполнена и юная смена прямёхонько подошла к осознанному выбору профессий. Оттого обычно и ведут они речь лишь о том, чтобы поскорее обручить школяра с подвернувшейся специальностью. Какой-де там вкус к труду, какая любовь! Стерпится-слюбится!

У Алёшина школьник с первого класса учится радоваться делам рук своих. Есть при школе довольно обширный опытно-производственный участок (не учебный, а производственный!) – здесь всё и зарождается. Дети начинают с того, что получают грядку или клумбу и приступают к великому таинству сотворения земных плодов. С этого часа их захватывает тот самый труд-забота,

о котором говорил Макаренко и который служит безупречным воспитателем старательных хозяев и увлечённых трудолюбцев, способных слышать зов дела.

Первая забота – семена. Отбирают, проверяют, готовят. Узнают тайны их жизни. Потом – почва, её секреты и законы. И вот она принимает семена. Оказывается, это интересно и даже приятно – положить их в мягкую постельку. А дальше пойдёт целая карусель забот и радостей. Посеяли – земля ждёт влаги. Полили – надо рыхлить. Пошли сорняки – спешу полоть, потом подкармливать, снова полоть. Всё это и хлопотно, и весело. Радостно видеть, как проклюнулись из земли твои первые растения, как повеселели они, когда получили влагу, как много прихлынуло к ним света, когда с грядок сняли мохнатую шубу сорняков, как легко и вольно задышалось после этого и цветам, и свёкле, и бобам! Красиво смотреть.

Труд, красота и радость здесь идут рядом, и получается праздник.

Не спешите говорить, что это интересно одному и неинтересно другому. В детстве всё интересно! И всё оставляет в растущем человеке свой вечный след. Не закрывайте глаза на невежество тех, кто принижает этот детский труд современными ярлыками «примитивный», «несовременный». Недомыслие белоручек! Именно с него, с простого ручного труда начинается и всегда будет начинаться человеческое трудолюбие. Отсюда берёт своё начало дорога и в космос, и в глубины вещества, и к самым высоким вершинам творчества.

Идёт на участке работа, и идёт порой незримое соревнование:

у кого лучше, у кого красивее? И какая это награда для маленьких старателей, когда их похвалят и когда люди останавливаются у школьного участка и любят! А потом будет праздник урожая, выставка экспонатов. Это день трудовой гордости, день осязаемого взросления. Стенды рассказывают, как много выращено детьми всяких овощей, как много народу можно ими обеспечить. Скольких словесных бесед о пользе труда стоит один такой праздник!

Кажется, всё просто, элементарно. Но много ли школ мы находим, где организовано дело так, с прямым расчётом на полноценный воспитательный результат? Часто ведь дело сводится к тому, чтобы дети что-то посеяли, провели поливку и... забыли о своих грядках на всё лето. Говорят: а как же? Каникулы!

В Шумячах и про каникулы помнят. Но однажды ребята здесь собрались и постановили: летом тоже на участок приходить. Установили даже норму выходов: по 30 дней для первых – четвертых классов, по 35 – для пятых - шестых и по 42 дня для седьмых - десятых. Кое-кто из сердобольных мам было всполошился: когда же детям отдыхать?! Ответили им сами дети: милые мамы, не бить же нам баклуши с утра до вечера! Надо часок другой и поработать – это же так интересно! И вопрос, как говорится, был исчерпан. С тех пор так и работают. Отсюда ребята охотно идут на помощь колхозу, идут с надёжной подготовкой и стойкой привычкой хорошо работать.

Но уже в шестом и даже пятом классе они начинают мечтать

о технике, о работе на машинах, о переходе в школьную производственную бригаду.

И вот приходит их час подниматься на эту «вторую ступень». За плечами шесть лет труда-заботы на пришкольном участке. Шесть лет опытные педагоги учили их культурному производственному труду, помогали «за трудным радостное находить», как говорила известная калужская учительница С. П. Масонова, укреплять чувство личной полезности для общества. Ребята прощаются с участком, с начальником участка, благодарят своих наставников-биологов С. С. Андросову, О. Г. Дубровскую, Е. А. Румянцеву, которые руководят тут всеми делами.

Переходят подростки в ученическую производственную бригаду.

Производственная бригада Шумячской школы – организация солидная. В ней две с лишним сотни работающих, пять тракторов, почвообрабатывающая и другая техника, ей отведён массив колхозной земли в 125 гектаров. Практически это школьная земля. Ученики так и говорят: «В колхозе нашей земли 125 гектаров». Они не «ходят в колхоз свёклу полоть», а выращивают на своём поле нужные колхозу культуры. По внешним признакам разница малозаметная, а по существу... В первом случае они – вспомогательная рабочая сила, а во втором – хозяева, ответственные за дело от начала до конца.

Выращивают ребята не одну, а несколько культур. Сорок гектаров отводят обычно под кукурузу, пятьдесят – под картошку, двадцать пять – под овёс или ячмень, десять – под корнеплоды.

Полная возможность изучать весь цикл работ на всех видах полевых культур. Есть три мастера-инструктора, под их руководством подготовленные ребята пашут и сеют, удобряют поля, обрабатывают посевы, убирают урожай.

Недавно бригаде исполнилось 25 лет. Всё в её жизни началось с нуля. Помогали колхозам в полевых работах, помогали убирать картошку, доводить до дела лён, заготавливать корма. За труды шла оплата, богатела школьная касса, богаче становилась база воспитательной работы. Школа начинала приобретать технику. За свои трудовые! Объём работ становился солиднее, суммы доходов – тоже.

Вторая ступень трудового воспитания – это ступень сближения с техникой, с научной организацией производства. Подростков здесь ждут семинары по агротехнике, по изучению машин.

Школьное поле сейчас – это поле высокой культуры земледелия. Для местного колхоза оно стало в немалой степени примером, образцом. Это красивое поле. Ровные ряды, тучные всходы, в междурядьях чистота. А урожаи... Ребятам есть отчего чувствовать себя «на высоте». Когда колхоз берёт с гектара по сто сорок центнеров картошки, школа собирает по двести, когда ячменя у колхоза выходит по девятнадцать центнеров, у школы – по тридцать одному; ещё разительнее разница по зелёной массе кукурузы, которой ребята собирают по четыреста пятьдесят центнеров с гектара.

Поля школьной бригады стали своеобразной научной

лабораторией по выращиванию новых сортов зерновых и других культур. В последние годы отсюда пошли в колхозное производство по два новых сорта ячменя и картофеля, по одному сорту овса и кукурузы.

И – удивительное явление! У них всё время растёт объём работ и всё время возрастает жажда деятельности. Ещё недавно у них было только пятьдесят гектаров земли, теперь в два с половиной раза больше. А количество учащихся сократилось. Сверх того за ними закреплены двести двадцать гектаров леса – учащиеся обеспечивают за ним полный уход по всем правилам ведения лесного хозяйства. Сверх этого взялись озеленять улицы посёлка, заложили молодёжную рощу, участвуют в ремонте дорог, в ремонте школы, непременно во всём помогают колхозам. И сверх всего взяли на себя ещё одну заботу: досуг и общественные дела по месту жительства. Организовали там разновозрастные отряды.

Любопытная цифра: годовой объём общественно полезных работ школы сейчас составляет двести – двести сорок тысяч рублей. ...Александр Александрович слушал с открытым интересом, порывался задавать вопросы, а в конце снова вскинул плечами:

– Но почему мы о таких примерах ничего не знаем? Почему, в самом деле, этого нет в сборнике приказов и инструкций?

– А знаете, – вспомнилось мне, – как-то мы беседовали с одним из руководителей педагогической академии. Я рассказал ему об опыте Улановской школы и тоже спросил: почему этот опыт, такой результативный и такой общедоступный, горячо

поддержанный общественностью, не внедряется в массовую практику? Он мне тогда ответил дословно так: «Это я знаю, многие говорят: «Издайте приказ, дайте инструкцию». А я от обратного иду: а что вам мешает делать без инструкции?»

– Да как же что? – заволновался Александр Александрович. – Приказы! И инструкции! Мы же всё ещё спорим (спорим!) о праве на творчество. Вспомните статью кандидата педагогических наук Дьяченко в «Советской России», она называлась «Право на поиск». А получается, конечно, не то.

Драматическое «не то»!

У знакомых в этом посёлке я раза два встречал девушку-почтальона, её зовут Людмилой. Год назад она окончила здешнюю школу, в институт не прошла и устроилась на почту. Её имя ей очень идёт: она и вправду людям милая – уважительная, скромная, все рады ей, когда она приносит письма, газеты, переводы. Но мне показалось, что она вроде недолюбливает свою работу, и я сказал ей несколько фраз о том, чем эта работа хороша, а к слову напомнил славного почтальона Харитошу из весёлого довоенного фильма – паренька, которому интересно жить и работалось с песней: «Я везу любовь, и радость, и дыхание весны». Людмила слушала, искренне улыбаясь, потом так же искренне сказала:

– А мне не хочется работать. Хочется отдыхать и отдыхать.

Разве не драма?

Парня в посёлке встретил. Симпатия парень,

компанейская душа, все мыслимые дали исколесил. Знает и БАМ, и Уренгой, и рыболовный флот, в Газли дома строил после землетрясения. Ан где ни трудился – нигде не отличился. Отец родной, механик-самоучка, с горчинкой насмешничает над чадом своим:

– Если б его на каждом месте памятной медалью жаловали, он теперь весь, до самых коленок, ходил бы медалями обвешанный. Ходил бы и бренчал ими – ни в какой канаве б не потерялся! Лёгкое племя... А не дурак! И по слесарному смекает, и по каменному делу, по электросварке тоже – пожалуйста! Но вот как его на работу дозваться – это вопрос!

А сам он сказал так:

– Вообще-то мы росли в труде. С первого класса. Но какой это был труд? Бери тут, кидай туда! Кто куда пошлёт.

Вспомнил: грядку засеял первый класс, поливал её потом пятый, пропалывал четвёртый, за ним шестой, а урожай собирал вообще неизвестно кто.

И спрашивал: по какой это науке делается?

Иначе: есть ли под этим какая-то научная основа?

В Шумячах работает могучий принцип: «Ребята должны быть полными хозяевами своего дела!» Макаренковский принцип. Василий Фёдорович Алёшин чуткой душою педагога почувствовал его захватывающую силу и твёрдо поставил этот принцип на службу воспитания в современных условиях. Слава ему ещё и ещё раз!

А здесь? А в других школах? Всю весну и лето я наблюдал за одной из знакомых мне школ, за жизнью её ученической бригады и тоже ломал себе голову: по какой науке?..

С первого взгляда – ничего грустного. В просторном коридоре школы – броский, красивый стенд: «Наша ученическая производственная бригада».

Фотографии, итоги работы за минувший год, новые обязательства, договор с колхозом, планы культурно-массовой, спортивной работы, состав совета бригады, технологическая карта. Внушительно! Впечатляют и планы, и фронт работ. Помимо традиционной помощи в переборке и уборке картофеля, заготовке кормов обязались ребята вырастить колхозу десять гектаров свёклы. На сто десять членов бригады – это порядочно. Но главное не гектары. Главное – само дело. На нём будет строиться трудовое воспитание.

Всё планировалось обстоятельно. Технологическая карта рассказывала, что бригада вывезет на те десять гектаров триста тонн навоза, и это произойдёт до 15 апреля, что потом проведёт она разбрасывание удобрений, и это будет завершено до 23 апреля, затем последуют запашка и боронование, и это завершится 22 апреля, а 25-го свёкла будет посеяна. Всё – по науке, в самые лучшие сроки.

Но вот пришёл апрель. Новички-земледельцы улыбнулись солнышку и стали настраиваться на рабочий лад. Позвонили в колхоз: как, дескать, там насчёт вывозки навоза, не начнём ли? «Какого навоза?» – удивился колхоз.

«Да под свёклу же,— напомнила школа,— у нас договор с вами, десять гектаров свёклы мы вам взялись вырастить». — «Н-да, забота!..— тоскливо вздохнул колхоз. — Аллах его знает, где ещё семена брать — семян нету. Да и насчёт навоза... С навозом полный прогар! Всё, что было, звеньевые под картошку, под кукурузу забрали».— «Как же так, товарищи? — взмолилась школа.— Мы же обязались вырастить высокий урожай, нам надо научиться хорошие урожаи получать, а без удобрений, сами понимаете...» — «Без удобрений — ладно! — успокоил неугомонных просителей колхоз. — Тут ещё не знаем, где вам землю брать — вся земля занята!»

Время шло, солнце грело всё жарче, песчаная земля сохла быстро. И когда она уже высохла до кондиции охотничьего пороха, колхоз торжественно объявил: «Есть семена! Нашли!» Нашли их не за горами, не за синими морями, купили в соседнем совхозе, в котором при самой невеликой расторопности и заботе ими можно было разжиться ещё зимой, когда составляли договор и вписывали в него пункт, что «правление колхоза обязуется обеспечить бригаду семенами, техникой» и пр.

Теперь стали землю искать. Глянули на одно поле — там уже грачи кукурузу проверяют. Глянули на другое — сплошные борозды: картошка посажена. Оставался незанятым поблизости один лоскут. Земля отменная: чистый белый песок, хоть стекло вари! Но и в этом лоскуте набиралось не десять гектаров, а только шесть.

«Вот,— сказал председатель.— Всё, что могу!»

— Да что ж мы здесь получим, товарищи? — опять взмолилась школа.— Натуральный же кремнезём!

— Ничего! — ободрил председатель школяров, жаждущих трудолюбия и рекордных урожаев.— Мы подкормку внесём. Аммиачка, селитры. Сила!

«Сила» в колхозе была, но надежды внушала слабые. Заглянула бригада в сарай с удобрениями — целые сугробы навалены разных солей. Навалены, перемешаны одна с другой, с какими-то железками, с худыми полиэтиленовыми мешками, и уж ни по цвету, ни по запаху не поймёшь, то ли это аммиачная селитра, то ли снадобье от колорадских жуков. При этом выяснилась любопытная особенность председательского характера: ободрял он юных свекловодов преимущественно для красного словца. Свёклу он недолюбливал, считал её культурой «канительной и малонадёжной», и «сила» на неё не планировалась. Можно было наскрести тонну-другую удобрений, раскиданных возле сарая, но это довольно затруднительно: их вконец размыли осенние, а также вешние воды, втолки в грязь и перемешали колёсами трактора, автомашины и прочая высокопроизводительная техника.

— Ну что ж? — уныло отозвалась бригада.— Если подкормка будет, то ладно. Давайте скорее сеять — сроки-то убегают!

— Сеять? — насмешливо хмыкнул председатель.— Вот с этим придётся подождать.

Пока не вся кукуруза посеяна, до свёклы дело не дойдёт.

Долго ждала школа. Только когда на всех огородах свёкла залопушилась, председатель дал команду: сеять! Насчёт подкормки правленцы потом скомандовали трактористу:

– Ладно, возьми маленько из сарая. – И пояснили: – Главное, от дороги подкорми, понял?

Так потом и росла она: от дороги весёлая, лопушистая, а в глубине, как говорили бабки, «что бог дал». Чесали затылки начинающие земледельцы: интересная это наука – полеводство.

В сухом песке свёкла всходила еле-еле, долго и недружно. Лебеда, горчак и молочай смело выигрывали с нею трудовое соревнование. Бригада проигрывала. Надо было спешить с междурядной обработкой, а вся техника в колхозе была брошена на кукурузу и картошку.

Сказать, что колхоз сильно бедствует из-за нехватки машин, значит быть к нему очень несправедливым. Тракторов в хозяйстве столько, что каждому из них достаётся выработать за год примерно в восемь раз меньше, чем давала в тридцатых годах на один тогдашний трактор, скажем, бригада Паши Ангелиной. Выделить школе один «Беларусик» с набором навесных механизмов означало бы для колхоза даже не ущерб, а повышение производительности труда всех остальных тракторов. Но какой колхозу расчёт голову себе забивать лишней заботой?

Хочешь не хочешь, а деревня всё видит, всё знает и обо всём понятие имеет. И ученическая бригада тоже.

Конечно, на прополку ребята выходили. Но, похоже, хозяевами на этом поле они себя не чувствовали, и показывать образцы у них неудержимого желания не обнаруживалось. Тяпали. Кто как мог. Прополотая, да под частыми дождями (бывает же такое везение!), свёкла, где лучше, где хуже, пошла в рост.

По технологической карте дальше предусматривалась вторичная прополка с прореживанием, но теперь на карту ребята уже не глядели. Они собирались и вспоминали, какие чудеса со свёклой происходили у них в прошлом году. Новички слушали, открывши рты...

Неизвестно, по какой причине, но под свёклу в прошлом году был отведён хоть и небольшой, но плодородный участок. Свёкла хорошо взошла, рядки были закреплены за ребятами, у рядков появились дощечки с фамилиями. Работалось интересно. Пололи, рыхлили, прореживали. Отличная свёкла росла! Пришёл август, она стала быстро набирать вес. Ребята фантазировали:

— А к осени какая она станет! Учителя говорят: выставку можно устроить.

Но тут оказалось, что в колхозе стали «падать надои» молока. Район потребовал принять меры. И тогда правление, долго не думая, замахнулось на эту свёклу. Молокогонный корм! Подёргать и скормить! Дали команду, а школу даже не предупредили. Бригада узнала, переполошилась, где-то разыскали председателя..

— Зачем же добро губить? Свёкла только в силу входит, только вес начала набирать по-настоящему,

ей ещё полтора-два месяца расти, это же какое богатство будет!
И ребятам радость какая – на выставку повезут!

Ответ был короткий: – Горит план по молоку, вам ясно?

– Да ведь август месяц, травы кругом полно!

Свёкла оказалась сподручнее травы и была, что называется, в расцвете сил уничтожена...

Старый сибирский учитель, многократный участник ВДНХ Н. И. Маякин писал мне:

«Мы часто слышим, что ученическая бригада – это оправдавшая себя форма, надежды на неё действительно возлагаются прямо-таки эпохальные, но как она живёт, какую на практике играет роль в трудовом воспитании школьников, в закреплении молодёжи на селе, – этого многие просто не знают. А её надо совершенствовать, она явится полноценной воспитывающей силой только тогда, когда превратится в макаренковский трудовой коллектив со своей производственной базой, с самоуправлением и элементами хозрасчёта. В трудовых делах ребята должны быть сами хозяева! Без этого трудовое воспитание будет оказываться благозвучной формальностью».

Не выходят из головы и городские мальчики, подпирающие стены, не отпускает тревога о подростках, привыкающих искать радости жизни вокруг бутылки.

Нет, мы много нового в последние годы ввели в городскую ребячью жизнь. К школьным мастерским прибавились УПК, учебные цехи

на предприятиях. Появились очаги воспитания при ЖЭКах. Штатные педагоги организуют там технические, спортивные, художественные кружки, интересные встречи, трудовые десанты, выставки. Немало, кажется. А вот чего-то не хватает. Все чувствуем: чего-то очень важного...

В Москве я познакомился с одним из учебно-производственных комбинатов, там мне сказали:

– Всё у нас хорошо: и кадры, и оборудование, и помещения. Но вот беда: только 15 – 20 процентов учащихся идёт по полученным у нас специальностям. Многие вообще не любят работать.

– И вы не в состоянии им любовь привить?

– Понимаете, к нам они приходят, как правило, уже с определенным негативным отношением к труду. А приходят раз в неделю. Можно ли перебороть? Иные заявляются вообще как на вокзал: пришёл, походил, уехал домой.

И тут мимо! Есть труд, но нет трудового воспитания.

Выясняется давно ясное: учебно-производственный комбинат – предприятие очень удобное для профориентации и подготовки тех, кто воспитан в труде, кто внутренне настроен на трудовую жизнь. Но ему не по силам задача, не выполненная в семье и школе, – задача воспитания любви к труду, точнее – теперь уже перевоспитания шестнадцатилетнего человека, привыкшего жить вне труда.

Один заход в неделю... Не по силам!

Знакомлюсь дальше, и приходит мысль: а может быть, мы ещё не дошли до понимания всех возможностей УПК? Ведь как узко мы эти комбинаты используем!

Беседую с девочками-девятиклассницами. Они занимаются в группе продавцов. Спрашиваю:

– Пойдёте в торговлю?
– Конечно, нет! – отвечают почти хором. Ответ ошарашивает. Девочки это видят, объясняют с жаром и досадой:

– Понимаете, это же глупо! Такие огромные на нас затраты, а зачем? Разве не ясно, что если мы из восьмого класса не пошли в ПТУ, значит, мы идём в институты?

– Ну, мы ещё ладно, – добавили в другой группе, у маляров.
– А есть же – из спецшкол. Завтрашние переводчики, преподаватели английского языка. И из них тоже «готовят маляров». Разве это серьёзно? А какой тяжёлой становится из-за этого наша рабочая неделя!

– Один день до изнеможения они корпят здесь, в другие дни – до изнеможения – в школе, – продолжала эту мысль одна из родительниц, кандидат наук Н. А. Александрова. – Вот, пожалуйста, группа машинописи. Шесть часов сидят, выстукивают буквы. Шесть часов! А в остальные дни – по шесть–семь уроков в школе. Какой наукой благословлена такая система? Вчера было семь уроков, завтра семь. Соответственно идут и домашние задания. До одиннадцати–двенадцати часов ночи старшеклассники учат уроки, не разгибаясь. У них три четверти класса – в очках. Половина гипертоников и гипотоников. Поступают в институты они уже больные люди!..

Почему городские ребята с такой радостью едут в колхоз? – говорила она спокойнее. – Там всё чередуется, всё разнообразится. Там у них и труд, и стенгазеты, и поэзия, и посвящение мальчиков в рыцари. Из колхоза они приехали грязные, пропахшие потом, – но разгоревшиеся, жизнью налитые. А тут – одно беспросветное сидение.

И снова я думал о том, чего не хватает ребятам, чего недостаёт в нашей работе с ними. В школе и в УПК мы их учим, вне школы развлекаем, занимаем, организуем их досуг. Они всюду у нас в роли глотающих. Нигде они не выступают серьёзной общественной силой, нигде не чувствуют себя такими хозяевами, как в Шумячах.

А может быть, мы об этом ещё как следует не подумали? Может, даже что-то такое жизнь уже родила, да мы пока не знаем?

Вот недавно собирались в Москве публицисты, обсуждали школьные проблемы, и наш ведущий, Александр Радов, предоставил слово молодому учёному из Свердловска Евгению Королёву. Оказалось, что Королёв – один из организаторов и руководителей самодеятельной молодёжной коммуны, теперь известной как «Республика МЖК (так был потом назван очерк о ней Александра Радова, напечатанный в «Литературной газете» 15 августа 1984 года).

Мы узнали о явлении необычайно любопытном. Стихийно сложившаяся молодёжная коммуна строит (в основном построила) свой городок. Конечно, по-умному спланированный, с чудешколой,

своим заводом при ней, лесным хозяйством, спорткомплексом и центром эстетического воспитания. Но мне показалось особенно интересным, что там придумали для деятельной жизни ребят. Их нагрузили там, как писал потом Радов, «всамделишным, причём коллективным трудом и ответственностью». Доверили им чистоту, благоустройство и общественный порядок во дворах. Не бабушкам-дворникам, не дружинникам, а ребятам. И теперь, стоит их владения переступить каким-нибудь забулдыгам, как налетает детвора и начинает «воспитывать».

В домах созданы разновозрастные детские отряды с командирами, комиссарами во главе, и коллективная жизнь ребят организуется по отрядам. В их руках и зелёные насаждения, и вся красота дворов, но не только это. Им поручено производить всё, что они могут, для благоустройства: качели, карусели, скамейки, урны. Как и где? Скажу. Сначала только добавлю, что на лето ребята уезжают за город, в подсобное хозяйство, и там осваивают уже сельскохозяйственный труд – работают и отдыхают. А в городе, рядом с их домами, их папы и мамы возвели сооружение, которое называли «клубным пристроем». Там в самом деле работают клубы по интересам – десять взрослых и столько же детских, но там разместились и мастерские. Это своего рода центр трудовой жизни ребят, который, как магнитом, притягивает к себе детвору. Какая нехитрая и благодатная находка!

Как тут не подумать, не поразмышлять, не перекинуть мостик

из свердловской коммуны в другие места! А не сможем ли мы возводить такие пристройки в других жилых массивах и других городах? А дальше уже думается о создании там филиалов УПК – центров трудового воспитания детей по месту жительства. Кажется, сама жизнь говорит, что они, эти детские мастерские, должны быть у нас повсеместной принадлежностью жилых массивов, как детские библиотеки, игровые площадки, спортивные городки. Там – свои программы, свой распорядок работы. Там могут быть и школьные, и иные производственные задания, и отрядные поделки, и личные, и строительство моделей, и плановая трудовая практика. Не надо на целый день ездить в УПК и до отупения по шесть часов «выстукивать буквы» – достаточно часа-двух через день или два. Не надо откладывать «трудовое крещение» до 15–16 лет – для младших школьников мастерские станут самым желанным пристанищем и школой трудолюбия.

Ну понятно, у кого-то уже усмешка у рта! Сложно! Непробуваемо!.. Так? А свердловские коммунары собрались и решили: надо провести в свой район трамвайную линию. Сложно? Проект, смета, материалы... В других районах годами ждут. Пишут, просят, требуют. Нет рабочей силы.

– А мы – сами!

Сработал метод народной стройки. И трамвай пошёл.

Нужна лыжная трасса – трасса здоровья. Конечно, с освещением – работать ей вечерами. Это влетает в десятки тысяч. Но надо.

Для жизни надо! И построили. Тем же методом. Тропа здоровья нужна. Для бега. Для здоровья людей. Проложили тропу.

Не слишком ли низко мы кланяемся порой всяким «обстоятельствам»?

Не предлагаю детально разработанных решений – обозначаю лишь отправные точки для поиска. Думать тут всем надо: организация трудовой жизни детей – дело всех нас, дело каждого взрослого. В наши двери давно стучится проблема: «Какими делами занять городских ребят?» Будут общественные мастерские в школьных микрорайонах – будут и дела, будет ежедневный труд у детей коллективный и индивидуальный, и будет навсегда покончено с такой бедой, как «подпирание стен» – детская праздность, деформирующая психику ребят.

Кто из нас не задумывается в последнее время о серьёзных недостатках и упущениях, накопившихся в деятельности школы и отмеченных в решениях о реформе? Это действительно серьёзные недостатки.

Много у меня писем об этом. Сегодня они звучат серьёзным уроком на будущее. В них масса жизненных наблюдений, фактов, раздумий и соображений. Они написаны учителями, вся трудовая жизнь которых прошла в школе. Школьные проблемы – это предмет их ежедневных и ежечасных беспокойств и дум, всякий раз вызывающий желание куда-то написать, кому-то изложить свои выводы и предложения.

Это прекрасно, что живут на земле такие беспокойные люди!

Для государства общенародного типа они как живые пружины, неумоимо движущие развитие общества.

За строчками одного из этих объёмистых писем вставлял симпатичный образ пожилого учителя, математика, глубоко интеллигентного, мыслящего ясно и педагогично, долгие годы живущего думами о проблемах руководства школьным делом. Ему шестьдесят два года, он живёт и работает в Новочеркасске – Василий Климентьевич Совайленко. Думы, волновавшие этого учителя, в конечном итоге заставили его надолго забыть об отдыхе и взяться за перо. Он счёл своим долгом показать руководителям педагогических ведомств некоторые «горячие точки» школьной жизни, её нужды, беды и «реальные возможности для самой высокой постановки учебной и воспитательной работы». Показать и предложить необходимые решения. Не один, не два – около тридцати проблемных вопросов подверг он анализу с позиции умудрённого практикой педагога, в их числе такие, как проблема профессиональной подготовки учителей, перегрузка учащихся, новые учебники, необходимость руководить школой по-новому, стиль работы министерства просвещения и Академии педагогических наук. Вышло почти 130 страниц машинописного текста – целый труд! Всё это он отпечатал на самой лучшей бумаге и отправил в министерство просвещения и Академию педагогических наук «для использования в работе». Отправил и стал ждать ответа. Потом, много месяцев спустя, услышал одно из моих выступлений по всесоюзному радио и последний экземпляр

своей рукописи прислал мне.

Обращаясь к министерству и АПН, старый учитель пишет, что «для нынешнего состояния школьных дел характерен обширный поток указаний и информации», поступающий оттуда, сверху, «и самый ничтожный минимум информации, идущей снизу». Нет «достаточной обратной связи,— пишет он, — поэтому многие важные вопросы жизни школы подолгу остаются нерешёнными».

Своим руководителям он прямо говорит об их отрыве от школ и учительства, приводит факты, примеры, которые в самом деле — никуда не денешься! — показывают, что такое, увы, «имеет место».

Вот его примеры.

Несколько лет назад Министерство просвещения СССР и Академия педагогических наук проводили всесоюзную научно-практическую конференцию по повышению качества учебного оборудования и эффективности его использования. К обсуждению и решению этой проблемы были привлечены представители многих организаций. Не приглашены были к делу только... учителя!

«Уж если нельзя было их пригласить, — пишет Василий Климентьевич, — то надо было предоставить им хотя бы возможность прислать свои предложения по почте. К сожалению, — замечает он,— такой демократизм пока не свойственен ни министерству просвещения, ни АПН...»

Планы научных исследований предметных лабораторий АПН и планы предметных редакций издательства «Просвещение» верстаются вдали от педагогической общественности, на её обсуждение

не выносятся (а это можно было бы делать в предметных научно-педагогических журналах). «В результате,— подчёркивает В. К. Совайленко, — научные лаборатории зачастую разрабатывают темы не те, которые больше всего волнуют школу, издаются не те учебники и пособия, которые в первую очередь нужны учителям...»

«Не советуясь с учителями, не основываясь на научных исследованиях, министерство просвещения вдруг неизвестно с какой целью отменяет в школах традиционную пятибалльную систему оценок по поведению учащихся. Вводит трёхбалльную («примерно», «удовлетворительно», «неудовлетворительно»). Эта кажущаяся «мелочь», — объясняет учитель, — сразу перевела состояние дисциплины в школах в посредственное. Любому понятно, а школьному учителю — особенно, что все дети не могут иметь примерное поведение. Хорошее поведение ученик иметь обязан. Но оценка «хорошо» отменена, и в инструкции прямо написано, что оценка «удовлетворительно» характеризует поведение значительной части школьников, и выставление её не должно рассматриваться как чрезвычайное происшествие. Таким образом, с самого начала была дана идейно и педагогически неправильная установка, ориентирующая учителей, учеников и родителей на заниженный уровень поведения учащихся. Кому не ясно, что при решении этого вопроса слово школьного учителя надо было выслушать непременно и самым внимательным образом?...»

Именно такое нежелание обращаться к мнению учительства, пишет старый педагог своим руководителям, нежелание пользоваться демократическими принципами привело и к тому, что по новым программам были выпущены недоброкачественные, в ряде случаев негодные учебники. Программы, по которым они были написаны, с самого начала подвергались серьёзной критике из-за перегрузки учебным материалом и излишней усложнённости. Это и поныне отмечают многие учителя и учёные, в том числе академик Л. С. Понтрягин в известных своих статьях в журнале «Коммунист» и газете «Социалистическая индустрия».

И вот прошло уже больше двух пятилеток, а до совершенства, до освоения новых учебников всё ещё далеко. Грустные мысли приходят в голову, продолжает Василий Климентьевич, когда разбираешь, например, учебник «Математика-4» под редакцией А. И. Маркушевича. Материал расположен так, что между его пунктами нет ни малейшей логической связи. Вот в какой вопиющей бессистемности он преподносится:

«Пункт 20. Неравенство. 21. Площади. 22. «Знаки: «меньше или равно» и «больше или равно». 23. Правильные и неправильные дроби. 24. Объёмы. 25. Двойное неравенство». И так далее.

Вместо развития логики мышления во главу ставится бессвязное механическое заучивание, зубрёжка. Авторы уверяют, что «так лучше». Но по сравнению даже с предыдущим этот учебник стоит дальше от жизни. В нём нет ни одной задачи на материальные

расчёты, нет даже слов «прибыль», «доход», «убыток», «экономия». Сильно не повезло задачам на темы коллективного общественно полезного труда – их в этом учебнике стало ровно на триста (!) меньше, чем было в предыдущем. Зато простор получили задачи такого типа: «Лена 8 дней гостила у бабушки...», «Иван Иванович отправился ловить рыбу...», «Прохожий гоняется за своей шляпой...»

И до сих пор, отмечает Василий Климентьевич, учителя не допускаются к обсуждению учебников, не имеют возможности открыто высказывать свои отзывы и замечания по ним. Он написал в редакцию журнала «Математика в школе» отзыв на упомянутый учебник «Математика-4» под редакцией А. И. Маркушевича – его отклонили. Дал рецензию в журнал «Физика в школе» на «Сборник вопросов и задач по физике» под редакцией В. П. Демковича – результат тот же. Отвечают без лишних слов: «Такое обсуждение не входит в планы редакции».

«Всё это – свидетельства самоизоляции министерства, его Академии и редакций от педагогической общественности», – резюмирует В. К. Совайленко и напоминает о постановлении ЦК КПСС «Об основных направлениях деятельности Академии педагогических наук СССР» 1969 года, в котором говорится: «Одной из главных причин отставания педагогической науки является слабая связь научно-исследовательских педагогических учреждений со школами, учительством и общественными организациями».

«Нельзя сказать, – продолжает Василий Климентьевич, – что

в этой части за минувшие десять лет сделаны заметные сдвиги».

Предложений у него масса, и это нужные, жизнью подсказанные предложения. О том, что «в системе народного образования от министерства до роно необходима специальная служба внедрения результатов научных исследований и опыта передовых педагогов и школ». О том, что «работу АПН надо строить на других организационных принципах, приблизив её к практической деятельности школ и учителей». О том, «чтобы такие выдающиеся учителя-новаторы, как донецкий преподаватель математики В. Ф. Шаталов, предложивший новую, высокоэффективную методику преподавания, были в АПН не просителями права на эксперимент и не случайными гостями, а основными её хозяевами, продолжающими в то же время работать в своих школах». О том, что министерству и АПН «необходим более внимательный учёт предложений, поступающих снизу». «В. А. Сухомлинский, — напоминает автор, — рекомендовал каждой школе иметь книгу учёта педагогических предложений. Тем более такая книга нужна министерству просвещения, чтобы вести государственный учёт рационализаторских предложений, поступающих снизу, из школ. К сожалению (добавил он, не подозревая, какая участь ожидает его собственные предложения), имеется достаточно свидетельств, говорящих о пренебрежительном отношении к учёту и реализации поступающих предложений».

Никак не ожидал В. К. Совайленко, что судьба его обращения

в Минпрос станет ещё одним свидетельством тому.

Ответа он ждал терпеливо. Рукопись большая, враз не прочитаешь... Прошёл месяц, два. Прошло полгода. Терпеливый педагог начал беспокоиться. Написал напоминание. Ответа не последовало. Ещё написал. Позвонил по телефону, долго просил «обстоятельно познакомиться», ему отвечали раздражённо, путано и невразумительно, наконец, пообещали прислать письменный ответ.

Ответ пришёл без малого через год после отправки рукописи... Василий Климентьевич даже не мог сразу понять, о его ли работе ему отвечают. В министерском документе было отписано так:

«Поскольку подавляющее большинство Ваших предложений касается вопросов, которые должны решаться на уровне классного руководителя (?!) и директора школы (?!)... Вам было сделано предложение переделать некоторые главы для публикации (??)... Однако Вы продолжаете настаивать на повторном рассмотрении... Мы вынуждены снова разъяснить, что не видим причин возвращаться к рассмотрению Вашей рукописи и считаем переписку с Вами законченной»,

Твёрдый ответ. Вполне убедительный!

«Я понял,— писал Василий Климентьевич в новом письме,— что рукопись мою толком и не читали»...

«До боли в душе волнуют все эти проблемы, связанные с воспитанием молодёжи» — так начиналось письмо другого учителя,

завуча Лобненского детдома Московской области, Владимира Николаевича Василенко.

«Проблемы эти накапливаются,— писал он,— и я не могу понять, что мешает принимать по ним немедленные меры. В газетах, по радио выступает общественность, школьные учителя, ветераны труда. Они ищут ответа, стараются хоть как-то помочь, подсказать, натолкнуть на правильное решение назревших вопросов. Тысячи писем ложатся на столы педагогических ведомств и редакций, а сдвигов нет. Сколько писали о процентомании, о проблеме «двойки», о ценном опыте — в Прибалтийских республиках, о ряде отдельных школ, таких, как Улановская, но всё остаётся без изменений. Опыт не обобщается, и никто ничего не делает для внедрения его в широкую практику».

В. Н. Василенко рассказывает о нерешённых больших и малых вопросах жизни детских домов, о штатных неувязках, устаревших организационных формах и тоже приводит досадный пример:

«Помню, был у нас республиканский семинар во Владимире. Мы высказали просьбу пригласить на семинар кого-нибудь из министерства, чтобы решить те вопросы, которые волнуют детские дома, не дают нам по-настоящему организовать всю нашу работу. Заведующая облоно позвонила в министерство. Ответ был такой:

— Передайте участникам семинара, что нового мы им ничего не скажем.

Так никто и не приехал,— раздосадованно заключает В. Н. Василенко,— так и остались наши вопросы висеть в воздухе. Вот и думаешь: допустимо ли это, когда руководители ведомства

уклоняются от прямых контактов с широкой общественностью, с рядовыми учителями? Разве не ясно, что практики с мест могут принести массу дельных, ценнейших предложений по улучшению работы всей системы? Им есть что сказать и предложить, их мысли и предложения не только выверены, но и выстраданы в практической работе!»

...Ушло время, когда школа только учила грамоте. Жизнь стремительно раздвигает границы её забот, возлагая на неё великий труд по общему формированию нового человека – все-сторонне развитого, умелого, деятельного. Настало время школы воспитывающей, организующей, инициативной. И все мы сегодня должны быть готовы помогать ей в осуществлении этой новой исторической миссии.

1980–1984

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕТХОЗ!

Школа, которой обрадовались все

В 1970 году в эфир ушёл телевизионный рассказ, который открывал явление необычное, но в то же время, может быть, смутно ожидавшееся многими. Рассказ о новаторском решении современных педагогических проблем воспитания школьников. Речь шла о восьмилетней школе, что в селе Уланово, под Медынью, о такой её простой, но необыкновенной жизни, которой, думается, ото всей души аплодировал бы Макаренко. Передачу вёл писатель Сергей Сергеевич Смирнов.

– Ну, теперь двинется на вас поток писем,– сказал он тогда директору школы Софье Петровне Масоновой.

Но, должно быть, и он не предполагал, что хлынет такое поloodье и что об этой небольшой сельской школе придётся давать ещё и вторую, и третью передачи по Центральному телевидению. Потому что окажется: проблемы, к решению которых приложили разум, сердце и руки в Уланове, слишком глубоко и остро волнуют многих, очень многих.

И вот река писем. Запечатлённые в них мысли и настроения выплёскивались даже в адреса, написанные часто наугад,

почти как «на деревню дедушке»:

«Калужская область, Директору Образцовой школы Софье Петровне Масоновой». И титул «Образцовой» и «Директору» – с большой буквы!

«Я не могла не написать Вам. Вы делаете замечательное дело! Вот такой и должна быть наша настоящая школа! Прошу Вас: обратитесь через «Учительскую газету» и «Сельскую жизнь» ко всем сельским учителям – пусть все так построят работу школ. Это всколыхнёт учительские массы, а большинство молодёжи будет с удовольствием оставаться на селе.

Н. А. Гладышева, учительница-пенсионерка».

«Меня очень обрадовала и взволновала ваша телевизионная беседа с С. С. Смирновым. Умеет же он найти среди многообразия нашей жизни такие замечательные явления! Как хорошо, что ваша школа с ранних лет прививает детям любовь к труду и умение создавать прекрасное вокруг себя. Как бы так сделать, чтобы все школы выполняли эту великую задачу?.. Вероятно, этому надо учить и в педучилищах, и в пединститутах, и на курсах повышения квалификации. Причём не только биологов, а всех учителей, как правильно сказано в передаче. Если взяться за такую работу по-настоящему во всей стране, то проблемы трудового воспитания будут блестяще решены, и в ближайшие годы каждый уголок нашей страны

руками молодёжи будет превращён в чудесный сад.

О. М. Самойлов, полковник медицинской службы, заслуженный врач Казахской ССР, г. Актюбинск».

«Смотрел передачу о вашей школе... На заседании педсовета и на школьном комсомольском собрании делились впечатлениями. Всем нам хочется перенять ваш интереснейший опыт.

П. В. Засельский, директор Переяслав-Хмельницкой школы № 5».

«Видимо, ваша школа является пока единственной в Советском Союзе, достигшей столь разительных результатов. Опыт ваш должен быть использован тысячами школ. Мы тоже решили его взять на вооружение.

П. Тесля, г. Новошахтинск, Ростовской обл.».

«Многое из вашего опыта высоко ценю и постараюсь применить у себя в школе.

С. Д. Андреев, директор Поженской школы, Калининской обл.».

И – такое:

«Здравствуйте, товарищи коммунары! О вас сейчас рассказывают все. Я приветствую ваше начинание. Такой тип организации жизни школьников, их труда и учёбы – это то, о чём мы мечтаем, что должно у нас быть. Идти дальше надо этим путём! У меня двое девочек школьного возраста, и я ничего лучшего не желала бы им

сейчас, как жить и трудиться в таком коллективе.

А. А. Авзаева, фельдшер, г. Братск».

И – порывы, кажется, совсем неожиданные:

«С удовольствием бы отправила своего сына в вашу школу. Хочется, чтобы он вырос настоящим человеком.

М. Кузнецова, г. Москва».

«У меня давно зрела мысль уехать в деревню, в совхоз. В городе дети, кроме школы, ничем не заняты, с утра до вечера гоняют мяч. Вы скажете, что при школах есть кружки, а при ЖКО клубы школьников. Есть. Но всё это мало что даёт. А я хочу, чтобы мои мальчишки росли трудолюбивыми. В селе это легче осуществить, а когда там такая школа, как ваша, – это просто прекрасно. Я сама на любую работу пойду, не боюсь никакой работы. Посоветуйте, можно ли приехать к вам, в село, как устроиться с жильём. Пожалуйста, будьте добры, напишите...

И. Козлова, г. Красноярск».

И ещё, ещё:

«Удивительны, чудесны, беспредельно благородны ваши дела, дорогие прекрасные люди!

Н. С. Ускова, г. Ижевск».

«Смотрела передачу и не могла сдержать слёз радости. Ваше дело прекрасно!..

В. П. Озёрская, г. Москва».

«Думается, что эта передача заставит многих руководителей

школ другими глазами посмотреть на свою работу и усовершенствовать её.

Семья Куликовых, п. Мятлево Калужской обл.».

Такой острой, жизненной необходимостью стал тогда, в 1970 году, улановский опыт. А где-то впереди была школьная реформа, в которой этот опыт должен был сыграть большую преобразующую роль. Ему предстояло ждать долгих четырнадцать лет...

– Так что же это за школа и что за опыт? – стал расспрашивать меня редактор газеты, услышав, что я давно знаю эту школу и причастен к тому, что она появилась на голубых экранах.– Очередная мода?

Мода... Я понимаю: популярная богиня века стала покровительницей многих нелепиц. Такая она есть: благородством вкуса не часто радуется, а хранить и беречь всё дивное разнообразие прекрасного не в её правилах.

Нет, дорогой, тут серьезнее. И тут требуется поразмыслить. О семье, о школе. О том, почему нынешние папы и мамы, люди далеко не малограмотные, так плохо справляются с обязанностями по воспитанию своих ребят.

«Мать пороков» и её подкидыши

Сидят передо мной две классные руководительницы. Одна учительствует в известной московской школе, другая – в селе, где я живу. К. обеим у меня один вопрос:

– Сколько в ваших классах учеников, которые любят трудиться?

Город: – Из сорока трёх... более-менее – шестеро.

Село: – Пятеро из тридцати двух. Есть над чем задуматься.

– Ну, а остальные?

Город: – Много барского... Вот решаем провести вечер. «Давайте продумаем, как поинтереснее оформить зал, наготовим всяких вкусных вещей». Девочки молчат, мальчики небрежно кривят губы: «Ещё гото-о-вить! Скинемся по три рубля – и порядок!»

– Это страшно?

– Человек для себя не хочет сделать, чем он порадует общество?

– Но, может, потом талант, призвание, склонности своё всё-таки возьмут?

– Не забывайте: лень – мать всех пороков. Ленивый всегда пассивен, эгоистичен, мелочен. Всегда! Вы только вдумайтесь, какое это уродство и в социальном, и в личном плане!

– Но если он умён, образован?..

– Боже мой, что может быть ужаснее умничающего бездельника? Вы с ним поговорите, чем он интересуется? На уме джинсы и шлягеры, тряпки и развлечения. Представляете?

– Ну, а в селе?

Село: – Собственно, разницы мало. Ничем себя не утруждать и в селе привыкли многие. Ничем, в том числе и учёбой. Преподаватель объясняет, а им и слушать лень. Так, вполуха, вполглаза. «На тройку отвечу, и хватит».

Вмешивается молодой аспирант:

– Речь надо вести шире: о проблеме человеческой активности вообще.

Мы согласны: можно и шире. Но проблема трудолюбия и сама по себе становится общественной проблемой первой степени. Потому что если человека с детства заела лень, то уж никаким примером его не расшевелишь. Ставь его в какие угодно житейские условия, он всюду будет выступать в одной только роли: в роли обузы, если не хуже! Тут и личная, и общественная трагедия сразу!

Вот напечатанная в «Комсомолке» отчаянная исповедь киевского паренька (кому она не перевернула душу!). Сквозь злые и бессильные слёзы он объявляет себя «обыкновенным серым обывателем» в шестнадцать мальчишеских лет. Что с ним? Всё то же:

«Я не могу учиться – лень».

У другого, постарше, аккорд трагикомический:

«И на пасеке мне – не мёд!»

А ему вторит целый хор:

«Да, по преимуществу мы – потребители, такими нас сделало время».

Искренно, осмысленно, и – никаких переживаний: был и останусь!..

«А у нас и в интернате растут ребяташки барчуками: ни работать, ни учиться не хотят» (В. И. Касатская, г. Гаврилов-Ям, Ярославская обл. Из письма в Уланово).

И в другой форме:

«Как вы добились того, что все ученики вашей школы любят трудиться?» (Н. Колодникова, Львовская средняя школа, Саратовская обл.).

Учительское письмо из-под Москвы:

«...Ничего не хотят и не любят делать, убегают с уроков. Работать стало тяжело очень. Устаём. Подчас даже приходит мысль покинуть школу. Весь спрос с учителя, а ему деваться некуда...»

Острый факт – не всегда подходящий материал для обобщений, но всё-таки надо разобраться: откуда, из какой преисподней поднимается у нас это унылое исчадие века с нежным именем лень? Совсем ведь недавно лентяи в деревне, да и в городе исчислялись единицами. И вдруг такой «взлёт». В чём причина?

Город: – Многие определяют сами условия современного города. Трудовое воспитание в городах остаётся проблемой. Не так просто найти ребятам постоянное дело, которое бы их воспитывало. И в то же время – ясно: мы строим не царство бездельников, строим самое трудолюбивое общество на земле. Значит, надо думать и искать...

– О том и речь. А уроки труда проблемы не решают?

– Понимаете, как бы это объяснить? Это труд ознакомительный, а не воспитательный. Чтобы он стал настоящим воспитателем молодёжи, ему надо быть не таким. Тут нужно что-то макаренковское. Настоящий производительный труд!

Село: – Дело в том, что семья перестала быть тем универсальным воспитателем детей, каким она была до недавнего времени. Отсюда и пошло...

Вот с этим, кажется, не поспоришь. Мы привыкли считать, что семья – могучий и всесторонний наставник ребят,

что она, как и встарь, остаётся надёжным университетом детского трудолюбия. И продолжаем простодушно полагаться на её исконный в этом деле опыт и радение.

Помню жаркое, острое родительское собрание и слова пожилого механика – это был наблюдательный и темпераментный человек, – он спрашивал:

– Вы когда-нибудь видели бездеятельного ребёнка? Чтобы он не был всё время в движении, чтобы руки его поминутно не тянулись что-нибудь делать, чтобы ему всё было безразлично, неинтересно, и он целыми днями не знал бы, куда себя деть?

Зал притих.

– Так откуда же тогда берутся лентяи, потребители и всякие прочие бездельники? – спросил оратор.

Откуда?.. Я слушал и думал о близкой мне деревенской семье. Давно наблюдаю, как она живёт – семья Андрея и Анны Плотниковых. Андрей и Анна – это труженики, о каких говорят: в руках любое дело горит. За что бы ни взялись – трудное, грязное, в снегу – работают весело, хватко, сноровисто! Рядом с ними, думается, и самому отпетому лодырю не устоять – заразительно! Ни разу не видел, чтобы Анна шла скучным, ленивым шагом. На колодец – на рысях, с колодца – живо, ходко, на работу, с работы – за ней только поспевай. Всегда боевая, веселая.

А дети? Дети будто совсем из другого дома. Бродят скучные, похожие на старичков. Летом их тянет куда-нибудь в холодочек, под

берёзку, там они лежат, сонно бренча гитарой, покуривают укладкой, перекидываются в картишки.

Я люблю слушать, когда их отец возьмётся вспоминать начало своего трудового детства. Был мальчишкой-шестиклассником – батя взял его с собой в машинно-тракторные мастерские: «Поможешь кой-чего...» За день паренёк будто ростом выше стал и в плечах раздался. Он шёл с работы, и дивно ему было чувствовать свои руки, приятно потяжелевшие и немного усталые. Он нёс эти рабочие руки с незнакомым ему чувством уважения, и ему казалось, что теперь им под силу и самые тяжёлые мужские работы.

Так начинался человек труда.

И я долго не мог уразуметь, почему детям своим Андрей и Анна не догадываются открыть эти дороги к извечным и таким понятным для обоих радостям труженика. Заговорил с Анной, она вздохнула, покачала головой:

– А что хорошего-то, Семёныч? Война... Пошла она крутить нас, делами-заботами заваливать... Сколько мы всего переверочали, сколько дел непосильных переделали – тяжких, лютых, никем не меренных, без конца и начала! А теперь вот поглядишь на ребят, и душа не налегает приневоливать их. Пусть уж они учатся да в люди выходят. Пусть хоть у них будет чем вспомнить детство!

Речь её эта горячая казалась убедительной, пока я её слушал. А отошёл – что-то запротестовало во мне. Как же так? Были ведь и в прошлом лихие времена, и жалость к детям тоже не вчера лишь

появилась на свет. А детей в каждой семье старались ко всему приучать и всему научить... Нет, не всю правду сказала мне Анна в этот раз!

После обеда, придя с фермы, она, усталая, бежала по воду, я кивнул ей на ребят, лежавших под берёзкой:

– Не надорвались бы они воды-то наносить! Здоровые, сильные ребята!..

Анна остановилась.

– Да это мне, Семёныч, не трудно! – Однако тут же повернулась к сыновьям: – Ребята, я вам говорила картошку окучить, ай вы забыли?

– Ладно, мам, сделаем! – донеслось из-под берёзки.

Минуты через три ребята ушли на речку. Наутро, заметив меня, Анна снова, уже сердито, крикнула им:

– Вы что ж, картошку-то думаете окучивать? Земля пересыхает. Дорога ложка к обеду!

– Окучим, мам! – отозвались хлопцы, чинившие на лужайке рыболовный сачок. – Мы сейчас!

Она пошумела ещё немножко, но в этой её материнской брани звучала только досада, что у неё такие неслушники дети, и не было в её речи ни самой малой тревоги за то, что они растут беззаботными ленивцами.

Вечером глянул я на картошку – там всю орудовала тяпкой... сама Анна. Сыновей не было видно нигде.

Теперь Анна сама заговорила со мною, заговорила напористо, круто:

– А вот подумаешь, Семёныч: а что им эти огородные труды? Вырастут – что они, огородом, хозяйством, что ль, будут заниматься? Теперь жизнь другая пошла: каждый на своей работе, по своей специальности идёт. Школу кончил – пошёл в пэтэу, там его делу учат. Специальность получил – работает. Человек человеком. Зарплата, квартира – пожалуйста, живёт!

– Но если ты с детства не приучишь их к труду, – подсказал я, – какие это будут работники на производстве?

– Ох, да когда мне с ними, Семёныч?! – заволновалась Анна. – Это ведь раньше... Вот и мы жили. Ведь как, бывало, в семье? Все в доме, бывало, одной жизнью живут, одной заботой – хозяйство вести. Чуть ты мало-мальски подрос, сейчас тебя – к делу: прибери, подай, принеси – помогай отцу с матерью. Потом на огород тебя, на луг – сено сушить, в лес, дальше – больше: косить пойдёшь, возы возить. В работе и росли. Мать, бывало, девок и шить учит, и варить, и хлебы печь. Как же, надо! Куда ж они без этого? А отец – ребят: как топор, как молоток держать, косу наладить. Трудовая наука – она сама собой получалась.

– А теперь?

– А теперь семья другая стала. У отца с матерью свои дела, у детей – свои. У нас – работа колхозная, у них – школа. Утром разбежались – и соберёмся только вечером. Они наших дел не знают, не касаются, мы до ихних не достаём. А дальше начнут они один по одному из родного гнезда разлетаться – сперва в пэтэу, потом в армию, а там – по производствам, по тех пор ты их и видал!

Если только в отпуск когда приедут.

Она помолчала в строгом размышлении и проговорила ещё:

– Нынче та-ак. А старость придёт – опять же нам одним оставаться. Нынче с молодыми не живут! Да и к чему? Нам от детей, слава богу, ничего не надо: мы государственную будем пенсию получать.

Картина прояснялась довольно чётко. В семье не оставалось ни одного рычажка, который бы надёжно и постоянно двигал воспитание детей. Когда-то была необходима их всегдашняя помощь в семейных производственных делах – теперь это, считай, отпало, потому что сошли почти на нет сами эти дела. Когда-то отец с матерью старались вырастить хозяйственных, трудолюбивых, трезвых, уважительных детей, всё умеющих делать, потому что придёт старость – с такими кормильцами не пропадёшь. А будут они лежебоками – тогда старым людям, как говорили деды, ложись и помирай. Теперь и об этом беспокоиться нечего: под широким крылом социального обеспечения куда сытнее и уютнее, чем под переменчивым крылышком детей.

– В теперешнее время дети не для родительской радости растут, – заключила Анна. – Теперь они растут для государства. Государство их и воспитывает, и учит, как ему надо.

Вот тебе и весь сказ. Слезай, приехали! Одной лишь малой малости Анна Дмитриевна не взяла в расчёт: что хорошие дети,

где бы ни пришлось им служить и работать,— всегда радость и гордость матери, а плохие...

Испытать ей довелось это лишь потом, когда было поздно что-нибудь поправить, когда она могла только облегчить душу слезами.

— Но всё это пришло спустя годы, а пока она даже думать не хотела о том, что растит беду, что семья у неё стала школой праздности, которая исподволь каждый день приучала детей к безделью.

С кислой этой закваской дети и пришли в школу. И полетели оттуда тревожные вести — сигналы родителям: «Невнимателен на уроках, разболтан, не выполняет домашних заданий». Боже, какой это жгучий для Анны укор! Занялась-запылала:

— А вы на то и учителя, чтоб научить и приучить! Вам за это деньги платят!

Ей толкуют спасительное о труде-воспитателе — Анне и слушать невмочь:

— Заладили! А ученье — это не труд? Целый день они там!..

Что ей скажешь? Ведь кто только не спотыкается нынче на этой кочке: труд — или не труд?

Ей объясняли: милая Аннушка, это, конечно, труд. И большой, и очень нелёгкий, и очень сложный. И настолько он непрост и нелёгок, что ребёнку без известных навыков, без начальной привычки трудиться, делать, напрягать усилия, одолевать своё «не хочу» и «не умею» — с ученьем не сладить. Он только садится за парту, а его ждёт целый частокोल непременных учительских требований: не

вертись, приготовь, будь внимателен, учи, пиши красиво, запомни, не пачкай, клади на место, реши, убери, старайся. А если он к этому не готов? Если у него не развит интерес к делам, а от безделья притуплена воля и растёт он беззаботным? Привычка к праздности у него всегда будет брать верх. Требования в школе к нему год от года усиливаются, а ему это не по душе. И в нём зреет сопротивление. Сопротивление учёбе, учителю, порядку. И вырастает оболтус.

Анна слушала, будто выключенная.

А её соседка, работница торговли, показала мне в «Учительской газете» статью «Сельская аттестация» и попросила прочесть фразы, кем-то подчёркнутые:

«Нужен не культ мозолей – культ знаний. Именно общее развитие перерастает в чувство патриотического долга, в желание трудиться...»

Печатное слово! Я был сражён наповал.

«Культ знаний» – это хорошо. Мы строим общество образованных, высококультурных людей, и доля умственного труда в жизни нашей страны всё более возрастает. Но утверждать, что сначала «общее развитие», а уж потом «желание трудиться» – это расчленять нерасчленяемое и ставить всё вверх ногами. Ещё К. Д. Ушинский отмечал первозначность физического труда, говоря, что трудовое усилие рождает интерес, а интерес стимулирует усилие умственное.

Я обратился к опыту наших лучших педагогов. Он утверждает ту же самую истину. Все дети приходят в школу с примерно одинаковым желанием хорошо учиться. Но те, кто с самого раннего детства

не приучен к труду, отстают от своих одноклассников, имеющих трудовую подготовку. Десятки педагогов указывают на одну и ту же ситуацию: почему девочки в школе, даже менее развитые, чем многие мальчики, обладают по сравнению с ними большим прилежанием, более тренированной волей и лучше учатся? И отвечают буквально в один голос: если девочки с трёх-четырёх лет привыкают помогать маме, то мальчикам дома, как правило, трудовых занятий не находится. Всё – отсюда!

И эта женщина сделала большие глаза, когда я спросил: приучен ли её сын к работе?

«Зачем? – ответила она изумлённо. – Разве я не смогу дать ему хорошее образование?»

Опасная логика! Потому что не общее развитие перерастает в желание трудиться, а наоборот: нежелание трудиться закрывает дорогу и общему развитию человека. «Школа» семьи Плотниковых – лишнее тому подтверждение.

Анна отходила, поджав губы. Она знала одно: дети у неё не-глупые, способные – таким ли не выйти в люди? Средним, Петькой, она не прочь была и погордиться. Петька и собою хорош, и талант у него – слух богатый, к музыке тянется. Баян ему купили. По слуху подбирал популярные на деревне мелодии, но долго за баяном не засиживался: тянуло на улицу, на рыбалку. Там всё легко, там усилий не надо!

Открылась в райцентре музыкальная школа. Посоветовали: устройте его туда. Будут задания, спрос – это парня дисциплинирует... Петька был переросток, но его приняли. Ездил, занимался, стал

будто собраннее. Но как трудно ему было заставлять себя заниматься! Леня, которая столько лет вольно царствовала над ним, теперь цепко держала его в лапах. Что творила она с ним, когда открывал он самоучитель Азария Иванова и садился выполнять задания!

Вот он уже сел, вот уже проиграл три лёгких такта, дальше шли трудные, и Петька вдруг вспоминал, что в кухне стоит ведро со свежей ключевой водой. Он вставал и шёл пить. Потом садился снова, проигрывал несколько тактов и начинал чувствовать соблазнительный запах поджаренной рыбы. Сковородка с рыбой стояла в печке. Через полминуты Петька уже открывал заслонку, брал кусочек...

Капризам лени он привык подчиняться, не сопротивляясь. В нём не оставалось ни малейшего желания мобилизовать волю. Чего захотелось, то он и делает. Что будет после – задумываться не привык. И это у всех Плотниковых-младших. Как-то я сказал Петькиной девятилетней сестрёнке, к которой «начал цепляться грипп»:

– На пёрышко лука, пожуй – и всё пройдёт. Не бойся, оно почти не горькое.

– Я не могу, – жалобно глянула на меня девочка.

– Да ты только попробуй, это даже вкусно, а горчит совсем чуть-чуть. Ну вот смотри, я же ем!

Подошла Анна:

– Дочечка, тебе ж это обязательно нужно, чтоб ты не заболела.

– Ну, я не могу, я не хочу, меня вырвет! – бросается девочка

к крайнему средству самозащиты.

Сколько настойчивости она обнаружила, защищаясь! Двое взрослых людей так и не смогли ничего добиться... Пусть где-то там маячат уколы, высокая температура, рвота, сейчас ей это не страшно, это ещё где-то в неизвестности, а горькое пёрышко – вот оно...

«Хочу» и «не хочу» – больше ничего не существует.

И вдруг новость: Петька две недели не ездил в музыкальную школу! Получал у матери деньги на проезд и на обед, но... играл где-то с ребятами в карты. Встретил меня учитель музыки, упрашивает:

– Повлияйте, пожалуйста, на Петю. Ведь он у меня способнее всех, я ещё не встречал таких дарований. А ленится...

Полтора года влияли. Беседовали с Петькой о его будущем, о том, как на пути к своей цели большие музыканты одолевали даже крайние лишения. Он слушал всякий раз с тоской в глазах. Он понимал, что себя одолеть уже не сможет.

Так он и простился с музыкальной школой.

Лень сожрала талант!

Скука доедала Петьку. По выходным, крепкий, мускулистый, изнывающий от безделья, он бродил с друзьями по лесу и бессмысленно, бездумно калечил топором деревья.

И Анна вроде бы охладевала к нему, учителей выслушивала устало, отвечала им тоном уже оборонительным:

– А что с ними сделаешь? Такие они нынче дети –

неисполнимые. Пришёл из школы, поел, не успеешь оглянуться – нету. Улетел на улицу. Теперь заявится, дай бог, к полночи.

Что с ним делать? Открылась группа продлённого дня – записали его туда. Сидит там Петька. Их сидит там тридцать человек. Этому втолковать требуется одно, тому – другое, тот тянется, спрашивает третье, учительница хрипнет, всех охватить не в силах. Петька что-то готовое списал с доски, что-то у соседа, а что-то пропустил мимо ушей, но перед матерью он теперь уже чист: «Мы всё в группе выучили!»

И вдруг Анна похвалилась однажды:

– Ну, мой пошёл работать!

Появилась на свет ученическая производственная бригада. И Петька туда вошёл. Работает! Каждый день! Это звучало обещанием чуда. Вот так и полюбит труд, выйдет на путь-дорогу...

Но чуда не совершилось. От любого дела Петька и там старался отлынивать. Это был уже сложившийся ленивец, привыкший уваливать от работы и всё, что потруднее, сваливать на других. Воспитывать – дело нелёгкое, но тут речь шла уже о большем – о перевоспитании. За считанные недели какой гений успеет перекроить психологию лентяя? К тому же работали на колхозном поле. Петьки сила – там не самая главная: то им участки забыли отвести, то борозды не распахали, то в жару воды не подвезли. Неурядицы трудолюбия ребятам не прибавляют.

Словом, ученической производственной бригаде сладить с укоренившейся ленью оказалось не под силу.

Ленивые и беззаботные такими оставались и дальше.

– А они, Семёныч, нынче все такие,– оправдывалась Анна.
– Вы посмотрите по селу – много вы найдёте не «таких»-то? Вон у Кати девки. Уж невесты, школу кончают! А мать пришла с работы – в доме как после бомбёжки. Всё раскидано, на столе всё брошено – накрошено, посуда грязная, как ели, так всё и оставили: чулки, ботинки – какой где. Катя им: «Да вы что ж, бессовестные, ай мать должна до старости убирать за вами?» Девки как фыркнули! Одна в угол села, отвернулась, другая – в другой, надулись и сопят, как сычи.

С грехом пополам местная школа «втолкула» в Петьку программу восьми классов, и парня проводили туда, где, по мнению Анны, его должны были «сделать человеком» – в ГПТУ. Во вторник проводили, а в пятницу уже вот он, прибыл на выходной – рыбалка у малого из ума не идёт.

Все понедельники и пятницы он пропускал напропалую, и никому вовек не отгадать, как училище ухитрилось чему-то его научить. Он стал работать на стройке, я заехал туда, познакомился с бригадиром, спросил, доволен ли он молодым каменщиком?

– Петром Андреичем-то? – Бригадир что-то лукавил. – Да вот скушно ему тут! Не веселит дело. На рыбалку бы ему. Да поспать подольше, прогул сделать!

Он заметил прислушивающегося Петьку и засмеялся:

– Нет, вы не подумайте, что он у нас совсем уж недотёпа. Он у нас бывает – огонь! Но это только два раза в месяц: когда получка

и когда аванс. В гастроном сбегать. Мигом! Одна нога тут, другая там.

К автобусу мы с Петькой шли вдвоём. Он молча курил и сплёвывал, косматый, скукоженный. Казалось, весь мир ему был противен и чужд. Заговорил он нехотя:

– Все спрашивают: что меня вообще интересует в жизни. Всем надо! А я вот ничего интересного в ней не нашёл. М-муть одна. – Петька не понимал, что такой, какой он есть, каким сложился, он жизни рад не будет нигде, какие бы солнца ни сияли над ним. «Мать пороков» убила в нём и само жизнелюбие, саму способность жить полнокровно и ярко, и, как оказалось, приготовила ему перспективу невесёлую.

Мне раньше думалось: порадует её старший, Серёжа. Этот у них «интеллектуал», зачитывался по временам фантастикой. Когда окончил десять классов, всё сидел и думал, в какой институт поступать?.. Хотел в индустриальный – зачеркнул. Работать потом на заводе, по часам вставать. Не подходит. Сельскохозяйственный если, на агронома? В поле никто тебе не указ... И тоже зачеркнул. Целыми днями мотаться по полям, а вставать и вовсе чуть свет. Нет уж, пусть кто-нибудь другой! Может, в педагогический? Длинный отпуск, да трое каникул, бесплатные дрова... И уже решил было, но задумался: дисциплина плохая, много лодырей, над тетрадками до полуночи сидеть... Пойду шофёром!

Пошёл. Отслужил в армии. После за пять лет сменил четыре места работы и три профессии – ни одна не полюбилась.

Отец стоит, руками разводит со злой досадой:

– Ну за что ни возьмусь – мне интересно! Уж куда трудней – комбайнёром: ж-жара, п-пыль, спать некогда! А подойдёшь к комбайну, обдаст тебя этим соломенным духом, оглядишь поля – и душа зайдётся! Всё забудешь!.. Мост вон строили, водопровод делали – ходишь теперь, и глядеть тебе радостно. А эти!..

Что и говорить, не порадовали.

Я уже заканчивал свои заметки о Плотниковых, как вдруг подумал: это – в деревне. А не худо бы заглянуть и в семьи городского склада. Что там?

В «Комсомолке» напечатано письмо Г. Ивановой из Ленинграда. Вздрагиваешь от каждой фразы! Она «решила заступиться за наших детей». Она «не против, чтобы им показывали, как работают взрослые», но когда говорят, что ребята сами должны трудиться каждый день, – у неё проступает холодный пот. Вот уж не потеряешься в догадках, какими детьми «осчастливит мир» такая мама!

Поехал, заглянул и в городские.

Первая же встреча: симпатичный современный парень, ученик девятого класса, рослый, с виду немножко скучающий Саша С. Хорошее, умное лицо. Но мне тихонько говорят: непробиваемый двоечник. Я столбенею: неужели дефективный?

– Очень способный парень, – вздыхает его мама,

серьёзная женщина, инженер по образованию, руководительница нового предприятия. – Ему достаточно прочитать задание раз, и он ответит на четвёрку.

– Так в чём же дело?

– А вот такой лодырь. Ничего не может с собой сделать, совершенно безвольный человек. – Последовал горестный вздох. – Некогда было мне с ним заниматься. Не могла же я порвать с производством и целиком отдать себя воспитанию детей.

Потом продолжает в раздумье:

– Целыми днями родители на работе, дети оставлены на бабушку. А бабушки – они все одинаковые: быть требовательными у них душа не налегает.

Но в рассуждениях матери обнаруживается большая трещина. Дело в том, что в семье этой есть и другой ребёнок – Ирина. Она учится в восьмом классе, отличница, общественница, бабушкина помощница в домашних делах. Для Ирины мать тоже не была гувернанткой. И бабушка та же самая. Но Ирина и Саша, по выражению самой мамы, – это свет и тьма.

И тут выясняется маленькая, совсем как будто пустяковая разница в их воспитании, немного уже знакомая нам. Ира помогала бабушке мыть посуду и убирать в доме, а Саша знал только телевизор, улицу и игрушки, которыми он «затоварен» по уши и которые всегда оставлял раскиданными – их убирала та же Ирина. Вот и все различия. Ничего разительного! А в итоге – небо и земля. Трудолюбивца, активистка – и безвольный паразитирующий лодырь-потребитель. И он не так безобиден, как мне показалось сначала.

Обирает малышей, хамит взрослым. Заговори с ним учитель строго, даже только назови его не Сашей, а по фамилии, – учителю придётся хвататься за сердце. Саше скучно, он не знает, куда себя деть, чем заняться. Найдёт настроение – он разберёт мотоцикл или радиолу, но потом неделями, месяцами ни за что не берётся, бьёт баклуши на улице, а иногда и электрические лампочки и стёкла в подъездах. Позже я узнал новость, которая бурей пронеслась по школе: Сашу перевели в десятый класс с двойками по шести основным предметам! Сказали: а что с ним сделаешь?.. Поскорее вытолкнуть его из школы – и пусть идёт работать.

Смотрю я на этих Сашек – они напоминают мне людей, которые, сидя за рулём и получив «зелёную улицу», беззаботно мчатся через все перекрёстки, не умея управлять машиной. Куда они приедут?

Лень и беззаботность... Проблема трудолюбия. Она даёт о себе знать всё крепче и больнее. Но чья она теперь? Анна Плотникова простодушно подкинула её государству. А кто же проблему эту усыновил? Школа? Нет, и школа говорит, что она должна прививать лишь некоторые трудовые навыки, ориентировать учеников в области профессий и готовить их психологически к последующему обучению в системе ПТУ. Но что такое профориентация без тяги к труду? Компас на корабле, пущенном в плавание без мотора.

Выходит, что проблема оказывается бесхозной. И сколько наплодилось в зарослях этой бесхозности неприкаянных Петек и

Сашек? Да если бы только одна беда, что они плохие работники! На их ленивой никчёмности вырастает беда другая, пожалуй, пострашнее первой: психология. В печати, на собраниях мы не перестаём говорить о них, и всякий раз звучит один и тот же критический тезис: хорошо помнят права и плоховато – обязанности, заботятся не о том, чтобы побольше и получше сделать, а о том, как побольше урвать. Люди нетрудового склада, они порой с лёгкостью перешагивали в мир деклассированных.

Вот, вихляя, вваливаются в вокзал косматые детины. На дворе жгучий мороз, но богатыри нипочём не догадываются закрыть за собой дверь. Стоят среди зала, лопочут и сплёвывают на пол. Через слово – флюк-цвик, флюк-цвик... Люди смотрят на них с гневом и отворачиваются. Что им скажешь? Замечание, поправляющее слово эти молодцы воспринимать не привыкли – их не тронь, не потревожь!

Откуда оно, это дикое племя? Оказывается, из обычных трудовых семей, от мам и бабушек, хорошо знающих, почём фунт лиха. Детушки с пелёнок растут у них потребителями отборно сладких, даже благодарностью не оплаченных благ, растут убеждённые, что само их потребление – это радость и счастье для мам. Это въедается в плоть и кровь, это расплзается метастазой по душам.

В Сухиничах заходим в городской сквер – стоят голубые скамейки. Но позвольте, кто же их так поставил?

Помнится, они должны стоять ножками вниз...

– Детские шалости, – сердито объяснил местный житель.

На станции Думиничи другие следы «детских шалостей»: чисто выбеленные стены испечатаны грязными подошвами сапожков примерно... сорок третьего размера.

Мы стояли и думали об «авторах». Одурелые от беззаботности Митрофанушки, не знающие цены человеческому труду.

А есть и другие, скамеек не перевёртывающие и внешне вполне приличные. Это те, которые «не подворотня», которые «разбираются во всём», но пребывают в роли паразитирующих, не умеющих себе даже хлеба отрезать и не желающих заниматься делом.

Мы уже привыкли жить безбедно, ...и дети наши только по книжкам знают слово «нужда». Мы впервые во всей многовековой истории в масштабе огромной страны создали такие условия, в которых каждому человеку гарантируется обеспеченная жизнь. Но этот яркий свет породил и резкие тени.

Она, оказывается, куда как плодovита всякой плесенью, господа обеспеченная праздность!

На одном современном заводе беседую с главным социологом. Завод прекрасный, отличные условия труда. Но из десяти парней и девушек, которые сюда приходят из ГПТУ, шестеро увольняются в первые же дни. Причина? Нет привычки к труду. Им тяжело даже высидеть восемь часов на рабочем месте! А тут ещё требуется

старание, ответственность... Непривычно!

Беззаботной, безоблачной была жизнь этих ребят, и ленинградка Иванова теперь помнит только, что дети – это цветы жизни. Она не желает и голову себе забивать мыслями о том, как бы цветы не обернулись шипами. Но нам-то нужно, чтобы в жизнь страны входили люди знающие и умелые, заряженные здоровой жаждой труда.

Проблема... Её надо решать. А это значит?.. Взяться за семью? Добиться, чтобы и Анна Плотникова, и Сашина мама, и ленинградка Иванова поняли...

Конечно, и с детьми, и с родителями надо работать и работать. Но уже здесь отчётливо видится главенствующая роль школы. Всё обращается к ней! Видно, место её в жизни нашего общества должно и будет становиться всё более широким и решающим. Центр тяжести воспитательных работ всё более перемещается на неё. Сам ход нашей жизни определяет ей такое место в обществе – быть главной матерью-воспитательницей для новых поколений. А если так, то какою ей быть, какую форму приобретать и какими располагать возможностями?

Размышляя об этом, я вспоминал школу, которую нашёл когда-то со счастливым изумлением, как геолог находит вдруг золотой самородок. Нашёл и долго мучился душевной растерянностью: как мне рассказать, как написать о ней?

Это была Улановская школа.

**«Дома стало
никому не интересно...»**

Помню, я приехал в Уланово утром. Был июнь. У большинства школьников начались летние каникулы, но на косогорах, на дорожках тут и там появились стайки пионеров, шагавших в сторону школы. Они шли во всём будничном, без книг, без портфелей. А за ними, поспешая, семенили заспанные мальчугашки явно детсадовского ранга. У моста мы сошлись, и я спросил:

– Что у вас там сегодня, в школе? Ребята глянули дружелюбно.

– Там у нас цыплята.

– Цыплята? В школе?

– Да. Мы растим колхозу. Чтоб птицеферма была.

– Вот как? А сам колхоз? Без вас никак?..

– У! Там онидохнут!

– По двести штук за раз!

– Да ну? А у вас?

– А у нас им тепло. Мы ухаживаем. С Софьей Петровной. У нас дежурные звенья...

– Полы с содой моем!

– Клетки поделали.

– У нас книжка есть. Софья Петровна привезла. Мы – по книжке.

– А кормите чем?

– Колхоз даёт. А вчера червей, личинок накопили. Тринадцать килограммов!

– Ого! У вас так много цыплят?

– Прошлый год тысячу вырастили.

– И только штуки три истратились.

– А сейчас две тысячи растим. – На то лето, Софья Петровна сказала, четыре попробуем. Во ферма будет!

Эти хозяйские речи мне нравились. – Ну, а малыши? Тоже туда?

– Ой, им так интересно там! Дома никому стало не интересно!

– Знаете, какие они послушные? Что ни заставь – бегом! Только бы их не прогоняли.

Рядом со мной шагал серьёзный, молчаливый малец годов шести. Он, казалось, ничего не слушал – разглядывал мою корреспондентскую полевую сумку и пристёгнутый к ней фотоаппарат.

– Это у нас самый старательный, Саша Егоров, – сказали девочки и шепнули: – Такой исполнительный – обсмеёшься! Папа у него кузнец.

Не мог я, конечно, тогда подумать, что через два десятка лет встречу здесь Сашу Егорова уже в роли колхозного инженера и ближайшего помощника школы в воспитании будущих героев полей и ферм.

Мы зашли на минутку в школу и направились к цыплятам:

– Ой, они такие хорошенькие! – влюблённо щебетала девочка с крупными, не по росту, руками, торопясь открыть помещение, приспособленное под цыплатник.

На лужайку, на солнышко, вынесли клетки с шустрыми, пронырливыми птенцами, начали кормить, а я уже колдовал с фотоаппаратом. Хороший будет кадр: дети кормят цыплат. Надо было обязательно «схватить» и добровольца Сашу, но куда его поставить? Везде он теряется: маленький! Да и устоит ли бегунок на месте,

пока я буду «организовывать кадр»? Наконец пристроил его, сказал:

– Упрись, Саша, вот так, ладонями в колени, и наблюдай внимательно, все ли хорошо клюют. Вдруг какому цыплёночку мало достанется, понимаешь?

Саша послушно погрузился в «научное наблюдение». Я отснял сколько-то кадров, и мы гурьбой двинулись снова в цыплятник. Всё там посмотрели, поговорили, возвращаемся – что такое? На лужайке, у клетки, кто-то стоит в позе рыболова с перовской картины, не шевелясь, словно каменный. И вдруг все прыснули: да это же Саша Егоров! Ему же сказали наблюдать!..

Потешались долго. Потом девочки стали рассказывать о Софье Петровне, которая руководила всем этим птицеводством и с утра пошла в правление что-то выписать для цыплят. Оказалось, что Софья Петровна не биолог, а физик. Физик и... цыплята! Это как-то сразу открыло мне человека. Она была, видно, из того дивного племени людей, которые, коль это надо, могут всё и увлекут всех. Я осмотрелся. Какую обузу она приняла на себя! Сколько тут всякого дела! Помещение оборудовать и утеплить. Клетки вычистить. Ввести рационы. Отопление наладить. Держать строжайший температурный и санитарный режим. И организационные хлопоты: создать рабочие звенья, обучить детей, увлечь их. Помощи от директора (я его знал) она ждать не могла. В весёлом кругу он дядя компанейский, скучать не будет, но на деле заботой лишней себя не обременит. А риск? Вдруг начнётся падёж?

Малейший ребячий недосмотр – это же так просто случается!..
Ничего не побоялась!

– Вот и Софья Петровна идёт! – зашебетали девочки.

К нам подошла небольшого роста женщина с прямыми волосами, подстриженными под скобку, с выгоревшими ресницами и крестьянской озабоченностью на лице. Она слушала ребят с материнским вниманием, и на её полных губах плавала тихая, добродушная улыбка.

– Да,– сказала она мне, когда ребята занялись уборкой. – Это им очень нужно. Им просто начинает не хватать вот такого взаправдашнего труда. Тут они преображаются. Смотрю на них: они становятся деловыми, дружными, столько у них рождается живого интереса к работе, к жизни!

Мы разговорились. Я слушал Софью Петровну и сожалел, что не знал такую учительницу раньше.

Коммуна Масоновой и Чистяковых

Есть люди, чей облик составлен из черт воистину прекрасных и не искажаемых ничем. Их жизнь чиста. В ней столько души и света, и каждая её страница написана сразу набело. Их жизнь светла, потому что светлы и благородны их стремления, которые делают благородным их труд. Они не знают, не хотят знать жизни лёгкой

и поэтому не знают жизни пустой. Их волнует всё, к чему надо приложить руки и разум – для них нет на земле ничего постороннего. Люди больших дел и больших радостей.

Уланово счастливо такими людьми.

Послевоенная судьба свела здесь нескольких учительниц, которые поселились в школьном доме и стали жить маленькой женской коммуной. Старейшая и во многом главенствующая среди них – Мария Васильевна Чистякова, благородная, мудрая женщина, педагог, большой культуры и таланта. С нею интересно каждому. Ей близки и международные, и сельские, и детские дела. Она была завучем школы, учительской наставницей.

Следующая по возрасту – Софья Петровна Масонова, педагог душевный, пронзительный, с бесконечной, матерински чуткой любовью к детям, к людям, человек мыслящий и деловитый, умеющий, кажется, всё – на уроке и в саду, в клубе и на пасеке, на ферме, в доме, в школьном хозяйстве и в цветнике, – впоследствии заслуженная учительница республики и директор школы.

Младшая в коммуне – довоенная ученица Софьи Петровны, теперь тоже заслуженная учительница Марианна Сергеевна Чистякова.

Семье-коммуне почти тридцать лет. И все эти десятилетия она жила деятельной жизнью, вкладывая все силы души, всё, что она умеет и знает, и всё, что может ещё почерпнуть, – в главные дела окружающего, в сердца и судьбы людей.

Те, кто знал эту коммуну, отмечал в ней чистую, лёгкую атмосферу, устоявшийся добрый тон её жизни и полное отсутствие

всякой мелочности. И, наверное, на вопрос о психологической несовместимости здесь могли только пожалть плечами: странное детище странных людей – мелочных и эгоистичных.

Дом коммуны стоял рядом со школой, высоко на горе, будто с тем расчётом и поднятый над селом, чтобы пошире видеть. Когда я впервые вошёл в старое учительское жилище, мне показалось, что я попал в библиотеку. Книжные полки, стопы журналов, газет. Высокие стеллажи, забитые книгами, разделяли квартиру на комнаты, в главной из которых царствовал в углу большой рабочий стол, притянувший к себе диван и мягкое кресло. Садись и работай. Удобно, уютно.

Дом света, дом мысли. Центр духовной жизни села. Здесь рождаются замыслы бесед и воспитательных вечеров, komponуется всё, с чем сельские светonosны идут потом к людям, идут не просто развлечь, занять досуг – их цель масштабнее и выше: идут с заботой о духовном обогащении человека, о перестройке человеческой психологии, о том, чтобы люди умели жить честно, дружно, душевно. Вечерами перелистывают пласты журналов, книг, газет, чтобы выбрать самое нужное и самое волнующее.

В старом блокноте сохранилась у меня запись с натуры – один вечер из жизни учительского дома. Вот она:

«...Стемнело. В глубине комнаты, в углу, над широким рабочим столом – облако света. Две огромные керосиновые лампы с зелёными абажурами – пламя в пригоршню – тихо шипят и пышут жаром. Хочется пойти туда, под эти абажуры, и сесть. На столе

и сбоку, прямо на полу, стопами громоздятся толстые московские журналы – дымчатые, розовые, голубоватые. Пестреют цветные пласты «Огонька», «Вожатого», «Крокодила», «Крестьянки» и рябые пудовые пачки газет. Выписано двадцать девять изданий – всё, что можно было, не исключая и армейскую «Красную звезду».

Десятый час. Учительские хлопоты нынче закончились рано. Теперь другая жизнь вошла в эту тишину, прильнула к жарким лампам, собрала сюда думы, печали и радости всего света.

Мария Васильевна, крупная, с благородно посаженной головой, удобно устроилась в своём любимом мягком кресле, поддвигает поближе газеты. Она без платка, в мужских роговых очках, тёмные посеребрённые волосы собраны на затылке в массивный узел, Софья Петровна, неслышная, отдававшаяся делам домашним, помешивает в лежанке жар – сегодня её дежурство по дому. В долгие немые минуты, как капля в ночное озеро, падает из-за газеты сердитый шёпот Марии Васильевны.

Софья Петровна закрыла трубу. Приотворила дверь – пусть найдёт свежий воздух... В углу дивана вмятое гнёздышком место. Сбросив тапки, она забирается туда. Рядом, на столе, – стопа свежих журналов, газет. Софье Петровне всегда не терпится добраться до них, развернуть и начать вылавливать «самое-самое» и тут же сортировать с карандашом в руке: это колхозникам почитать, это – ребятам в школе, это интересная деталь, для лекции, а вот

это персонально кому-то из женщин.

– Великолепно! Молодец какой! – вырывается у Марии Васильевны. Особо интересные мысли разрешается читать вслух без предупреждения.

Шуршат газетные листы. Стоп! Минуты три Софья Петровна читает, отчёркивает абзацы, потом перебирается на другую страницу. Что там? Ох, интересно! «В деревню пришёл учитель...» Коллега. Какой ты? С чем пришёл? Сюда ведь так много надо принести!

Смотрю на них, привычно окидывающих страницы глазами, и приходит слово: «старатели». Так золотоискателей когда-то называли.

Тает и тает газетная стопа. Вот и Мария Васильевна прочитала очерк об учителе и другой – о трудных юношах. Опустила газету и медленно, вся уходя в раздумье, сняла очки. Повторила, видно, не раз сказанное:

– Всё обращается к школе...

Мне уже думалось: понаблюдаю за их жизнью год, два и напишу книгу. Но судьба надолго оторвала меня от них.

**Всё,
что они могли...**

Несколько лет я об Улановской школе почти ничего не знал.

Слышал, что работать там становилось труднее, что учителя «сбились с ног», но это были самые отрывочные сведения

без каких-либо подробностей. Потом как-то приехал из Медыни друг-газетчик, рассказал на бегу:

– Ну, что там, собственно? То же, что и везде. Папы-мамы на работе, деткам – воля вольная. Ничего не делают, болтаются по улицам, в школе двойки огребают. Свистят в клубе. Стог соломы в колхозе сожгли. Мамы и в ус не дуют. «Господи, это ж дети. Им и побегать надо. Только ведь и ихнего!» Уразумел? Мы-то с тобой ходили в школу – мамки нам какие наказания давали? «Смотри, сынок, не балуйся там, учись хорошенько, слушайся учительницу». Да? Теперь детки чаще другое слышат: «А что они там, учителя». Ну, бьются Мария Васильевна, Софья Петровна, Марианна Сергеевна – родительские собрания, лекции, Вера Захаровна, литератор, – с концертами. Но ты же знаешь – был бы там директор настоящий!..

Да! Вот это ещё горюшко висит у них камнем на шее!

Очень непросто понять, откуда они берутся – директора «не-настоящие». Они похожи на незагоревшийся факел: ему по должности надо б гореть и светить, зажигать всех, а его самого не разогреешь ничем. За ним не ринешься в огонь и в воду – он никуда не ведёт, он лишь состоит при должности. После него не остаётся ни новых аллей, ни добрых воспоминаний. Принял он избушку на курьих ножках и, проходивши лет десять с руководящим видом, сдал такую, какой была: вот избушка, а вот, пожалуйста, курьи ножки, – всё в ажуре. За неимением других надёжных качеств он держится на так называемом характере и на поразительной способности

«правильно выглядеть». Ничегошеньки у него по-людски не сделано, а поднимается он на трибуну, и можно подумать, что это шествует деятель. Всё у него значительно, солидно и политично – и лицо, и походка, и мысли. Он начинает весомо и капитально, и тогда дела его убогие обретают звучание, подобное хоралу. Чудом вдруг оказывается, что на сегодняшний день у него «достигнуты определённые положительные результаты», сладкой мелодией звучит признание «отдельных имеющихся недостатков», голос его набирает силу, он одобряет, заверяет и покидает трибуну под аплодисменты, ещё и управившись кого-то критикнуть. Ну кому же придёт в голову числить его на плохом счету? Никак невозможно. Вполне соответствует!

Такой приблизительно был в Уланове директор. Он видел, разумеется, все свои промахи, но не скажешь, что потерял от них покой. Нет, он только спрашивал при случае: «А у других что, лучше?...» И благодушно улыбался.

Мы понимали: отношения семьи и школы в Уланове усложняются. Начиналась полоса не всегда видимой, но острой и затяжной между ними борьбы.

Как дальше работать? Как перебороть близорукое родительское недомыслие? Как сделать всех пап и мам единомышленниками и союзниками школы? Думала об этом учительская коммуна, думал с нею весь педагогический коллектив. Ничего не придумывалось, кроме одного: ещё энергичнее работать с родителями. Работать изо всех сил. Охватить все деревни, всё население,

всех до единого родителей, не пропуская и тех, у кого дети ещё не учатся, – войти в каждый дом. Отдельно собирать отцов. Привлечь всё: опыт лучших семей, литературу, кино, журнал «Семья и школа» – добиться, чтобы этот журнал выписывали все родители, все, кто должен работать с детьми.

Привлекали. Добивались. Собирали. Ходили по деревням. Стучались в каждое родительское сердце. Руководство этим небывалым педагогическим наступлением приняла на себя Мария Васильевна Чистякова.

Шло время. В газетах изредка проглядывала улановская жизнь.

Мелькнула заметка – в каждый дом приходит журнал «Семья и школа». Другая: «Усиливают педагогическую пропаганду». Появилась зарисовка: беседа Софьи Петровны с родителями. Можно было почувствовать её интонации, её манеру говорить. Она убеждает мягко – по больному нельзя бить сплеча.

«Как же можно нам забывать о самом великом воспитателе – о Труде? Вот смотрите: семьи Никишиных, Терёхиных, Талыпиных, Егоровых – все мы их знаем. Родители – труженики, в труде воспитывают и детей. Дети у них всё умеют – и в доме, и в огороде, и с родителями в колхозе. Труд им не тягостен, они приучены к нему с малых лет. И посмотрите, какие замечательные растут дети! Они хорошо учатся, они всегда дают пример активности, сознательности, хорошего поведения».

Рассказывают о трудном парнишке: как «работа преображает его самого». Он начинает чувствовать себя в общем строю,

начинает ценить труд других и всё, что создано трудом. И мыслит он уже по-другому. Рождается чувство хозяина, стремление больше уметь и больше знать, желание делать красивым некрасивое.

«А как обкрадывает себя ленивый? Как убого всё у него! Не работает – мучается. Тяп-ляп – лишь бы не цеплялись. И не чает уйти. А куда? Куда он от себя уйдёт, от своей пустоты?.. Как ему помочь? Это легко в детстве. Надо только, чтобы взрослый человек занимался с ним, показывал, приучал. А бывает, семья трудовая, а вырастила лодыря. Так из семян хорошей яблони вырастают дички – колючие дикарки с такими плодами, что слёзы бегут». И мысль призывная: «Давайте помогать им укрепляться в труде и в трудном радостное находить».

Как хотелось мне глянуть: что теперь там? Какие перемены? Год, второй... Вдруг влетает мой дружок-газетчик, как всегда куда-то спешащий.

– Ну, был, был в твоём Уланове! Ты когда-нибудь видел такой аттракцион: пятиклассник в мамку чурками швыряет?

– Ты всерьёз? А в чём дело?

– Футбол гонял, а она что-то делать заставляла. Нет, это, конечно, не самое типичное.

– А самое?

– Хочешь живую запись? С натуры! – Он вихрем пролистнул блокнот. – Папаша там один прикрикнул на дочь: «Ах ты, лентяйка!», та – в слёзы, мать на него – в крик: «Ещё чего! Детей закабалить! Отец называется! Ещё наработаются, ещё нахлебаются

этой радости, успеют!»

– Вот как! Семейный фронт. И тут крепости не сдаются!

.

**«Независимо
и даже вопреки...»**

Иногда он присылал мне коротенькие письма. В одном писал:

«Педагогическое наступление в Уланове продолжается, но учителя понимают, что нужны новые шаги, которые педагогический успех обеспечивали бы независимо и даже вопреки влиянию тех родителей, которые вольно или невольно калечат своих деточек».

И сделал приписку:

«Учителям, конечно, не сладко! Многовато нынче стало в классах всяких «никудышников», распространяется затяжная ученическая болезнь: ничегонехотение. Говорят, редкий урок проходит без нервотрёпки, и даже способные ребята готовы пропеть принародно: «Была бы только тройка...»

И вдруг – чего я и не ожидал:

«Принимай новость, старина! Софью Петровну назначили директором школы! Ты понимаешь, есть-таки у нас зоркие товарищи. Пригляделись к человеку, изучили деловые и моральные качества и, пожалуйста, выдвинули. Всего и приглядывались-то каких-то семнадцать годочков! Софью Петровну можешь поздравить с надёжным

стартом. Начала она генерально: строит новую школу. Стала похожа на прораба».

Очень бы интересно послушать теперь её. Но возможность встретиться представилась не сразу. Как мне поступить? Попробую дать выборку из её высказываний, записанных немного позже, но относящихся к этой поре.

«...А ребята в семьях остаются всё-таки бесконтрольными. Очень немногие готовят домашние задания. Успеваемость не повышается, дисциплину держать трудно. Дополнительные занятия ничего не дают. Проводятся они после уроков, смотришь: тот убежал, этот отпрашивается – голова болит. И у самой душа ноет: они же голодные, усталые – это ведь уже шестой урок! В памяти от таких занятий ничего не остаётся».

«Выход один: сделать так, чтобы все ученики оставались в школе целый день. Здесь организовать и питание, и отдых, игры, и приготовление уроков, и продолжать с ними работу по воспитанию и развитию».

Кажется, она смутно чувствовала, что это будет своеобразный переворот. Начнётся совсем новая школа, в которой изменится вся жизнь, изменится и облик ребят, и их отношение к учёбе, к труду, к жизни.

Вот как прорисовывалась эта мысль. «Ясно, что питание не должно быть платное – это вызвало бы массу всяких сложностей. А если бесплатное, то надо заводить при школе хоть маленькое подсобное хозяйство. Будет хозяйство – будут и хозяева,

будет их заинтересованный коллективный труд. Тогда и трудовое воспитание станет на твёрдые ноги».,

«К мысли о хозяйстве приводит и другая необходимость.. По-настоящему школе ведь так много надо всего! Пособий, оборудования, инвентаря – и учебного, и хозяйственного, и спортивного, книг, строительных материалов. В роно всего не напросишься, за каждым рублём не наездишься. Надо иметь хотя бы несколько тысяч рублей своего школьного дохода».

«Сидим в учительской, думаем: как их получить?

Учителя:

– Ну что тут думать? На земле живём, кормилицей зовём...

– Попробовать овощеводство. Парники, выгонка рассады.

От одних парников какой доход можно получать!

– И посильно ребятам, и интересно. Начали. Рабочие звеня, рассада, пикировка, питательные горшочки. Увлекли ребят. Рассада отличная. Идут колхозницы: та выписывает десяток – на тридцать копеек, та – на шестьдесят. Поспели помидоры – опять идут выписывать. Двадцать копеек кило. Кончился год – подвели итог. Педагогический результат: многих работа увлекла, сдружила, младшим открыла что-то интересное. А вот итог экономический – 362 рубля. Пустяк.

Опять сидим и думаем. Надо испробовать что-то ещё.

– Лён, товарищи! Ведь самая Доходная культура в наших краях!

– А гречиха? Гречиха тоже! Читали в газетах?..

Попробовали лён. Попробовали гречиху. Не то. Не для детского это хозяйства.

Надежду внушал картофель. Было у нас два гибридных клубня картофеля, мы привезли их с Выставки из Москвы. Очень интересный сорт: не боится ни рака, ни фитофторы, даёт хороший урожай и в дождливое, и в сухое лето, клубни растут крупные даже при загущённой посадке. Можно со временем стать поставщиком семян этого сорта для колхозов и совхозов, получать большие доходы – цена ему высокая. Но нужно несколько лет, чтобы его размножить.

И вдруг – находка! Замечательная! Как нам не пришло это в голову раньше? Идём с моей калужской гостьей по пришкольному участку, цветы смотрим.

– А куда вы цветочные семена деваете? – спросила гостья.

– Раздаём. Да их мало у нас.

– Вы знаете, они ведь очень дорогие. Некоторые на лекарства идут. Их очень выгодно разводить. Семена настурции, например, «Сортсемовощ» принимает по пятнадцать рублей за килограмм, люпин – по четырнадцать.

Я и руки уронила. Наутро – в Калугу, в «Сортсемовощ». Заключили договор, открыли в Госбанке счёт. Появилось на свет новое хозяйство: «Детское цветоводческое...»

Здравствуй, детхоз!

Сколько же лет я не был в Уланове? Почти десять лет.

Сошёл с автобуса – всё тут по-новому. Асфальт. Городской павильон у автобусной остановки. Были, помнится, серые избы – теперь голубые дома с весёлыми окнами. Белые кружевные наличники, веранды. В палисадниках – цветы.

У остановки стоят три женщины – кого-то проводили на автобус. Спросил для интереса, где у них школа. Разом прервали разговор, отозвались приветливо:

– О, школа у нас хоро-ошая.

– Да? Чем же?

– А поглядите-ка. Там у них всё: и столовая – питание бесплатное, своё кино, радиолы, музыка...

– Там одних игрушек – целый магазин. Куклы – во какие! Мишки, мячи разные, чего-чего там только нету!

– Какие победней есть дети – школа им помогает: одежку, обуюнку справит. Очень насчёт этого хорошо. Общежитие вон достраивают.

– Откуда ж у них такие средства?

– А работают! Цветы сажают, картошку. Сад у них. Вы вот зайдите, гляньте. Директор там замеча-ательный!

– Мужчина? Засмеялись:

– Да ну, что ими нынче, мужиками, делать! Софья Петровна.

- Хороша? А чем?
- Сама везде с ребятами, и лопату возьмёт, и грабельки...
- И вы, родители, не против, что дети там работают?
- А они и должны работать! Без дела-то видали, что из них получается?

За мостом, на крутой горе, видна была школьная усадьба, обнесённая изгородью. Помню, оттуда по-бедняцки поглядывала когда-то маленькая деревенская школа. Теперь стояло новое здание. Большое, крашеное, на высоком фундаменте, два просторных крыльца. И смотрит по-новому, по-дачному, кутаясь в зелени яблонь и лип. К зданию прильнули другие постройки, поменьше: мастерские, столовая, учительский дом с сараем и баней. Теплица сверкает стеклянной крышей, виднеется рига – шоха, сушилка с ребристыми трубами. А рядом, через шоссе, – то самое строящееся ребячье жильё. Дом длинный, похоже многокомнатный, с верандой, серебристая шиферная крыша вскинулась над горой.

Сам вид этой усадьбы что-то говорил о коммуне, о богатом и хорошо налаженном хозяйстве.

Вспомнилось: цыплята, девочка-хозяечка, исполнительные малыши...

Внизу, у шоссе, – калитка. От нас на гору, к учебному зданию, затенённые деревьями ведут цементные ступени – длинная извилистая лестница, затейливо вписанная в косогор. Там, наверху, виднеется трапедия – это спортивный городок, игровые площадки.

А если пройти вверх по шоссе, то справа будет школьный участок.

Сад тонет в оранжевых, красных и лиловато-синих озёрах цветов. Входишь туда, и забываешь, где ты. Чистые дорожки. Аромат. Огненные озёра у ног. Махровая календула. И другая, похожая на яичный желток, вспыхнувший солнцем. Россыпь маленьких солнц у дорожки. По сторонам горят ярко-оранжевые рожки и кларнеты, тоненькие раструбы настурции. А дальше крошечными лиловыми огоньками вспыхнули мизерные люстры – тысячи, тысячи люстр. Это люпиновое озеро. А там – кумачовое. Маки. И белые астры. А вдали буйно зеленеет букетами картофельное поле. Ни травинки. И кажется, всё это цветущее царство звенит и поёт.

Стоишь зачарованный. Неужели это – дети? Неужели это их маленькие руки, их работа? Как же должно волновать и захватывать их самих это дивное буйство красоты! Какие счастливые бури оно должно вызывать в их впечатлительной душе!

Не надо никаких объяснений, чтобы понять, что эта живая симфония цветов, эта рукотворная радость служит здесь педагогом, воспитывающим в человеке Человека.

От школы навстречу шла Софья Петровна. Та же тёплая, чего-то добродушно ожидающая улыбка, та же спокойная озабоченность на лице. Смышлёный белый пёс-коротконожка семенил рядом, вопросительно взглядывая на хозяйку, будто спрашивая: «Это – к нам?»

Несколько минут, и мы уже в мире её сегодняшних хлопот: рамы, краски, батареи отопления – осенью вселять в общежитие ребят.

У Софьи Петровны настроение предпусковое.

– Хочу, чтобы тут всё было по-современному, как в хорошей гостинице,— мебель, одеяла, шторы. Одеяла такие красивые удалось достать! Из верблюжьей шерсти. Лёгкие, тёплые – очень удобно!

Мне уже представляется: деревенский мальчик входит в эту «гостиницу». Полированная мебель. Нарядные, красиво убранные кровати. Всё дорогое. Комфорт. Даже немножко боязно входить. И всё это – не от Деда Мороза, не случайная даровщинка. Это продолжают цвести цветы, выращенные детскими руками. Какие же новые бури радости пронесутся в душе мальчишки и какой глубокий они оставят в ней след!

Завтра станет легче!

«...Как могли вы склонить всех родителей вот на такие дела – чтобы их дети летом работали в школе? Как вы привили такую любовь к труду на земле вашим учащимся? Пожалуйста, опишите, у нас так не получается.

С. Т. Алпатов, с. Тарханка, Казахской ССР».

«Очень сожалею, что не видела начала передачи о вашей школе. Но и того, что увидела и услышала, достаточно, чтобы

представить себе, какую работу вы выполнили... Как вам удалось осуществить такое огромное дело? Откуда у вас земля? Где вы брали семена? Я давно мечтала о таком подспорье. Вы мне подсказали, что сделать. Ведь это прекрасно, хотя и очень трудно. Убедительно прошу рассказать подробнее.

В. М. Седлецкая, с. Янишевка Одесской обл.».

«Наша школа тоже сельская и небольшая, но сколько мы ни бьёмся, ничего не выходит. Дисциплина у нас не очень плохая и успеваемость тоже, но дети ничего не берегут, всё ломают. Наказания пользы не приносят.

Л. А. Никитина, ст. Итларь Ярославской обл.».

«У меня к Вам огромная просьба: пожалуйста, помогите организовать подобное хозяйство. Расскажите, с какими трудностями Вам пришлось встретиться и как Вы их преодолели.

И. В. Кузнецова, биолог, г. Старый Крым».

Трудности... Теперь, оставшиеся позади, они видятся иначе, проще, как пересказанное кино.

А начиналось очень непросто.

Софья Петровна подала председателю колхоза бумажку-отношение: «Школа просит выделить участок земли».

Мужиковатый, прижимистый хозяйственник глядел на неё с сердитым подозрением.

– Участок? Это зачем вам участок? Софья Петровна объяснила.

– Не могу, – поджал губы хозяйственник. – Не имею права! Потому – это есть земля, государственная собственность! Разбазаривать нам её никто не позволит.

– Это же не мне, не вам, не в частные руки, – изумилась Софья Петровна. – Это для большого государственного дела – для воспитания детей, их любви к труду. Это же будущие колхозники!

– Будущие колхозники пускай вон картошку помогают копать! А я не могу это – направо-налево, потом, пожалуйста, – к прокурору!

– Да почему к прокурору? Чего вам бояться?

– Я ничего не боюсь, а земля эта не моя!

– Странный вы человек. Неужели по этому поводу мне надо ехать в райком?

– А это пожалуйста! Вы меня райкомом не пугайте!

У первого секретаря райкома он был не то что несговорчив – он бушевал:

– Какое я имею право? И никто не имеет! Это незаконно. И не надо! Пускай вон идут в колхоз и работают!

– Колхозу они помогают и будут помогать. А это нужно им для постоянного труда.

Объясняли, убеждали, наконец, секретарь райкома встал. Бывший учитель, он хорошо понимал необходимость того, о чём просила школа.

– Тогда вот что, – сказал он. – Мы сейчас поедем к вам

в колхоз, соберём общее собрание, и пусть решают колхозники.

Хозяйственник пожевал губами, похмыкал, глядя в пол, сдался:

– Ладно. Мы сами, на правлении...

Школа загудела перестройкой.

На линейке Софья Петровна говорила, что теперь у них будет своё детское хозяйство, большое, красивое. Оно станет давать им необходимые средства, и можно будет открыть свою бесплатную столовую, закупить спортивного инвентаря, всяких игр, пособий, ездить на экскурсии в Москву.

Новая рать коммунаров глядела сотней именинников. Софья Петровна видела счастливо засиявшие лица девочек-юннатов, мальчиков, которые по первому слову брались за любое дело. Славные, милые ребята! Для них это праздник!

Но она видела и холодные, и даже злые глаза, в которых читалось: «Вот ещё! При-ду-умали!» Давние знакомцы – разболтанные, неподдающиеся, привыкшие ничего не делать. Один из них, сурово глядя исподлобья, прогудел:

– А если кто не хочет?

Это был мальчик П., непослушный, грубый, ненавидящий всякую работу и любивший властвовать над ребятами.

Ему ответили, что в нашей стране работать должен каждый. Мальчик П. насмешливо отвернулся, дружки глянули па него с завистливым одобрением.

Софья Петровна понимала, что теперь всё пойдёт обостряться,

всё, включая и отношения школы с некоторыми мамами. Это ясно: дети оказывались теперь меж двух полюсов. С одной стороны, разболтанного мальчика П. впишут в рабочее звено, поставят над ним звеньевую и дадут обязательное производственное задание. А с другой, неслезанно радуя ленивца, понесётся оглушительный крик сердобольной мамы: «Не смей никуда! Дураков нашли!» Две силы, два авторитета. Педагогическое двоевластие. Через это нельзя перешагнуть, но и нельзя допустить, чтобы это продолжалось бесконечно. Воспитанием детей должна править одна педагогика – научная, и она обязана взять верх!

Хозяйство начинало организовываться и обзаводиться. На уроках труда делали ящики, набивали их перегноем, сеяли семена цветов, помидоров, капусты, насаживали лопаты и тяпки. Вместе со всеми, когда лучше, когда хуже, работал и мальчик П., работали и другие, подобные ему.

Забунтовали они, когда пошла речь о звеньях: кого куда. Звенья создавали по типу макаренковских отрядов – сводные. Принцип: в звено входят дети разных возрастов, живущие рядом друг с другом. Им удобно будет собираться, а работа пойдёт лучше, когда в маленьком их коллективе будут и дети из начальных классов, и старшеклассники, уже что-то умеющие, способные научить младших. Звеньевыми ставили опытных юннаток. Софья Петровна объявила, что она берёт шефство над звеньями и что, кроме них, создаётся ещё постоянная ремонтно-строительная бригада из мальчиков-старшеклассников. Её задача – всякие поделки,

огораживание, благоустройство, ремонт мебели, инвентаря и самой школы. Руководить бригадой будет преподаватель труда и физкультуры Василий Николаевич Круглов. Ребята весело переглядывались: хорошо! Василий Николаевич – мастер на все руки, с ним интересно! Мальчик П. выкрикнул:

– А если я не хочу быть в этом звене?

– А я с этой звеньевой не хочу! – запетушился другой, краснея и косясь в сторону девочек.– Подумаешь! Будет командовать!

Но буря эта была не из самых страшных, она в тот же день и унялась.

А вскоре установились тёплые дни, Софья Петровна объявила общий выход на новый участок.

– Он очень запущен,– объяснила она.– Вы увидите: корневища сорняков там душат всё. Их надо выбрать до единого. У нас на участке должен быть образцовый порядок!

Участок начинался сразу за школой – целое поле длиною чуть не в полкилометра. Колхозники распахивали и перепаживали его (сговорчивее стал ершистый председатель). На взбуровленной земле, как разжиревшие черви, густо белели прожорливые корневища. Старшие ребята железными граблями и руками выдирали их, младшие налетали стайками, подбирали нарасхват, набивали ведра жирными трофеями. И когда отходил воз, полный обезвреженных хищников, все останавливались и с облегчением провожали его глазами.

– Сколько ж их было ту-ут!..

Вот уж и последний воз. Ребята стояли перед распаханной и,

кажется, легко вздохнувшей наконец землёй, облегчённо вздохнули и сами. Чисто, хорошо! И эта отдыхающая земля теперь роднила их и обещала им что-то радостное.

Софья Петровна смотрела на мальчика П. Он стоял с воинственно торчащим чубчиком и глядел вслед повозке. Сегодня он тоже наступал и чувствовал себя победителем.

Лето шло с грозами. Затихла, опустела школа. Запушились травой цветочные полянки, на овощных грядках зазеленела мокрица, лебеда. Выходи на работу, детхоз! Беритесь за тяпочки, звенья! Все – на работу!

День начинался тихий, тёплый. Учительницы в нарядных косынках встречали ребят, как на празднике Первое мая. Те подходили по двое, по трое, младшие добросовестно тянули «Здравствуйте!» и улыбались. Им нравились новые тяпочки с новыми ручками, остро наточенные в мастерской, нравилось, как приветливо встречают их учителя и старшеклассники. Дальние подъезжали на велосипедах, ставили машины к изгороди и чуточку обескураженно оглядывали собравшихся: «Ма-ало...»

Мало. Этого как раз и опасалась Софья Петровна: кто сам не захочет, кого не пустят сердобольные родители... Она это предвидела и на последней линейке предупреждала: приходить всем, учёт будет строгий. Объявила нормы выходов, установленные в зависимости от возраста, и всем показала тетрадь в сиреневой обложке.

– Это тетрадь учёта выходов, вот так разграфлены странички:

тут фамилии, тут даты. Будет отмечаться: «был», «не был».

Недовольные посматривали с откровенной прохладцей, мальчик П. скривил губы, будто говорил: «Фу, да и отмечайте!»

Но сегодня он пришёл и только время от времени почему-то оглядывался на дорогу. Ждал дружков?

С дороги свернул к учителям небритый мужчина с велосипедом. Следом вынырнули из-под горки две женщины, возбуждённые, спорившие о чём-то.

– Это кто ж такой закон установил – детям отдыха не давать?! – ещё не подойдя, налегла на голосовые связки одна из них, родительница мальчика П.– Зиму они покою не знают с этим ученьем, теперь вы их ещё и летом надумали запретить – хозяйство тут завели!

Разбрасывая руками и надрываясь до синевы, она притопывала и приплясывала, забирала всё выше и злей, а рядом подхватывали на разные голоса то её спутница, то прохмелевший дядя.

– Чужие – не жалко?

– Издевательство какое!

– Иксплатация! Детей так-то мучить! Сердобольная кинулась к своему ленивому чаду, схватила за руку:

– Пойдём, сынок, ты тут ишачить не будешь! – И, свирепо зашагав, поволокла его, спотыкающегося, под гору.

Работали молча. Не разгибаясь, Софья Петровна взглядывала на вспотевшие ребячьи спины, на самих детей, послушных и примолкших, и чувствовала себя виноватой перед ними.

Стараются, стараются, маленькие труженики, верные активисты школы. Чем же вас порадовать, чем вознаградить?.. Ни копейки нет в школьной кассе. Хозяйство начинается с нуля. А работы, работы!.. Полоть, поливать, огораживать...

Становилось жарко. Софья Петровна разогнулась.

– Конец, ребята! На сегодня хватит.— Она не спеша оглядела каждого.— Теперь пойдёмте все под липы, чай будем пить!

Принесла из дома ведёрко мёду, хлеба, чашки, расстелила скатерть.

На траве, под липами, пила чай большая, весёлая, нарабо- тавшаяся семья.

...И до сих пор они влюблённо вспоминают то лето, свой дружный рабочий отряд и первый коллективный чай под липами. Вспоминают, как полюбили это ежедневное, после работы, чае- питание, как Софья Петровна приносила им со своей пасеки мёд, варенье, пекла им вкусные пироги. Какое это дивное, чудесное было лето, первое лето детхоза!

Интересные неожиданности

С осени начались обычные занятия. При школе открылась для ребят столовая. Бесплатная. Для всех учеников.

Ещё не ахти какие разносолы подавались в этой столовой (невелик был пока «цветочный» доход), а мамы теперь встречали своих коммунаров с серьёзным, уважительным любопытст- вом:

– Ну, чем вас там сегодня кормили?

И подолгу соседки толковали потом о детском хозяйстве. Какая-де там ни есть, а своя столовая. Ребята, можно сказать, сами себя обеспечивают. Это хорошо. И к делу приучаются. А то ведь совсем от рук отбились. Ему уже отцовы штаны по колено, а он всё собак по улицам гоняет.

Ребята теперь приходили из школы, как с праздника: весёлые, румяные, разговорчивые. Всё у них там интересно – даже самое неинтересное!

После обеда, в час игр, старшие пошли дрова складывать – гора поленьев громоздилась во дворе, первоклашки подбежали к Софье Петровне:

– Софья Петровна, а мы?

– А вы ещё маленькие. Оглушили, как стая грачей:

– Нет, мы тоже будем!

Бросились, кто – полено, кто два, помчались. Бегом! Наперегонки!

Смотрит Софья Петровна – улыбка теплится на губах: с каким удовольствием работают малыши! Когда бы они изведали такое дома?

Сказала учительница шестому классу (ребята сидели парами):

– Начнётся урок труда, принесёте по двое носилок перегноя.

По пять принесли! Оказывается, это очень интересно – сделать больше, чем приказано!

После часа игр все классы садятся выполнять домашние

задания. Младшие закончили рано. Марианна Сергеевна сказала:

– Теперь идите домой.

Она ожидала, что все взвизгнут от радости и бросятся к вешалкам, но дети глянули на неё просительно:

– Не-ет, мы ещё поиграем. Отодвинули парты, разулись, расстелили коврики, открыли шкафы с игрушками – куклы, мишки, машины, конструкторы... Вот и детсад! И никаких «домой»!

В четвёртом классе было четыре урока, а обед начинается после пятого. Час свободный. Марианна Сергеевна распорядилась, чтобы все шли на воздух:

– Идите, играйте. Возьмите мячи, бадминтон...

– Мы – потом, после обеда,– сказали девочки.– А сейчас можно – мы в классе уберём?

Принесли тёплой воды, вымыли парты, пол, открыли форточки. Класс посвежел, воздух лёгкий стал. Маленькие хозяйечки ходят довольные, и хочется им, чтобы кто-нибудь зашёл и глянул, как хорошо у них стало... Родной дом!

Девочки и мальчики из восьмого класса схватили вёдра, тряпки – ринулись наводить чистоту в пионерской комнате и химкабинете. Перетёрли колбы, воронки, пробирки, полочки, перевернули стулья, протёрли все ножки, уголки, закоулки – блеск!

Откуда вдруг этот радужный всплеск любви, привязанности к школе, хозяйского радения о ней? На каком основании? И почему

трудоое радение стало переходить в удовольствие?

Всё очень просто. Когда открылась столовая, сразу изменилось лицо школы. Всё подчинив новому режиму, она стала для ребят вторым домом. Здесь теперь у них было всё: учёба, питание, работа, игры, спорт, кино, музыка – вся жизнь. И какая! В каком родном доме, у какой мамы, видящей их едва лишь час в день, было им столько доброго внимания, заботы об их развитии, об их жизненном становлении? Домой теперь они шли только на ночлег.

Им давно не хватало такой школы, они давно говорили: «Дома стало никому не интересно».

К концу уроков уже никого не оглушал голод, не гнал поскорее домой. У ребят заиграл румянец. Нормальный режим питания плюс калории и витамины да плюс то, что называется «за компанию и кислое – мёд», и куда делись бледные, худые, вялые дети! Да, да, у родных мам такие встречались не в диковинку! И мамы раньше досадовали:

– Домовой их поймёт, чего им ещё надо! Ну вот мы росли – что мы видели? А какими были? Слава тебе господи – об дорогу не расшибёшь! А эти... Под замок, что ли, еду от них хороню? Всё открыто: булки, пряники, и в печке наварено – лопайте сколько влезет!

А они не «лопали», они хватали, что послаще: печенье, кусок булки с песком сахарным и на зов обедать кричали: «Не хочу!»

Теперь мамы знали: у них там всё по часам. После второго урока – завтрак, после пятого – обед. И всё по потребности – «насчёт

этого полный у них коммунизм». Одолеешь две кружки какао – бери, хочешь – три, – пожалуйста, с сухариками, с сушками, с овсяным печеньем.

– Заедаются скоро, – посетовала Прасковья Григорьевна, повар (она и завстоловой, и школьный главснаб). – С лета придут – едят исправно, даже добавку просят. А вот пойдёт октябрь, ноябрь – всего уже варю меньше, остаётся. Глянешь – на столе печенье, баранки, сухарики – всё недоедено. Суп пополам с мясом, по полтарелки съели – больше не хотят!

Свежие, здоровые... Разве не победа?

Всё становилось на свои места. Менялся сам тон жизни школы, и учителя вдруг поняли: как много в ней до сих пор держалось на нервах! И как долго царствовало это изнурительное нервное напряжение! Теперь оно рассеивалось. В школу, казалось, вошла тишина, и стало легко говорить. Учитель увидел, что дети слово его принимают сразу – повторять не надо. В учительской заговорили об отрядном: дети стали активнее на уроках, слушают внимательно, появилась сдержанность, прекратились нелепые выходки.

Педагогическая механика переходила на «тонкую настройку». Сердитый окрик, нагоняй, вызов родителей – всё это стало ненужным, как грубые подпорки в новом доме. Жизнь ребят благополучно начинали править два самых спокойных импульса: «хочу отметить» и «делаю замечание». Они звучали на линейке. Вошло в порядок проводить общешкольную линейку ежедневно. Пять минут перед началом уроков. Сообщается обо всех хороших поступках,

совершённых в школе вчера, и, может быть, кому-то высказывается замечание.

Установили раз навсегда: ничего не пропускать мимо внимания, особенно – хорошее. Проработал лишние полчаса, что-то дельное предложил, товарищу помог, коллективно оформили стенд, – всё видеть, учитывать, всё держать на виду, отмечать на линейке. Иначе хорошие поступки будут затираться и в глазах детей обесцениваться («А это и взрослым бывает обидно», – подметила Софья Петровна), а дурные – обретать право на существование и потихоньку завоёвывать «жизненное пространство». Нельзя!.. Речь шла теперь о такой активной нравственной атмосфере, которая вызвала бы к жизни и укрепляла всё самое доброе в каждом питомце.

Детхоз становился школой хорошего поступка. И этой школой безотказно руководил моральный стимул, запрограммированный в фразе «хочу отметить».

Работал и материальный стимул. И интересно, и широко работал, вторгаясь и в психологию сердобольных мам и пап. Он начал разрушать «крепости», но ему предстояло решить задачу и потруднее: сделать противников союзниками, безоговорочно убеждёнными и преданными общей цели.

База материального стимула крепла. От дохода в тысячу девятьсот рублей детхоз в новом году пришёл к семи тысячам и затем сразу – к семнадцати. Это равнялось почти половине чистого дохода, полученного в тот год колхозом, крупным, высокомеханизированным и пошедшим круто в гору при новом руководстве.

Материальный стимул переходил в наступление, не дожидаясь больших капиталов.

Тёплым весенним днём объявили необычный сбор. Линейка была обставлена по-праздничному. Вынесен стол, накрытый красной материей, на столе свёртки, пакеты, коробочки. И на виду всем знакомая сиреневая тетрадь: фамилии, даты, «был», «не был».

– Премии будут давать,— догадливо проговорил мальчик П. с насмешливой прохладцей.— Ударничкам. Кому куклу, кому карандаш...

– ...премируется лыжным костюмом!— услышал он голос Софьи Петровны, заморгал от растерянности и осторожно покосился на ребят.

– ...премируется шёлковым платьем,— продолжала Софья Петровна.

Ребята бурно хлопали в ладоши. Повертев головой, захопал и мальчик П.

Звонкий резонанс прокатился по деревням. А когда вышли ребята на участок, глядь, забегает родительница:

– Как тут мой работает?

На велосипеде подъезжает родитель:

– Это правда, что вчера в школе никаких работ не было?

Схлынули будни – праздничный звон по улицам. Три автобуса к школе подают. В Москву едут. В зоопарк, в цирк, в музеи. Всеи школой. Съездили, вернулись – разговоров в деревнях на целую неделю.

А по осени – новая поездка. Опять в Москву. Но это уже не для всех, это премиальная. Для победителей соревнования.

Едут те, кто хорошо работал на участке, хорошо помогал колхозу, едут лучшие общественники и отличники учёбы. Нерадивые не едут. Они отошли в сторонку, оглядывают автобус. А автобус стоит красивый, сиденья мягкие, и веет от него праздником. Счастливики, нарядные, сияющие, вбегают, рассаживаются, машут руками и уезжают с песней...

А ленивые и равнодушные стоят. Думают. Стоит и мальчик П., косится на свою сердобольную маму.

И снова будни.

Спешит, торопится к школе сердобольная, расстроена опять.

– Софья Петровна, да что ж вы моего малого на работу не вызываете – бегают, баклуши бьёт?..

О пользе настройки

Как естественно соединилось теперь всё в одно: учёба, работа и воспитание – слилось, спаялось и зазвучало единым хором здоровой детской жизни.

Но, оказывается, каким чутким надо оставаться дирижёру! И к настройке особенно. Она, как в оркестре, определяет всю игру. С неё теперь в школе начинается день.

Это линейка. Я говорил о ней. Здесь происходит зарядка детского коллектива. Это похоже на настройку музыкального инструмента.

Его не роняли, его нарочно никто не расстраивал, но возьмёшь в руки – какая-то струна «отпустила», фальшивит. Немузыкант будет играть и так, пока не расстроит вконец. Настоящий музыкант начнёт с настройки.

Пятиминутная эта операция создаёт в школе атмосферу собранности, управляемости и общего благозвучия всей её внутренней жизни. Пять минут – и целый день потом, на уроках и на переменах, чувствуется звучание камертона. Не зря Софья Петровна сказала как-то:

– Считаю непростительной для педагогов халатностью, когда линейку в школах проводят не ежедневно.

На пятиминутке не читают длинных нотаций, здесь работает острый, свежий, метко стреляющий пример – хороший или дурной. Цель – каждый день на достойном или недостойном поступке одного воспитывать всех.

Вот ученик шестого класса в порыве удачества переехал на велосипеде через клумбу. Через пустую клумбу, ещё ничем не засеянную. Что это? Пустяк? Или ЧП? В Уланове двухминутный (не больше!), но обязательный (!) разговор на линейке: создано трудом – уважай и береги. Четыре девочки красиво убрали класс. Это – «отметить». Завтра они сделают ещё лучше. А для других это побуждающий пример.

Первый раз улановскую линейку я увидел осенью. Школа работала на уборке картофеля в колхозе. Утром, без пяти девять, раздался звонок, ребята сбежались в школьный коридор, выстроились буквой «П». Строй не безукоризненный, вид у ребят далеко не парадный, но всё как-то очень по-деловому.

Даже Снежок, забавный пёс-коротконожка, непременный участник всех дел, взглядывал на Софью Петровну вполне деловито: «Начнём?» Начинает она безо всяких вступлений: – Замечание делаю только Саше... Работал нехотя, одной рукой. Напарник его, Коля Шкыльников, можно сказать, тянул его на буксире.

Смех. Саша краснеет.

– Отметить хочу Азубова Женю. Его оставили в школе носить семена календулы. Но тут оказалось, что мешки не готовы. Тогда он взялся прибирать люпин. Потом переносил на чердак календулу и стал помогать устанавливать на кухне холодильник. В три часа освободился, но домой не поехал, несмотря на то что у него флюс. Сел на велосипед и приехал к нам на картошку – помогать. Хороший поступок?

Я полагал, что строй с пионерской готовностью прокричит: «Хо-ро-оший». Но здесь все стояли с серьёзными лицами и кивнули по-будничному:

– Конечно.

И этот обыденный кивок сказал о них лучше и больше, чем я ожидал. Он сказал, что это нормально и каждому понятно, так и должно быть, и что любой из них поступил бы точно так же. Впрочем, был и восторг. Но он был вчера, когда ребята на поле увидели знакомую фигуру, спешившего к ним на велосипеде.

– Ребята, Женька едет! – закричали они. Они были рады, что Женька не забыл их, что он такой молодец – помогать едет!

– Ну, а сейчас – на картошку, – заключила Софья Петровна, – хорошо бы, ребята, нам управиться по теплу. Управимся и в Москву поедем.

Последний аккорд тоже очень важен. Огонёк впереди. Макаренковская увлекающая перспектива. Здесь её всегда умеют так или иначе прояснить. Здесь никогда не работают только ради работы. Раскрытие перспективы трудовых процессов, скажет Софья Петровна, это то, с чего начинается у нас каждое дело. Вот посев цветочных семян. Надо провести его быстро, пока почва богата влагой. Это объясняют на линейке, и ребята уже не просто сеют, они спешат «захватить» влагу и потом ходят смотреть, удалось ли, хорошо ли чувствуют себя растения? Осенью идут убирать цветочные семена и знают: это пойдёт для северных городов. Там возникнут тоже красивые цветники. Так рождается у ребят и чувство общения со страной, чувство причастности их к создаваемой людьми красоте.

В поле я подошёл к Софье Петровне, она сказала:

– Вот ещё о ценности линейки. Малейшее замечание, а как оно влияет! Посмотрите на Сашу. Не так уж много я сказала о его вчерашней работе. Сейчас подхожу, он говорит: «Софья Петровна, поставьте меня теперь одного. Чтобы видно было, как я работаю». Я ему говорю; «Зачем же одного? Теперь и так видно, что ты хорошо работаешь, двумя руками». И вот смотрите, как старается!..

А мне вспомнился Петька Плотников. Вот в таком бы коллективе ему вырасти! Как благодарила бы теперь Анна учителей

и как светло было бы у неё на душе!..

А в другой раз прозвенел звонок на линейку особую. Её называли «родительской». Такая придумана специально для пап и мам. Для их педагогической настройки.

Мне сначала показалось, что при детхозе работа учителей с родителями стала излишней. Зачем она теперь? Учителя объяснили: нет, школе нужен родитель-союзник, родитель-единомышленник и борьбу за него они будут вести всеми способами.

В этот раз на линейку пригласили отца и мать Никишиных. Владимир Фёдорович Никишин, глава семьи, когда-то окончил эту школу, его учили и Софья Петровна, и Мария Васильевна. Сейчас он механизатор, «золотой труженик, хозяйская душа» – так говорят о нём на собраниях. Жена его, Ольга Филипповна, старательница и заботница ему под стать – дояркой работает. Детям с малых лет они внушают уважение к труду. «Всё хорошее на земле трудом, деточки, создаётся. И хороший человек – он от труда такой».

Глядеть бы людям на эту семью да радоваться и пример брать! А вот поди ж ты! Бывало, только и слышно:

– Нешто это родители? Детей закабалили, работой занудили, жалости родительской нету!

И лишь сами дети не чувствовали себя закабалёнными.

Станут, бывало, учителя эту семью в пример на беседах ставить – ёрзают бабы, отворачиваются – не переломишь.

Детхоз показал истинную цену родительской мудрости Никишиных. Кому легче всех и интереснее работается в детхозе?

Никишиным, Шкыльниковым, Якуниным, Пименовым. В работе ловкие, сообразительные, быстрые – с ними всем весело! Нина Никишина с четвёртого класса стала руководительницей опытнического звена. Сколько у неё наблюдений, впечатлений! С нею и взрослому интересно, и детям.

На линейке, где все стояли в форме, при отце и матери, которые тоже были чисто одеты, Нине вручили премию. Вручили и сказали не шаблонными, холодными формулами, которыми так безжалостно оперируют в иных школах. Здесь говорили о добрых её делах, в которых виделась вся Нина и её воспитание.

– Спасибо вам, что таких хороших детей растите, что так разумно их воспитываете.

И ребята снова дружно-дружно аплодировали им.

Это было чествование семьи и публичное признание её воспитательских заслуг. Ребята рассказывали потом об этом чествовании своим мамам и папам, и те мотали на ус...

**Как трудно
оставаться...
трудным**

Старый фронтовой мой друг прислал мне однажды сердитое письмо.

«Что за мода у вас, у пишущей братии, пошла,– насел он на меня,– призывать людей быть разными? Что ни статья для воспитания, то поклоны этой самой людской разности: ах, непохожие,

ах, несхожие, ах, обо всём по-своему думают! Ну, нашли вы себе заботу! Или вам вспомнить некогда, что похожих людей вообще не бывает, даже среди близнецов? А результат этих «ахов» я вижу пока один: распространение незнакомой нам заморской болезни, которая именуется психологической несовместимостью. Совсем, браток, не безобидная мода.

Нам человек нужен! Настоящий, по-настоящему хороший человек, а не «набор» индивидуальных особенностей. Юноше совершенствоваться надо, и не пугайте вы его дутой опасностью потерять своё лицо, свою индивидуальность. Если реально опасность таких потерь и существует, то плывёт она к нам не от педагогики, лишаящей человека дурных качеств и развивающей добрые, а от того самого «чужевластья мод», которое бомбил ещё Грибоедов. Пусть человек смелее расстается со своими индивидуальными прорехами и не стесняется перенимать у живших и литературных героев их лучшие качества – пусть не одолевает его при этом пустопорожний страх сделаться на кого-то похожим. Нам не о том, браток, хлопотать надо, что делает людей несхожими, а о том, что роднит, сближает и соединяет их. «Наша сила – в единении» – помнишь? И радость наша – в содружестве людей, больших и малых».

Сердитое, но отрадное для меня письмо. Я вспоминал о нём в Уланове, знакомясь с жизнью ребят-коммунаров.

До чего же они были разные вначале и чужие друг другу, эти мальчики и девочки! Десять минут поработало звено – и уже

перессорились, уже плачут и бегут с жалобами. Этот не умеет тяпку держать и гонит от себя звеньевую: «Не лезь!» Тот оставляет половину травы, а этот, наоборот выдёргивает всё подряд – и мак, и сурепку. Этот никак не успевает за старшими, а сосед его вообще ничего не хочет делать. Звеньевая скисла: «Я с ними не могу». Их восемь, она одна. Думай, педагог! Тут тоже нужна доводка. Конечно, одна и восемь – не годится. Даже одна и пять – трудно. Одна и три! И по возможности так: двое опытных и двое неумелых.

Вот этой дорогой и двигались: трудность – поиск – решение.

Одним надо было долго помогать, другие легко определялись сами. А неподдающимся порой не удавалось и помочь. Мальчик П. держался особняком, всем видом своим демонстративно показывал, что ему на всё и на всех наплевать. Его попробовали вовлечь в общественную работу – не поможет ли она ему найти общие интересы со всеми? Поручили: будешь следить за порядком в пионерской комнате. Он это принял, но порядок утверждал по-своему: диким взглядом и кулаком.

Однажды убирали в колхозе картошку. Ребята и девочки, согнувшись, подбирали клубни. Наш «герой», по своему обыкновению, филонил, отставал, ворчал, что «всё это надоело» и вдруг нашёл развлечение. Размахнувшись, он запустил картофелиной девочке в спину. И обрадовался: точно! Девочка вздрогнула от удара и заплакала. А он уже бил по второй, по третьей «цели» и ликовал: сила и меткость.

– Прекрати сейчас же! – рассердилась учительница.

Он переставал, начинал подбирать картошку, а когда забывали о нём, снова «открывал огонь».

На линейке объявили решение:

– Отстранить от работы!

– Иди домой, – сказала учительница, – помогай бабушке дома.

Помрачнел забияка. От него отвернулись все, вся школа: «Не уважаешь нас, не признаёшь наших правил – уходи! Никому такой не нужен!»

Он не уходил. Он шёл вместе со всеми на картошку.

– Петя, ты отстранён, – повторила Софья Петровна. – Иди домой.

Виноватый будто не слышал. На поле он стал крайним и погнал две борозды один. Один вместо четверых! Весь день работал молчком. А утром на линейке вдруг объявили, что он хочет что-то сказать. Из шеренги он вышел тусклый, виноватый, постоял и голосом тоже тусклым и виноватым проговорил, опустив голову:

– Простите...

Оглянется назад Софья Петровна – сколько всякого пришлось искать и находить! А оглядка – гостя аккуратная: каждый год является. Приходят в сентябре первачки, новые ученики из соседних начальных школ, приезжают из других мест. С ними всё повторяется сначала.

Очень трудный парнишка приехал с Сахалина. Он был худой и натопорщенный, как забитый зверёк. Ему шёл двенадцатый год.

В школьном дворе он стоял одинокий и настороженный.

Через минуту он уже с кем-то подрался. Учительница заступилась за него, сказала ребятам, что нельзя так встречать новичков. Тогда парнишка подошёл к ней поближе и сказал тихо:

– А вот этот ругался. – И указал глазами.

В свободный час коммунары водили новичков по своему хозяйству. Девочки в белоснежных кофточках с алыми галстуками повели новичков на опытный участок и стали рассказывать, какая их школа знаменитая. С тысяча девятьсот шестьдесят второго года она участница Выставки достижений народного хозяйства – В премию получили фотолабораторию, аппарат ФЭД, магнитофон. Есть даже девочки в школе, награждённые медалями Выставки, – звеньевые-опытники.

– А тебе хочется цветы растить, проводить опыты? – подошла к нему звеньевая.

– Не получится, – солидно ответил сахалинец.

– Почему?

– А так. Я вообще... неорганизованный. Скоро началась уборка цветочных семян.

Под навесом стояли банки из-под масляной краски, все одинаковые, как пчелиные соты. Это и тара, и мера. Коммунары разбирали их и шли на плантации. Сахалинец с превеликой тоской на лице плёлся за ребятами. Девочки-одноклассницы показали ему, как собирать семена. Пальцы у них работали проворно, и ни одно

мизерное семечко не ронялось на землю.

– Понял? Это очень просто! Сахалинец сопел. Пальцы его не слушались, семена из-под них сыпались на землю, копать в этих засохших цветах было неинтересно. Другой новичок Сашка тоже топтался рядом, уныло и рассеяно щипал сухой цветок. Оба отстали от своей группы и тихо переговаривались.

– Эй, новенькие, не стыдно отставать-то? – крикнули им девочки.

Подошла Софья Петровна, девочки загалдели:

– Мы с ними работать не будем! Лентяи бессовестные!

Она занялась с отставшими сама.

– У наших руки уже разработаны, пальчики ловкие, – рассказывала тихонько, будто не замечая, с каким погребальным видом слушали её два лентяя. – Улановских учеников можно теперь отличить на работе по рукам. Умелые, быстрые руки. Вот привыкнете, и у вас такие же будут.

Но ленивцы вовсе не хотели привыкать. Едва Софья Петровна отошла, как они разогнулись и начали баловаться.

Пришлось их поставить на отдельную полосу.

– Вот это до звонка постарайтесь убрать, и пойдём обедать. Вам даётся почти в половину меньше, чем другим.

Было ясно: в этой школе от работы не увильнёшь. Ленивцы засопели, копаясь в цветочных головках. Сахалинец то просыпал семена мимо банки, то нечаянно опрокидывал её, то совсем забывал,

что делал, и проходил необобранные головки.

Уже хотелось есть. Группы одноклассников заканчивали свои полоски. Сейчас пойдут обедать. А тут ещё вон сколько работы! Мальчишкам становилось тоскливо и обидно. Здешним легко, они привыкли, а новички никогда не убирали этих семян – что они, виноваты?

К обиде сахалинец был болезненно чувствителен. Может быть, потому, что рос без отца. Мать часто забывала о нём, его обижали все, кто хотел.

– Ну, дело налаживается? – услышал он чей-то голос.

К ним с Сашкой подходили девочки, ребята и две учительницы.

– Хорошо, давайте мы вам поможем, да пойдёмте обедать.

Сахалинец повеселел, и даже пальцы его заработали живее. Артелью полоску закончили быстро, и ему теперь захотелось заговорить с ребятами, сказать им что-нибудь интересное, но ничего в голову не приходило. Он шёл и молчал.

– А мы с бабушкой посылку получили с Сахалина, – вдруг заговорил он, ни к кому не обращаясь. – Нам красной рыбы прислали, горбуша называется. Уй, там море, там рыбы навалом!.

Он начал рассказывать о Сахалине, о море, ему было приятно, что ребята его слушают.

Дома бабушке сказал:

– Ребята тут знаешь какие дружные! Помогают, кому что-нибудь трудно.

Как-то он прибежал с мальчишками к Софье Петровне, возбуждённый, запыхавшийся.

– Можно мы лестницу возьмём? Там под крышей голубка, у неё крыло перебито, мы перевяжем.

А однажды... Это было перед вечером. Пролил дождь, речка; что бежит внизу, посреди деревни, зашумела, разлилась и подмыла у перехода кладку – Чей-то мальчуган топтался около, никак не мог набраться смелости перейти на другой берег.

– Боязно? – подошёл к нему сахалинец. – Давай я тебя переведу.

Он не думал, что это станет кому-нибудь известно, и утром удивился, когда на школьной линейке услышал свою фамилию.

– Вот видите, – сказала Софья Петровна, – душа у него добрая, хорошая.

Он рос быстро, смуглый, жилистый, сам чувствовал, что делается крепким, и ему приятно становилось помогать на работе, кому трудно, в звене брать на себя то, что потяжелее. Он делал гряды на опытном участке, прокладывал борозды, которые девочки следом засевали семенами цветов, и, хотя было видно, что опытничество, исследовательская работа его не влечёт, что его тянет больше к технике, он оставался надёжной силой в звене, и это ему нравилось. Часто после занятий он бежал с ребятами к Василию Николаевичу в мастерскую, брался пилить и строгать, делать ящики, кормушки для птиц. Хотелось быть хоть немножко «мастером на все руки», как Василий Николаевич. А тут ещё одно подвернулось дело, да какое! В школе организовали тракторный кружок.

Приехал в родное село выпускник этой школы Саша Егоров, он окончил институт, отслужил в армии, поступил работать инженером в колхозе, и вот... кружок!

– Здорово, правда? – влетел сахалинец в мастерскую – Я уже записался.

Одна из девочек хитренько прищурилась:

– Тебе, Толя, это не подойдёт, ты ведь неорганизованный.

Толя осёкся, с укором глянув ей в лицо, потом ответил спокойно, по-взрослому:

– Этого у меня один, может, процент остался!..

А сердобольная опять семенит-поспешает в школу, со смирением слушает, как тут выходит на правильную дорогу её непутёвое и грубое чадо.

– Ничего, налаживается, за дело берётся.

– Да в школе-то, на людях, он, Софья Петровна, берётся,– выкладывает свою боль – жалобу мать,– а дома, видишь как, охапку дров не принесёт!

Называется приехали! Улыбнуться бы теперь Софье Петровне да напомнить сердобольной насчёт «эксплатации», но где там! И на ум не пришло – забеспокоилась:

– Странное явление! Как же так? Дома!.. Это нехорошо, это упущение. Какой же он будет хозяин в доме, глава семьи? Завтра мы поговорим на линейке. Фамилий я никаких называть не буду, но...

Кланяется незадачливая мамаша, слёзным голосом просит:

– Уж вы, пожалуйста, Софья Петровна, окажите влияние, это ж нельзя так!

Очередной разговор на линейке её сын выслушал серьёзно. В тот раз, когда его отстранили от коллектива, он много прочувствовал и передумал. И теперь, хотя имени его никто не называл, он сам принимал на свой счёт всё, что говорилось. В конце вместе со всеми сказал только одно слово:

– Понятно.

А летом его позвали в правление колхоза. Там сидели Софья Петровна, председатель колхоза Иван Павлович Чибисов, зоотехник, заведующая фермой. Спросили:

– Ты пойдёшь телят пасти? На лето. Задумался парень. Пастухом быть! Крутая, гордая натура его покорибилась. Но на него смотрели взрослые люди и ждали. И краем сознания он понимал: надо! Для общего дела надо, для колхоза. И опять сказал только одно слово:

– Ладно!

Прошло время, и это общее, колхозное «надо» снова постучалось к нему. Заболела доярка, а парень между делом научился доить коров, помогал бабушке на ферме. Не по нраву было «бабье дело», но помогал. И на этот раз потоптался, смиряя гордыню, и кивнул: «Ладно». Целый месяц он самостоятельно обслуживал группу, как взрослый, а когда вернулась доярка, прощался с коровами смешно и трогательно.

– До свиданья, дурёнки! Привык я к вам!.. Но профессию, как и Толя-сахалинец, мальчик П. выбрал механизаторскую: пошёл в СПТУ.

Софья Петровна сказала:

– Что бы из него вышло в других условиях? А сейчас растёт нормальный рабочий человек.

Мне интересно было: а как же Сашка, тот, что вместе с Толей-сахалинцем сперва невзлюбил эту школу? Научился ли он за трудным радостное находить?

Я увидел его на спортплощадке. Сашка чувствовал себя празднично. Он учился в восьмом классе, а за отличную летнюю работу на участке ему под дружные ребячьи аплодисменты вручили премию.

Нет, нельзя из этой школы выйти никудашным!

Самое невозможное

Однажды мы долго ходили с ребятами по участку, и я спросил: а можно ли у них теперь учиться кое-как?

Ребята остановились, подумали и помотали головами: «Невозможно».

Да! Сама обстановка в коммуне такова, что это исключается.

Вот кончились уроки, все пообедали и высыпали во двор. Час игр.

Час безудержного визга, смеха, песен и беготни. *И* всё это смотрится как необычный праздник, как весёлый ребячий фестиваль. Игры, пляски, музыка, мелькание множества нарядных хулахупов – кажется, вся площадь

крутит эти разноцветные обручи – голубые, красные, зелёные. Взлетает мяч, взвиваются баскетболисты, мелькают скакалочки, ракетки бадминтона, какой-то класс заводит «ручeёк»...

Час, полтора... Не пустое, расслабляющее ничегонеделанье – активный, полнокровный отдых. Он и даёт разрядку, он и заряжает. С этого праздника не пойдёшь бессмысленно болтаться по улице. Скука становится неприемлемой.

Затем школа снова погружается в занятия. Вся. Все классы, все сто двенадцать человек. Делают уроки. Каждый сидит на своём обычном месте, в своём коллективе, со своим классным руководителем. Это не группа продлённого дня, в которой всегда стоит утомительный шум. Здесь обычная деловая обстановка. Вот человек запутался в задачке. Дома он уже давненько поглядывал бы в окно и махнул бы, пожалуй, рукой: «Да ну её, спишу у кого-нибудь». Тут к нему подходит учитель, подсаживает на помощь сильного ученика. То, что непонятно для многих, разбирают коллективно. А вот этот мальчик болел, пропустил новую тему по алгебре – «плавает».

В класс входит преподаватель математики – к нему, к «плавающему». Садится рядом. Работают, пока всё не становится ясным. А тут вдруг начал «плавать» целый класс – не знает, как выполнить чертёж. Это уже недоработка преподавателя.

Всё вскрывается. И «белые пятна» заполняются тут же.

Для «кое-как» не остаётся никакой жилплощади.

В пять часов, в пять тридцать школа пустеет.

Учителя пробыли здесь кто пять, кто шесть часов, некоторые – семь. Софья Петровна больше. Трудно ли им? На этот вопрос они ответили:

– Работаем много, но работать легко. Перенапряжения нет. Потому что обстановка нормальная, нервы трепать не приходится. На «подкручивание» дисциплины мы энергии не тратим. И все понимаем: нужно до пяти – будем до пяти, нужно больше – и больше будем.

Знаю: они благодарны Софье Петровне. Ей труднее, чем другим. Целый день в заботах, целый день на ногах. Всё, что она может взять на себя в многотрудных педагогических и хозяйственных делах, она берёт, стараясь по возможности разгрузить других. Она умеет беречь силы товарищей.

– И знаете,– говорит,– как-то не устаю. Держу себя в строгом режиме – и прекрасно!

Никаких сил не хватило бы им, если б учителя всякое дело, большое и малое, тянули сами. А у них кругом помощники – их актив и смена – ученики! Кто работает затейниками, организует игры с малышами? Пионеры. Кто в школе тренеры, судьи, лаборанты, киномеханики, библиотекари? Они же – ученики. Они дежурят по школе и по столовой, по комнатам в общежитии, следят за порядком в сельском клубе. Они высвобождают учителей всюду, где можно. И прекрасно справляются.

Невольно приходит мысль: вот где питомник будущих отличных сельских учителей! Есть же здесь дети и с педагогическими задатками?

Есть, конечно! И эти задатки в условиях школы-коммуны проглядывать начинают рано и ясно. Однако до последних лет питомцы Улановской школы не проходили в пединститут. Причина? Слабые знания? Нет! Слабина в другом. До сих пор в Уланове помнят, как обидно сложилась была судьба Люды Мухиной. Дочь колхозных животноводов, обладающая завидным педагогическим талантом, Люда с порога пединститута уходила в ГПТУ – недобрала одного балла. При хороших знаниях – недобрала!

В школьных сочинениях Люда писала: буду только учительницей и работать мечтаю только в селе. Её литературные сочинения читали в учительской вслух. Была тема: «Что я вижу из своего окна?» Сколько она увидела! Это была песня о родной деревне, о труде, о жизни, о людях села. Девятый и десятый класс она оканчивала в Медыни. Приехала в Калугу, в педагогический, – очень волновалась. Горожанкам было попроще: привычная среда, привычная обстановка. Но главное – Люда сразу почувствовала: приёмная машина настроена «резать» и отсеивать. И вот... один балл! Хотя потом оказалось, что модно одетые городские победительницы конкурса, ставши студентками, едва тянули на тройку...

А Люда пошла учиться на штукатура. Потом – на бухгалтера. Приехала работать в родной колхоз. Её влекло к детям, к школе, она бы рада поступить в пединститут на заочное отделение,

но туда бухгалтеров не берут – надо учительствовать. Отчаялась, поехала в роно: «Доверьте!» Об этом ходатайствовали и её улановские учителя. Девушку направили в далёкую начальную школу – там было всего три ученика. Но теперь она значилась учительницей, документы на заочное от неё приняли. И на экзаменах немало подивились и знаниям её, и способностям. Её тут же заметили представители МГУ (так случилось), и она была взята в Московский университет.. На дневное отделение.

Так благоприятно закончилась эта грустная, обидная история, в итоге пролившая истинный свет и на качество общей подготовки питомцев Улановской...

«Работяги» или поэты?

Можно предвидеть скрытый протест в форме вопроса: а что же всё-таки хорошего? Учёба, работа, какой-то час игр и опять уроки и работа, нередко грубая и грязная. И это – детство! Да неужели не огрубляет и не обедняет их души такая жизнь, не лишает их чувства простора и света, не глушит в них те нежные и чистые струны, без которых человек всегда будет страдать душевной и эмоциональной недостаточностью?

...Я хожу с. ними по саду, по цветникам, спускаюсь в теплицу, пропахшую дымом, не сразу догадываюсь, какое это всё родное для них! Они рассказывают обо всём, что им приходит в голову,

и как будто лепят бесхитростную мозаичную картину под названием «Наша жизнь».

Нина Киселёва обо всём говорит увлечённо, весело – о школе, о дружбе, о труде, о том, что папа её, механизатор, любит цветы. У Нины светлое одухотворённое лицо, чёлочка и смеющиеся ямочки на щёках. Она из Самсонова, это недалеко, а здесь учится с пятого класса.

– Мне школа Улановская очень понравилась: красивая и много цветов. И такие все ребята дружные! Вот убираем картошку. Девочки быстрее управились – идут мальчикам помогать, мальчики быстрее – все к нам! В играх, в спорте дружные.

Девочки подсказали: Нина у нас чемпионка школы по лыжам. А у ребят Исаев.

Нина: – Мы с ним на одной парте сидим и в одной деревне живём. Вместе – на лыжах, на велосипедах. У нас все-все ребята умеют па велосипедах! И девочки. Меня папа научил. А на лыжах я больше всего люблю.

Она вдруг останавливается около грядки и объясняет хозяйственно:

– Земля тут трудная – глина, камни. Мы тут – лопатами. Сначала как-то неохота браться. Потом только один взялся – и всё-е! И девочки. Пошло-о! А ведь растения все любят рыхлую почву...

Это уже проглянул практик-агроном. Но через минуту агроном становится просто девочкой двенадцати лет:

– В младших классах у нас игру-ушек! Мы тоже другой раз шьём куклам кофточки, платья...

Аня Гришина: – Мы здесь всё время, весь день. В восемь уйдём из дома – и до вечера. У нас тут так интересно! Утром проснёшься – что-то хорошее тебя ждёт. Школа! Прямо тянет, так и хочется поскорей туда! Аня собранная, стройная девочка, быстро увлекающаяся и умелая – из тех, о ком говорят: её куда ни поставь... Она звеньевая, живёт в деревне Пушкино – отсюда это километра два. Аня ведёт нас в теплицу. Теплица опустела до весны. Здесь сложены порожние ящики, пахнет старой баней. Что интересного может рассказать о таком невзрачном помещении подросток?

Аня: – Мы зимой пришли очищать теплицу – она завьюжила вся, стёкла кое-где побились...– Аня чуточку морщит нос и тянет слово «завьюжила», чтобы передать ощущение стужи.– Мы затопили печку, ребята стёкла вставили – начала нагреваться. Мы здесь всегда раздетые работаем. Потом вода нашла. Мы были на труде – отпросились у Василия Николаевича сюда, воду отливать.

И дальше девочки рассказывают уже дуэтом – включилась маленькая, ловкая на подхвате Галя Якунина, чёрненькая, приткая, глаза-кружочки, зачёс – будто телёнок лизнул. Она из Михеева.

– Мы воду отливаем, и ребята бегут. Сами! Урок уже кончился – бегут! Помогать! – Глаза-кружочки у Гали горят азартом.

Аня: – Очень красиво смотреть весной. Идешь, теплица открыта, глянешь – всё зелено. Ещё деревья голые, ещё ночью морозы какие, а тут – лето! Доярки идут мимо – останавливают. Интересно им!

Нина: – Мы всю зиму в школу – на лыжах.

Аня: – Все! Василий Николаевич даст нам домой лыжи – и носимся! Без пальто. Тут нам два километра. Идём, нас восемнадцать или девятнадцать человек.

Нина: – Налегке – быстро. В пальто пока доедешь – урок кончится. Приходим все запорошенные.

Галя Якунина: – Ой, а идёшь – кра-си-иво!.. Особенно когда иней. Деревья запушит, стоят все в белом, а иней осыпается, осыпается искрами...

Аня: – А летом – на велосипедах. Едем в Уланово капусту поливать. Опять цепочка наша. Лети-им!..

Мы вышли на участок. У дорожки светились нежно-лиловые огоньки астр.

Нина: – Мне даже во сне эти астры снились. Я их поливаю, а они цветут.

Галя: – Когда в лес сходишь, насмотришься грибов, они потом долго в глазах стоят. Так и цветы. Ложишься спать – цветут перед глазами. Долго. Пока уснёшь.

Вспоминают все. И нет ничего для них не интересного. Как просеивали для рассады землю, как ребята носили перегной и пугали девочек хрущами – «они так ножками перебирают»– и как не давал очень-то расшалиться Коля Шкыльников, «хороший, добродушный парнишка».

И тут же – простая хозяйственная проза: – Если бы не цветы, школа наша была б не такая. Мы бедненько б жили,– говорит Нина Киселёва.

– Софья Петровна сказала, прошлый год за настурцию

пять тысяч получили,— замечает Аня.

— А за картошку девять, — добавляет Нина.

— Картошки прошлый год пятьдесят тонн собрали, за ней все так гоняются! — Это говорит ещё одна хозяйечка, крепкая, строго-деловитая, безо всяких улыбочек, до волос осыпанная конопушками Вера Пименова.— Нам ещё летом райисполком такую бумажку присылает — каким колхозам сколько продавать. У, это сорт дорогой. Да ещё элита!

— А с цветами работы больше. Когда сбор семян, тут работы хватает. Собрать, просушить, очистить. Некоторые семена ведь два месяца сушить надо! — В увлечённых глазах Ани поселились выражение детской озабоченности.

— И интересно же довести их до первого класса. Ну, до второго,— рассуждает хозяйечка Вера.

— Сушим, а потом у нас веялка такая маленькая, руками крутить, на ней провеиваем.

Вера вдруг отмахивается от хозяйственных тем, подбегает к громадному георгину.

— Смотрите, какой георгин! Богатырь, правда? А вот спрятался — маленький, а какой красивый! — И конопушки под глазами у неё собираются счастливыми гроздьями.— Где только не цветут наши цветы! В Архангельске, в Чечено-Ингушетии, на Урале.

— Ой, да всюду! В Казахстане, в Карелии... Одних посылок разослали сколько! — добавляет Галя.

И снова о делах:

— Летом для нас бригадир — дождик. Как дождик прошёл,

мы все – сюда. Рыхлить, полоть... И маленькие, первоклашки. Ра-а-ано приходят. Сядут у Софьи Петровны на крылечке, ждут. «Софь-Петровна, какая нынче работа?» – снова вступает в разговор Галя. Вера продолжает:

– Теперь и около домов цветы. Покрасивели наши улицы...

Идём по школе. Никого... Все двери открыты. На вешалках кем-то оставлены дорогие куртки, шапочки... Не пропадут?

– Сто лет будут висеть – никто не тронет! – Вера махнула рукой.

– Тут всё открыто; игрушки, пособия, спортивные вещи. Можно заходить, играть, – поясняет мягко Нина.

– У нас ничего не ломают, не раскидывают. Поиграют – и всё уберут на место. Сами. Марианна Сергеевна говорила: за все годы не сломано ни одной игрушки! – похвалилась Аня.

– А раньше, говорят, без дежурного учителя боялись ребят и в школу впускать! – замечает Галя.

«Раньше»... Для них этот вчерашний день – уже седая старина!

Они сегодня хозяева всего, что вокруг. Они учатся всё уметь, и с ними забываешь, что есть на свете лень, равнодушие, инфантильность. Все они разные, но как много общего у них! Такого, что роднит их и объединяет. «Трудная земля» и любимая школа, завьюженная теплица и украшенные города и родные улицы, белый иней, «цепочка» и встречи с Москвой. Нет, эти не вырастут ни безрукими скептиками, ни равнодушными «работягами» – «нам абы гроши».

Эти не оставят после себя пустырей и избушек на курьих ножках.

И меня не удивило, что ветер дальних странствий не завихряет никого из них. Куда им идти отсюда? Зачем?.. Уже сейчас, быть может ещё не вполне осознанно, они чувствуют здесь ожидающий их жизненный простор. Здесь столько можно сделать! Я спросил у них:

- Ну, а окончите восемь классов – потом?..
- В девятый, в Медынь.
- А потом? – Я ожидал, что Галя, например, изберёт что-нибудь близкое к цветам, а она ответила:

- Я, наверно – на ферму. – Да? А цветы?..
- И цветы!
- На ферме?!
- Везде! Кругом!

Я вспомнил: «Ой, а идёшь – красиво!..». Вот такую и жизнь ей хочется делать: чтобы куда ни глянула – и глазу и сердцу радость!

Нина Киселёва ответила: «Никак не выберу». О ней сказала Софья Петровна: «У неё склонности организатора. Умеет распорядиться, потребовать. И умница какая! Ей быть бригадиром, агрономом». А сама Нина в последнем, предвыпускном сочинении написала:

«Кем я буду, я ещё твёрдо не решила. Или агрономом, или учителем, или бригадиром, как папа. Но работать я буду только и только в селе. Жизнь тут люблю, красоту нашу и простор. Люблю тут

делать всё, люблю делать и видеть, как хорошо становится!»

Человеку, который не знает любви к труду, неведомы такие мысли и такие желания. «Делать и видеть, как хорошо становится» – это и отношение к жизни, и заявка на своё место в ней. С этим питомцы школы идут навстречу своему завтра, многие, многие вот такие, как эти, драгоценные люди – трудолюбцы оседают в родных деревнях, в родном колхозе. Идут в сельскохозяйственные училища, техникумы, институты и возвращаются «делать и видеть». Говорю «многие». Но надо сказать ещё и – лучшие, это именно так – лучшие по знаниям, по трудовой подготовке и по своему нравственному здоровью. Кто шёл когда-то отсюда в СПТУ? Те, кого куда больше не могли принять. Сейчас идут безупречные.

– Способные, неизбалованные, хорошие физкультурники, большинство даже презируют курение,– аттестует их Софья Петровна.– Любят труд, любят технику, учились хорошо...

И ведь всё это – не просто люди с образованием, изучавшие алгебру и химию. Это люди, которые прошли новейшую школу воспитания в духе коммунистического бытия и коммунистического трудолюбия.

Они сейчас становятся главной силой колхоза. В их руках вся техника – богатый тракторный парк, грузовые машины, комбайны, электрические моторы – то есть все самые трудоёмкие работы на полях, на лугах и в животноводстве. В руках питомцев школы техническое, зооветеринарное, агрономическое обслуживание,

планово-экономическая работа, учёт и всё множество рядовых дел в полеводстве и на фермах.

И примечательно то, что свою приверженность к родным полям они демонстрируют целыми семьями. Родители окончили эту школу и остались здесь, сейчас остаются их дети. Два брата Егоровых: Александр (тот самый Саша) и Алексей. Один поехал в Костромской сельскохозяйственный институт – вернулся инженером, затем отправился туда же и второй и тоже прибыл с дипломом, оба сейчас инженеры в колхозе. Братья Акишины, Валерий и Владимир, в таком же порядке вышли на ветеринарную службу. А у доярки Марии Фильковой сын Олег из армии вернулся, сел на грузовик, сейчас шофёр первого класса; Алла окончила техникум – пошла в контору экономистом; а Люда – на трактор. Села на него ещё в школе, в кружке у Саши Егорова, то бишь уже у Александра Сергеевича, села ловко, смело, влюблённо – ребятам на зависть! И потом не ломала голову – кем быть, поступила в СПТУ и там же – в вечерний девятый класс.

Эти люди украшают колхоз «Заря». Молодеет, богатеет, на глазах красивее становится этот крупнейший в районе колхоз, владелец восьми тысяч гектаров земли. Огромный организаторский труд вложил в него Иван Павлович Чибисов, бывший механизатор, один из героев моих первых послевоенных очерков, теперь уже давний председатель колхоза.

Он говорит:

– В том, чего мы достигли, большая заслуга принадлежит

школе. Школа – это неотъемлемая часть колхоза, это питомник наших кадров.

Хорошо, правильно говорит. Но ещё лучше делает. Чем он только не помогает школе! Молоко в ребячьей столовой – колхозное, мясо – колхозное, по льготным ценам отпускаемое, телевизор с огромным экраном в школьном интернате – колхоз подарил. Строительные материалы, транспорт, удобрения, тяловая сила...

«Питомник кадров». Очень правильно!

И всё было бы как нельзя лучше, когда б поперёк дороги иных питомцев не становились в слезах всё те же сердобольные мамы...

«Ты жени его там, в Москве, поскорее...»

Ах, мамы, мамы! Как вас утешить и отогреть? Сколько сил положили вы, надорванные, сколько слёз вы пролили, чтобы родных чад своих видеть благополучно устроенными в красивых больших городах! И сколько же молодого люду унесли с деревенских косогоров потоки ваших неотразимых слёз! Сколько сильных, потомственно талантливых в сельской трудовой жизни парней и девчат превратили они в горемычных по городам работяг и скучных конторских сидельцев! Мама, мамы, скольких сыновей и дочек оттеснили вы своей горячечной любовью от деревенского труда, тем отвратив их

от всякого труда вообще. «Пусть хоть им будет чем вспомнить детство!» Кого они радуют теперь?

Немалые муки терпело выносливое учительское сердце, когда улановские любящие мамы слепо сталкивали с найденной в труде дороги своих чад – питомцев детхоза. К счастью, Это удавалось им не всегда и далеко не навсегда. Вот одна из таких историй.

Было в школе три неразлучных друга: Николай Стебаев, Володя Акишин и Володя Ордин. Вместе работали в школьной строй-бригаде и на участке, вместе появлялись на сцене, на спортплощадке, вместе носились на велосипедах по лесам и полям. И жить, и работать им тут хотелось вместе. Но вот окончили они школу и вдруг увидели, как мало в этом мире зависит от их ребячьего хотения. Мать сказала Николаю:

- Пойдёшь в гэпэтэу.
- Ну почему, мам?
- Потому что пэтэу городскую специальность даёт. Все умные давно в городах!
- Но, мама, мы решили...
- Кто это решил? Володька Ордин? Так он тебе и останется в колхозе! У него мать в Медини... только вы своего Володьку и видели!

...Сколько Николай помнил, мать всегда говорила о колхозной работе в сердцах, всегда приходила с фермы раздражённая.

Сын её в общем-то понимал. Понимал, что мучит её застарелая в душе болячка.

Сказала как-то:

- Война всё у нас взяла: и здоровье, и радости, а получить не дала ничего – одни тяжести нам оставила. – И словно черту

подвела:– В деревне им конца-краю нет.

Понимал и не осуждал её за эти слова Николай. Теперь уж и самая простая трудность кажется ей как зло лихое. Надорванный человек. Годы уходят, силы уходят... Теперь её дума только о детях, об их судьбе, чтобы она полегче, посчастливее была, чтобы душа порадовалась, хоть на них глядячи. Но если бы всё в жизни сына шло по страдальческому желанию матери, по её слепой жалости, каким бы он вырос, Николай? Его школа спасла. И не его единственного. Ах, побольше бы сейчас таких школ! И в училище, и в армии, и потом в Москве, работая на заводе, Николай помнил свою школу как что-то самое любимое и самое родное. Вот кто «виноват», что улановских ребят и девчонок так неудержимо тянут к себе родные пригорки. Школа! Теперь все они понимают, какую нелёгкую заботу она взяла на себя. Ей пришлось даже «отвоёвывать» ребят у непомерно жалостливых мам, чтобы каждого приучить к труду, к работе на земле, каждому помочь полюбить этот труд и – мало того! – всех научить работать с мыслью о жизни, о том, что ты создаёшь и преобразуешь её. Только так!

Ещё тогда, в школьном детстве, Николаю нравилось смотреть на колхозные новостройки. Было весело видеть, как поднимались и прихорашивались новые дома, контора, столовая, всё в голубом, с белой кружевной отделкой. Впереди бежал такой же красивый голубой штакетник, а сквозь него проглядывали нарядные клумбы. За этим виделась жизнь, которая придёт в деревню завтра.

И всё это как будто перекликалось со школой, с её цветниками, крылечками, лесенками – со всем, что делали там ребята, перекликалось как-то по-своему, по-родственному, и от этого на душе у парнишки становилось солнечно.

Он учился в школе, потом в ПТУ, служил в армии, и когда ехал на побывки домой, нетерпеливая сила поворачивала его к окну автобуса глянуть: как тут сейчас? Как стало?.. В колхозе возводились каменные постройки – солидные, долговечные. И Николаю уже хотелось, чтобы всё здесь обновлялось быстрее – и фермы, и деревни, и дороги. И руки начинали будто тосковать по незабытому со школьных лет ощущению мастера.

Разные, ничем не похожие ступени жизни прошли они – сын и мать, и совсем по-разному смотрели на родное село, на колхоз. Мать видела в нём изранивший душу тяжкий прошедший день, которому, казалось ей, нет и не будет конца, а сын – день новый, наступающий, к которому он готов был расчищать дорогу.

В Москве, отстояв смену, он спешил в метро и мчался на Профсоюзную, к Володе Акишину – тот тоже оказался столичным рабочим. Вдвоём они ходили по Москве, по её музеям и выставкам, любовались затейливыми узорами цветников и вспоминали цветники свои, школьные. Вспоминали Уланово, родной вечерний запах своих делянок и окрестных полей, наполненных тишиною.

Вспоминали, как красили они школу. Она словно из другого мира поднялась над селом со своими высокими воздушными крылечками,

весёлая, и всё село, кажется, заулыбалось ей в ответ. И ребята улыбались. Вид! Хоть на открытки снимай!

И теплицу вспоминали друзья. Эго уже целое сооружение. Кирпичная кладка, вся крыша из стекла.

И лес вспоминали, и речку, и Володю Ордина, и не чаяли дожждаться субботы, чтобы поехать домой.

Володя Ордин работал там, в Уланове (ему и в голову не приходило думать о городе). Отслужил в армии и, решительный, смелый, пришёл в родной колхоз, стал агрономом по кормам.

Они съезжались по воскресеньям домой, собирались втроём, обдумывали операцию «Возвращение».

Николай, интеллигентный, сдержанный, с мягким девичьим взглядом, признавался:

– Жаль, конечно, мать. Расстроится, рас плачется... Но в конце концов она поймёт.

Володя Акишин только рубанул ладонью: «Всё!» Он выглядел постарше своих друзей, рослый, опытный в делах практических, до армии успел поработать в колхозе веттехником, и теперь всё решал сам, ни с кем из родных не советуясь.

– Пойду на комплекс. Конечно, ненормированный день, что случится, будут поднимать и по ночам. Но к этому готов.

А тем временем мать его писала сестре в Москву:

«У него хватит ума вернуться, променять Москву на колхоз. Ты жени его там поскорей, чтоб он и думать забыл про деревню!»

Николай к разговору с матерью готовился долго и, когда наконец

начал его, старался говорить как человек взрослый, но волнения унять не мог. В нём было ещё что-то юношеское, хотя виделся он статным, вполне сложившимся человеком, похожим на молодого инженера. В кругу товарищей он обычно был спокоен и мягок и улыбался, по-девичьи откидывая голову и прикрыв глаза. Теперь слова шли у него напряжённо и горячо.

– Мама, ну пойми, не моё там место, не при своём деле я там. Здесь мне всё родное, я полюбил здесь всё: и поля, и работу, и жизнь...

Мать смотрела на него с расстроенным и гневным лицом.

– Ну что с дураком делать? – она уронила тяжёлые руки. – Мос-с-ква! Да люди спят и видят... Все умные давно там! – Она сердито бледнела, голос её наливался отчаянием. – На таком ты заводе устроен, все у тебя условия – чего тебя сюда нелёгкая тянет? Я тут билась, билась, здоровье потеряла, отец...

И заливалась слезами.

– Уволишься в Москве, – вдруг стукнула она ладонью по столу, – домой не заявляйся!

Володя Ордин на правах «старожила» сказал друзьям:

– Перебирайтесь. Я поговорю с председателем. Работы хорошей много, а насчёт жилья – колхоз новые дома строит, квартиры, думаю, будут.

Они вернулись, и Николай принялся осваивать новые специальности. Было удивительно: он чувствовал себя легко и как-то капитально оттого, что на него нагружали много.

На него нагружали всю механику по приготовлению кормов – добрых два цеха. И сверх того – поливные машины на пастбищах. А два цеха – это практически значило готовить корма на «завтраки» и «ужины» на сотни голов скота ежедневно.

Хорош возок! Но такого и хотелось. Здесь возки почти у всех такие, и все тянут их геройски – и председатель, и инженеры, агрономы, зоотехники, и Володя Акишин, ставший ветработником животноводческого комплекса, и все другие однокашники Николая по школе – трактористы, шофёры, доярки. Матери он сказал об этом со спокойной улыбкой, она глянула сурово, погрозила пальцем: – Вот-вот! Ты тут узнаешь!..

Для себя он мог теперь сказать: ну, держись!

Зимовка шла аховая; бескормица. На газетных страницах, в радиопередачах нарастала тревога: спасти, сохранить скот, удержать надои! Никогда ещё от Николая не зависело столько, сколько в эти последние месяцы зимы. Всё решала его «кухня». Она могла отвести, разрядить бескормицу. Она могла превратить стога жёсткой малопитательной соломы в добротный корм, в мягкую, ароматную, распаренную кашу, которая так надёжно поддерживает коров.

Он работал помногу, спокойно и молча, целыми днями. Запускал в кормоцехе своих стальных слонов, они гудели, рокотали, фыркали паром, всё заполняя тёплым духом кормовых дрожжей и пареной соломы, выдавая на фермы горячую вкусную массу, а он хлопотал среди них с одной беспокойной мыслью – чтобы только не было

поломок, чтобы не остановился этот спасительный конвейер.

Он уставал. Он приезжал сюда рано и работал допоздна, часто без обеда, потому что как же он бросит тут всё и пойдёт в столовую, а тем более за три километра домой? Надо уж наготовить всего вдоволь, а потом...

Должность у него – механик кормоцеха, но какие там границы – «это моё дело, а это не моё»? Руки зрячие – все дела видят.

В другом цехе стоит ещё один его «слон» по имени АВМ. Его назначение – вырабатывать фуражную муку. Он встречал Николая покорным молчанием, потом вздрагивал, загудев, и с этой минуты механик превращался в мельника. Такой необычный молодой мельник, с аккуратной театральной бородкой – в «Русалке» бы ему князя петь. Здесь он всё делал в полном одиночестве, всё так же молча и сосредоточенно – надевал пустые мешки на рукава-трубы, подающие муку, разравнивал и осаживал её, просунув туда руку, и оттаскивал полные мешки на середину цеха. Выстраивался ряд, другой, и вот уже весь цех был заставлен мешками, как стаканами (нагрузочка!), а Николай ходил словно привидение – весь белый, с белой пылью на ресницах, на завитках кудрей, на кистях рук, только розовые ногти оставались чистыми.

Конечно, нагрузочка! По вечерам, дома, когда все уснут, когда уснёт и Галя, жена, и крошечный сынишка, Николай, притенив комнату от света, будет ещё долго сидеть за столиком,

наполненный добрым покоем. Он будет конспектировать учебники, решать задачи, листать и перечитывать с детства любимый журнал «Юный натуралист», с которым когда-то в школе сдружила их всех Софья Петровна...

Иногда в цех к нему влетали оба Володи – Акишин и Ордин, и это означало, что срочно требуется его помощь на фермах – или грузить скот, или привязывать молодых коров, или там трудный случай с отёлом... Николай останавливал агрегат, отряхивался и шагал с ними.

...Вот и снова они вместе – три товарища. Дела и заботы, будни и праздники – снова все вместе. Только уже на другом, на недетском «витке». И чем-то новым они были теперь близки друг другу. Единством жизненных стремлений? Похожестью судьб?.. В один год поженились (не в Москве, конечно, в Уланове! Благодаря чему здесь сразу прибавилось ещё три молодых специалиста – медицинская сестра, веттехник и агроном). В один год стали отцами. В один день и в один час вступили в партию. И тогда старшие уважительно и благодарно отметили их устремлённость вперёд и их деловую энергию, которая, в частности, помогла благополучно выйти из такой трудной зимовки.

А Николай потом сказал:

– Радует, что много делаем. Хочется, чтобы ещё интенсивнее у нас шло строительство и чтобы всё вообще обновлялось быстрее!..

«К ребёнку в гости...»

Два родных дома стало теперь у коммунаров: один папин-мамин, другой – «наш».

«Наш» – это ребячий. Стоит через дорогу от школы, у всей деревни на виду. Большой, уютный. С улицы войдёшь – коридор. Просторный, длинный. А вдоль коридора – двери, двери – много дверей. Там комнаты. Не очень большие – на четверых. Четыре кровати, стулья, тумбочки. И нарядные шторы. И крашенные блестящие полы. И ещё центральное отопление. И высокие-высокие потолки. А кровати новенькие, постельки – что снежок, своя тебе простынка, свой пододеяльничек. А ещё есть игровая комната. И умывальная комната есть.

Вот такой это дом. Светло, тепло, красиво.

Осенью слетелись новосёлы – первым делом учиться кровати заправлять. Как застилать, как одеяло подвёртывать, как выравнивать, чтоб всё – «по шнурочку». Стараются, подглядывают друг у дружки – пыхтит ребяшня! Не было такого дела у мамы. А вечером – наигрались, натанцевались, – сказки слушать. Это как праздник. У воспитательницы – сказок! Каких хочешь. Заслужаться можно. Начнут читать – никто не шелохнётся. Потом, в конце, всполошатся:

– Нет, ещё раз, ещё! Пожалуйста! Сначала!

А потом идут в умывальную комнату, берут тазики, моют ноги и – в постельку. Отбой.

А утром – зарядка, потом завтрак – там гуляш, какао, чай, сухарики, хлеб с маслом. Потом будет обед, потом ещё полдник, потом ужин...

Четыре раза! И можно ещё пятый раз сходить, вечером, кому чайку захочется. Поправляйся, не ленись! Бесплатно.

Собрали детей из окрестных деревень, заполнили все комнаты – ладно. И вот тебе сюрприз: улановские идут.

– Можно мы тоже тут будем жить?

– Да зачем же, деточки, у вас свои дома вот они?

Стоит Софья Петровна озадаченная: вот тебе раз! Когда затеяла строить этот дом, все говорили: желающих будет мало! И пострашнее говорили, даже близкие: «Ох, какой вы хомут себе вешаете! Соберёте ребят, они через два дня заскучают по дому – разбегутся, их и в школу потом не дозовёшься». Тревожилась; «А вдруг!..» И сама себя успокаивала материнской догадкой; «Если хорошие будут условия, забота, ласка – куда они побегут?»

А теперь стояла и думала: из родного дома... Почему? И вспомнила: «А дома стало никому не интересно». Да!

Но и принять всех желающих нет возможности. Пришлось взять только троих. Потесниться, но взять. Очень просили. Плакали. Обещали «всё равно» убежать от папы с мамой. Потому что – как вечер, так у них «Шумел камыш»...

Получилось – у живых родителей школа отобрала детей. Без суда, без лишения родительских прав, но, как говорится, всерьёз и надолго. Вон он, отчий дом, рукой подать, а вот он «наш».

Какой родное? Легла между ними полоса отчуждения. И что же дети? Тоскуют, страдают?.. Да, наверно, спустя какое-то время пришло бы и это. Но миновала неделя, кончились в субботу занятия, дальние засобирались домой, а эти... Не идут.

И вот шагает на горку папа. Побритый, опрятный – честь честью. Рядом мама семенит в новом подшальнике. К ребёнку в гости! Благодать!

Под одной крышей с ребёнком жили – далёкими были. Разлучились – сближаться начали.

Софья Петровна

Всегда к ним едешь с удивительным, согревающим душу предощущением тепла и сердечности, с каким едешь к родным и очень дорогим тебе людям. И уже представляешь: Софья Петровна, разговаривая, отведёт тебе отдельную комнату, которая у них только зовётся её комнатой, а на самом деле служит домашней гостиницей, где находили отдых С. С. Смирнов и П. Леонидова, московская журналистка, и многие гости-педагоги. А Марианна Сергеевна, тоже на ходу рассказывая что-то, начнёт растапливать там лежанку, облицованную кафелем, и ты ни секунды не будешь чувствовать, что кого-то стеснил, отнял у кого-то время и доставил лишние хлопоты. А оттуда мы сразу перейдём в кухню, за квадратный обеденный стол, у которого всегда ждёт гостя самое уютное место – в уголке,

и пойдёт кружить и петлять сюжетами наша устная «педагогическая поэма», заворачивая то в литературу, то в науку, то в международную жизнь.

В этот раз мы опять сидели вчетвером, пили чай с вареньем, говорили о писателе Григории Александровиче Медынском и его жене, удивительном педагоге Марии Никифоровне, которых помнила старенькая теперь Мария Васильевна по первым годам революции в Медынском уезде. Я передал, с какой высокой и жадной заинтересованностью Медынские слушают рассказы о «педагогическом наступлении» в Уланове, и вспомнил взволнованный, горячо обращённый ко мне вопрос Григория Александровича:

— Откуда, из каких глубинных душевных источников родился у Софьи Петровны этот педагогический подвиг?

И тогда Софья Петровна сказала, что нет, она не назвала бы это подвигом, что это дело жизни и что сама она, думая об этом, часто возвращается к своему детству. Она стала вспоминать свою деревню, свой колхоз, что на Брянщине, под Унечей, несколько раз возвращалась к образу матери и дважды, с душевным пониманием и преклонением — к образу отца. Сначала у неё всё рисовалось неброско и некрупно — обычное деревенское детство: кругом дела и заботы — и трудные, и полегче: огород, поросята, куры. Всё приглядеть, всех накормить, везде убрать. Дети знали в семье, что это их обязанность, никто за них этого не сделает, маме некогда, у неё на ферме дела. И, оказывается, как важно оно в детстве, вот это

чувство, что кроме тебя тут некому... Сколько сразу рождает оно драгоценного в начинающемся человеке! Самостоятельность, ответственность, собранность, хозяйское умение видеть, что не сделано и что сделано плохо, навык распределять дела по порядку во времени.

Им было трудно? Они плакали?

Хныкали иногда. Вначале. Когда всё получалось нескладно, неумело. Тогда они казались себе немножко похожими на не-объезженного жеребёнка, которому первый раз кладут на спину седло: ему и дико, и боязно, он рвётся и бросается в стороны. А мама повторяла своё обычное:

– Пусть немножко и трудно, но это только на пользу вам, не во вред. Вред не отсюда приходит.

Она не была очень грамотной, но в ней жила природная педагогическая мудрость. Она знала, что это плохое воспитание, когда ребёнок работает только на побегушках: положи тут, сбегай туда. Ты дай ему свой круг дел, дай ему работу всю целиком и чтобы он мог обязательно дойти в ней до конца – там радость будет, отрада, она и вознаградит за всё.

Можно как работать в саду? Прибрал мало-мальски, и ладно, и иди. Пойдёшь, и тебе даже оглянуться не захочется: душа скучает и спит. А они доводили всё до идеального порядка и чистоты, до того, что становилось красиво. И тогда хотелось любоваться. Душа занималась долгой и горячей радостью.

Не так ли – подумалось мне – находит человек любимое дело, дойдя однажды в обычном занятии до такого вознаграждающего

финала?

А рыженькая десятилетняя девочка, будущая Софья Петровна, каждый день прибегала на садовую стёжку любоваться, и ей думалось иногда, как было бы хорошо, если бы все соседские девочки и мальчики знали такую радость! Она рассказывала им о ней, но мальчик не хотел ничего этого знать, и она переживала за него. Как плохо, что она не смогла убедительно ему объяснить!..

Она не спрашивала себя – её ли это дело? Ведь никогда же не спрашивал дедушка, его ли дело – купать внучат? Он сам их, бывало, моет в бане, сам одевает и относит домой:

– Бабушка, подавай мне их! – И понёс.

А мама доила на ферме коров, выпаивала телят, о ней говорили, что на ферме она самая старательная, самая передовая. И дети ни разу не спросили у неё, почему, зачем она так много работает. Они сами знали: это очень нужно! Они первыми бежали в клуб на колхозное собрание, садились на самый первый ряд и слушали, что говорил председатель об их маме. Он говорил о ней самые хорошие слова, вручал ей премию и руку жал. А они сидели с сверкающими глазами и вместе со всем залом хлопали маме в ладоши, счастливо переглядываясь между собой. Радость! Так вот какая она ещё бывает, радость! До этого она словно пряталась где-то за буднями...

– Тебя любят, мама! – объясняли они ей и вдруг обнаруживали, что она тоже к людям обращена душой и не меньше, чем радости, умеет видеть их печали. Приходили дни, когда все в доме чувствовали себя вдруг разбогатевшими: в сенях появлялась свежая,

духовитая свиная туша. Мать первым делом отрезала тогда кусок свинины, завёртывала в бумагу и подавала детям:

– Отнесите Аксинье.

Аксинья, соседка, была слаба здоровьем, жила одиноко. Со-ня приносила ей мясо, видела, как благодарна старушка людям, что они помогают ей.

Этому тоже надо уметь научить ребёнка – чтобы он мог войти в положение другого человека, мог увидеть боль в его глазах.

А за этим открылся целый мир – мир человека большого по доброте и отдавшего всего себя людям.

Она говорила об отце. Он был фельдшером, и дома его видели редко: с утра принимает, а тут уж подводы стоят – и туда ждут, и туда... Увезут, а привезут – когда в полночь, а когда под утро.

Дочке он как-то сказал, когда подросла: – Тебе врачом нельзя: женщине это трудно. Врач по первому зову – иди. Ночь. Слякоть... Долг врачебный превыше всего! – И светло, и возвышенно становилось на душе у дочки. Каким по-особому дорогим становился ей папа, человек, жертвовавший благами жизни во имя долга и любви!

Софья Петровна опустила чашку на стол и вздохнула успокоенно и легко.

– И уж старый был,– продолжала она медленно и негромко,– а придёт кто за два, за три километра к больному звать – собирается, поплёлся. Долг! Превыше всего!..

Мария Васильевна, старенькая уже, неслышная, наливала чай в блюдечко и словно вторила ей, всё время тихо и одобряюще

кивая головою. А Марианна Сергеевна будто слушала их обоих сразу, не поднимая лица, слушала, как глубокую и добрую мелодию о нравственном подвиге человека.

Люди единой мысли, свет и тепло земли... Я был счастлив, что видел их, что они есть среди нас.

Софья Петровна вспоминала и свои школьные зимы: мешки книг, которые успевала прочитать и в которых находила людей ещё более высокого подвига, чем те, кого знала в жизни. У неё стоял перед глазами простой сельский избач Сергей Жаров, который каждую неделю приносил на себе мешок книг из Унечи. Девочки читали их подряд, без разбора – и Тургенева, и Джека Лондона – и передавали другим. Потом этот мешок уходил обратно в Унечу, а оттуда двигался другой. Соня знала всех ребят и девчат вокруг, кто много читает, и ей нравилось, как быстро расширяется мир их интересов. Она и сейчас знает, где эти люди, – в своих делах они видны издали, – никто не затерялся на житейских дорогах.

– Одно только у меня получилось неудачно – хотела я на биологический, а такого факультета в Смоленске не было, пришлось стать физиком. А всё равно тянуло к садам, к полям – к природе. И выбрала Медынь. Медовый город, сады. Он был зелёный, ухоженный, на улицах травка...

Она шла к детям, шла их учить, готовить к большой жизни, и можно, кажется, без труда почувствовать, с чем и какая она к ним шла. «Мы умели всё», – сказала она, имея в виду те сотни дел, которые умеет выполнять каждый сельский трудолюбец.

Но с нею шли и знания и шла всю её захватывающая учительская любовь. Ей казалось, что каждый понимает эту беспокойную и благородную страсть, когда тебе неодолимо хочется взять за руку маленького, растущего человека и научить его всему хорошему, помочь ему подняться в делах и чувствах до самых счастливых высот.

Скольких она вывела так? Можно долго перебирать в памяти удачи и неудачи, но потом всё подойдёт к одной полосе. Что-то переменилось вокруг. Что-то ушло трудное – нехватки деревенские, но что-то по-новому трудное и очень тревожное пришло взамен. Мода жить налегке, избегать серьёзного труда... Двум мальчикам поручается убрать в классе. Один со злой досадой взял тряпку, повозил ею в углу и бросил: «А это пускай Лёнька убирает!»

Мальчик, мальчик, какой же ты вырастешь? Чем порадуешь нас? Ты же будешь всю жизнь ловчить, всю жизнь искать где легче!.. Как повернуть тебя на настоящую дорогу?

Учительница идёт к родителям, подходит к дому. У крыльца валяются железные грабли, чугунок, разбитые бутылки, банки, чьи-то туфли, облепленные засохшей грязью. И во всём этом хаосе беззаботно и весело скачут взрослые мальчики и девочки, привычно перешагивая через склянки, банки и хищные зубья граблей.

Как же они не понимают, что это беспорядок, что нельзя так жить, нельзя быть такими! Не понимают. А где же взрослые, где родители? Это же вторая беспризорность. Это недопустимо...

Жеребёнок останется диким, он уже не будет хорошим скакуном. А взрослые в лице сердобольной мамы спешат успокоить учительницу:

– Да э, Софь-Петровна! Пуцай побегают! Только и ихнего. А что им, в деревне, что ль, жить?!

И у школьной вот матери, которую судьба оставила без своих детей, сердце заходится болью и жалостью к ребятам, обречённым на пустую, бессмысленную жизнь.

Тогда началось педагогическое наступление.

Мы сидели, всё ещё оставаясь где-то там, у начала этого переворота, а Софья Петровна перекинулась в свой ясный сегодняшний день.

– Куда ни пойду – кругом мои ученики. Послушаешь – тракторы в поле гудят. Пашут, сеют. Мои... В конторе, в магазине, на почте. Они уже взрослые люди, уже их дети учатся у нас, а все – «моя ученица», «мой ученик». Иду – пройтись хотела до Михеева, на исполком, – догоняет машина: «Софья Петровна, садитесь, вы почему пешком?» Валя Кретов, мой ученик, сад с ним сажали школьный.

На минуту задумавшись, потеплела лицом, улыбнулась себе:

– В селе интереснее работать, чем в городе. Там они вышли из школы и растворились. И ты остаёшься сама с собой. Когда ты их увидишь теперь? А тут ты всегда среди них. И всегда знаешь, что ты им нужна.

И мы опять говорили о тружениках сельских школ, обо всех, чьё учительское сердце и разум дали здесь простор новому,

чья энергия и духовная сила питают жизнь села,— обо всех одиннадцати учителях школы, об одиннадцати коммунистах. И вспомнили про улановские субботы. Их не заглушили ни телевизоры, ни радиолы, ни ежедневные кинофильмы в клубе. Потому что ни один телецентр не знает, не может знать, какая духовная пища сегодня нужнее всяких хоккейных репортажей в Уланове. Школа привозит фильм самый ожидаемый и самый нужный, даёт беседы самые волнующие — клуб полон! Каждую субботу! В зале взрослые люди, но все они — «мои ученики». Они уже не ходят в школу, и на линейке Софья Петровна не отмечает их добрых поступков или ошибок. Теперь они собираются здесь. Воспитание продолжается.

На столе около меня лежала стопа писем. Я перебирал их и слушал, что отвечали авторам, какие делегации приезжали в Уланово за опытом. Из Поволжья были, из Прибалтики, с юга. Немцы приезжали из ГДР. Солидная делегация. Возглавлял член-корреспондент Берлинской академии педагогических наук. Очень подробно всё записывали. Сказали: «Проблема решается у вас отлично!»

Наши, правда, не едут,— обронила Софья Петровна так деликатно и мягко, что мы расхохотались. Не край белого света: Уланово от Москвы на расстоянии приятной автомобильной прогулки...

А почему, в самом деле? Вот пишет «Комсомольская правда»:

«Ошибочно полагать, что в деле трудового воспитания у нас нет достойных образцов. Накоплен большой опыт, но к нему нет

должного взимания».

Да почему же мы так расточительны и неповоротливы? Почему за десять лет существования улановского опыта о нём не было написано в центральной печати ни строчки, если не считать журнала «Цветоводство»? А ведь опыт этот добрый десяток лет демонстрировался на ВДНХ.

– Многие просят совета,– глазами указала на письма Софья Петровна.– Что мы можем рекомендовать им? Что? Искать. Искать и искать! И обязательно найдёшь! Если бы не цветы, у нас был бы сортовой или ранний картофель или были бы кролики. Василий Николаевич наделал бы с ребятами клеток за месяц! И это стояло бы на самой настоящей научной основе, и всё – по-макаренковски! – Никогда не горячившаяся, она продолжала, увлекаясь: – А возьмите селекцию, выведение новых сортов – это же так интересно!.. – И – уходя в мечту: – Вот пойду на пенсию – организую кружок селекционеров...

Да. Сколько она ещё могла сделать!.. Не сбылось...

Мы успели тогда поговорить о школах, которые берут улановский опыт и развёртывают у себя.

– Вот подвижники! – указала Софья Петровна на отдельную пачку, писем.– Вы посмотрите, с чем они столкнулись и что им довелось преодолеть. Вот это действительно, пожалуй, подвиг!

Подвижники из Крутого Майдана

Они ехали в Уланово издалека, из Горьковской области, из Вадского района, что за Арзамасом, ехали, пробираясь через длинную вереницу пересадочных пунктов, и уже это было для них трудом немалым, особенно для Александра Михайловича с его никудышным здоровьем и таким зрением, что даже сквозь свои толстые очки он плохо видел. Их было двое: муж и жена, Александр Михайлович и Нина Леонидовна Гороховы. Он – директор Круто-Майданской восьмилетней школы, она биолог, заслуженная учительница республики. Они всё записывали в Уланове скрупулёзнейше: сколько дней семена замачивать, на какую глубину сеять...

Что привело их сюда, что заставило решиться, забыв о себе, о своём здоровье, развёртывать дело, явно обещавшее им полную чашу забот, тревог и даже страданий?

Прочитал я их письма к Софье Петровне и понял: ничего не надо объяснять, надо напечатать эти письма. Нина Леонидовна ответила мне на это: «Поступайте по своему усмотрению». И так – слово письмам...

«17 февраля 1971 г.

Уважаемая Софья Петровна!

Немедленно по приезде домой начал практически осуществлять план. Совхоз выделяет землю, удобрения и пр. Был я в Горьком, в конторе «Сортсемоовощ», написал им бумагу с просьбой разрешить выращивать семена календулы, настурции и люпина. Они звонили

в Москву, в «Россортсемовощ» и передали мне, что агроном по цветоводству, Антонина Сергеевна, отказала им. Говорит, что не имеет смысла из-за одного гектара цветов специально готовить агронома-апробатора и пр. Что вы посоветуете? Ведь речь идёт прежде всего о воспитании детей, о том, чтобы на деле прививать им любовь к сельскохозяйственному труду. Как получить разрешение и семян? Нина Леонидовна согласна выехать на курсы апробаторов.

А. М. Горохов».

«4 марта.

Дорогая Софья Петровна!

Большое вам спасибо за присланные семена, за советы, за гостеприимство, оказанное нам. Спасибо вам за то, что вы есть, живёте на земле и делаете столько полезного, прекрасного... Я счастлива, что обрела в вашем лице хорошего чуткого друга. Мне хотелось (при посещении школы) расцеловать вас, поклониться вам и сделать для вас что-то хорошее, приятное, но я боялась показаться назойливой и неискренней. При беседе в Москве с Антониной Сергеевной я слышала много раз самые восторженные слова о вас и вашей деятельности. Мы посетили её 2 марта и кое о чём договорились. Нам разрешили выращивать настурцию, гипсофиллу многолетнюю, горичцвет многолетний, люпин, мак, годецию и астры.

Семян у них в наличии уже нет, она дала распоряжение прямо при нас отобрать у разных организаций 20 кг настурции, 300 г астры

сорта «филигран», вручила прямо в руки. Это новый сорт, купленный за границей на золото. Меня страшно пугает (стоит он 110 руб. килограмм), сумеем ли мы в наших условиях получить семена.

Сегодня мы только приехали домой, завтра планируем набить 60 ящиков землёй, прогреть, а послезавтра посеять в эти ящики астры.

Честно признаюсь, ужасно трушу: а вдруг ничего не получится? Не знаю, где будем всё садить, у нас одних только помидоров в прошлом году было 80 сортов. Всё лишнее выбросим, посеем самое нужное. ...Нам бы в школу, хотя бы на недельку, – вас – не боялась бы я. Ребята наши работают хорошо, нет только у них и у меня пока опыта. Я надеюсь, что вы позволите нам посетить вашу школу ещё и ещё, летом, посмотреть надо на организацию работы, на процесс работы. Когда приблизительно вы начнёте сеять настурцию? Вы её сеете гнёздами, а прореживаете ли после появления всходов?

Надеюсь своих учителей втянуть в работу. Сегодня мужчины ремонтируют с ребятами ящики, а завтра землю будут носить. Планируем цветочный участок огородить.

С искренним уважением

Н. Л. Горохова».

«19 марта.

Софья Петровна! Милая! Вы можете нас поздравить. Мы были участниками «малой Тимирязевки», нас вчера чествовали, вручили нашему коллективу Почётную грамоту Министерства сельского хозяйства СССР за опытническую работу на пришкольном участке

и в поле совхоза.

Спасибо вам, дорогая моя Софья Петровна, за тёплое письмо, за советы, за веру в меня. Астры мы посеяли в ящики, поставили их в мастерской. Через 6 дней появились всходы. Чтобы растения не вытянулись, мы вынесли их в парник, а на другой же день похолодало, и вот нет ни одного солнечного дня. Температура в парнике + 10. Рост прекратился. Беспокоюсь».

«13 апреля.

Дорогая моя Софья Петровна!

Очень бы хотела посидеть с вами за столом, за партой – где угодно, и поговорить. Как успевать всюду?

Много времени отнимают общественные поручения. Институт усовершенствования учителей просит сделать доклад, как работа на пришкольном участке помогает мне в учебной работе. Для районной газеты надо написать статью, как я воспитываю любовь к природе. Ну как об этом рассказать? И надо находить время проводить беседы на ферме.

Я вас буду информировать о своих цветочных делах постоянно, а вы, пожалуйста, подсказывайте нам. Подсказка о настурции очень кстати, спасибо вам. Посылаю вам семена гипсофиллы (она есть у вас, я видела, но у нас – белая). Что бы вам послать ещё? О чём вы мечтаете? Мы вчера из Риги от Брисони (он селекционер по гладиолусам) получили детку и луковицы сортовых гладиолусов. Это бесплатно, в дар юннатам. Сколько же на земле хороших людей и

как хорошо с ними общаться!

Бережёте ли вы себя? Берегите, помните о своём здоровье, об отдыхе. Я ведь знаю, как вы устаёте.

Постараемся сушилку сделать, будем делать и теплицу, настоящую».

«10 июля.

Давно я не писала вам, дорогая Софья Петровна!

Сколько же у нас неудач! Одна за другой. Мы все культуры высеяли, а дождей нет и нет. Солнце палит! Целый месяц. Побрызгал дождишко, промочил землю всего на 1–2 сантиметра, и опять палит. Посевы люпина изрежены, семена жарятся в сухой земле. Правда, многие из них живы. Но растения, поднявшиеся из земли, сохнут. О всходах годечии и говорить нечего – она и с поливом на нашей земле взойти не могла.

Не везёт! Боюсь, Антонина Сергеевна больше не разрешит нам заниматься цветоводством, а я не хочу бросать начатое. Ребятам это так нужно, да и школе хорошее подспорье.

Обидно. Работать мы хотим, а что получается!..»

«16 августа.

Дорогая Софья Петровна!

Не писала вам целый месяц. Была несколько дней в Красно-даре, радовалась цветам.

А что у нас? Дожди многое выправили. Люпин цветёт вовсю, настурция тоже, очень обильно, а вот вызреют ли семена? Астры зацвели.

Беда, рвут астры! Что делать – не придумаем. Рвут и дети, и взрослые из города. И измучали нас сорняки.

Теперь забота, как будем убирать, сушить. Нет у нас пока никаких сушильных помещений. Без своих средств много не построишь.

Вы знаете по себе, что мне совершенно ничего ни от кого не нужно – ни почестей, ни похвал, я просто люблю живое дело, причём любое. Если бы была поваром, я бы и там думала, как лучше и краше всё сделать.

Очень часто расстраиваюсь из-за всяких пересудов родительских и нареканий. Один папаша три раза подходил к моему окошку и кричал:

– Мучители! Замучили вы наших детей работой! Надоели вы нам со своими цветочками!

А на участке и в поле красиво, как в Краснодаре. Участок весь пылает – тысячи гладиолусов в цвету!»

«16 октября.

Софья Петровна, учитель мой!

Мне бы сейчас встретиться с вами, выплакаться у вас на плече и обо всём подумать, посоветоваться. Жаль вас огорчать, но всё равно вам будет известно о нашем провале.

Отвечаю на ваш вопрос: «как закончили год, что получили?»

Почти ничего, дорогая Софья Петровна. Собрали около 200 кг люпина, около 100 кг настурции. Астры остались в поле под снегом. Снег выпал неожиданно 2 октября и лежал дней 10. А сейчас идут дожди.

Работали всей школой самоотверженно, честное слово! Но для созревания семян наших культур не хватило времени. Люпин собран не весь, только половина (какие соцветия ушли под снег, какие бобы!).

Сейчас не знаю, за что браться и что решать на будущее. Антонина Сергеевна просит сообщить, какие культуры будем выращивать в следующем году. Что ей ответить? Мне так стыдно перед этим добрым милым человеком! Я заверяла её, что всё умею, вырастим и т. д. И вот – пожалуйста...

А родители меня совсем заругали. Дико им, что их дети «копаются в земле».

А как дела у вас? Когда поправитесь, напишите, пожалуйста...»

«22 октября.

Спасибо вам, дорогой мой учитель, за советы и утешения.

Трудно нам было, но кое-что мы получили. Люпин должен пойти первым классом. Тогда мы получим за него около четырёх тысяч или даже побольше. Таких денег у нас в школе никогда ещё не было. Сначала работники лаборатории дали нашему люпину заниженную оценку, сказали – «засорённость». Я осмотрела все партии и не обнаружила ни одного сорнячка, очень редко можно было найти комочек земли. Мы его собирали руками, сушили отдельно, рядом с ним никаких других семян не было. Александр Михайлович попросил взять новые пробы. Ну вот, теперь всё правильно. Картофеля сдали государству на две тысячи рублей. Одним словом, мы богачи!

У ребят двухразовое бесплатное питание: завтрак и обед.

От всех переживаний я давно оправилась, заключили с Москвой новый договор, обязательства школой взяли очень большие. Готовим вечер по биологии: «Хлеб наш насущный», много хлопот. Теплицу пока не построили. Совхоз передал нам автомашину, дело за шофёром».

«10 марта 1972 г.

Здравствуйте, дорогая Софья Петровна.

Третий день в доме одна. Александр Михайлович уехал на курорт. Очень переживаю: он плохо видит даже в очках, уехал один...

Последние годы были для нас – годы испытаний. Потерял муж брата. Не повезло сыну: в сессию провалил высшую алгебру и тоже здорово переживает. Ну, и лето, и осень...

Сейчас началась у нас новая весенняя посевная. Все окна заставили ящиками, горшками. Я должна каждый день что-то сеять, садить, искать. Без этого нет для меня покоя и удовлетворённости.

Теперь мы «стреляные», опыт у нас есть, думаю, этот год будет удачнее.

Осенью проведём выставку на тему: «Цветы нашей Родины». Представим в цветах каждую республику.

Привет вашим учителям!»

«19 апреля.

Приближается весна, новые тревоги и «страдания». Грязь, дождь, и совсем нет тепла. Вчера был единственный

солнечный день, а сегодня опять дождь.

У меня было вчера четыре урока труда, и какую огромную работу выполнили ребята! Вырыли котлован для парников на 13 рам, набили его навозом, перемыли парниковые рамы, очистили от поломанных ветвей сад, вырезали старый малинник, отправили посылку в Балахну, вскопали грядку земли, посадили 4 сорта смородины, обработали 2 гряды тюльпанов, очистили 2 междурядья от мусора, вырезали на флоксах старые побеги. Взрослые, наверно, не сумели бы сделать так много за 4 часа, а это дети. Но какие они у меня теперь горячие и азартные в работе! Объявили всем ребятам благодарность. Замечательный народ!

Ученикам 5-го класса, опытным, дала каждому по одному сорту помидоров и каждому свой опыт, свою задачу. Им же даю по сорту смородины, ну и, конечно, у каждого своя полоска цветов. Работают с увлечением!»

«5 мая.

Дорогая Софья Петровна!

С весной вас! Пусть она принесёт вам новые силы и новые радости. Летом вам надо капитально отдохнуть в санатории или доме отдыха. Вы говорили, что никуда летом не уезжаете. Зря! О здоровье не забывайте.

Радуюсь за ту молодую учительницу-биолога, что прибыла в вашу школу и в ваши руки. Способная и цепкая – это особенно отрадно. А сколь многое она может приобрести, делая рядом с вами свои первые практические шаги!

У меня условия тяжёлые, в школе нет света, мало окон... Провела вечер на тему: «Хлеб наш насущный». Очень довольна, рада!»

«18 мая 1972 г.

Дорогая Софья Петровна, здравствуйте!

Георгины ваши получила, большое, большое спасибо. Мне удалось на прошлой неделе побывать в Горьковском ботаническом саду и там кое-что приобрести. Купила 16 сортов георгинов, выпросила черенков и отростков комнатных цветов. Вчера получили в посылке детки гладиолусов (30 сортов), отослала деньги в Москву для приобретения немецких сортов. Жду посылку.

Я письмо начала, разумеется, не с самого главного. Наши успехи в посевной мало радуют. Землю не могли подготовить быстро: сначала было сыро, потом решение главного агронома совхоза – «не давать земли», а потом нечем было обрабатывать. Землю обработал совхоз весьма посредственно. Площади засеяны большие: 1,5 га люпина многолетнего и однолетнего, 0,6 га – годечии, 0,2–настурции, 0,3 – лихниса.

Всю дорогу нас преследуют неудачи. Дожда опять нет. Земля сухая. Одним словом, повторяется прошлогоднее. Но ребята трудятся хорошо, их воодушевляет трудолюбие ваших питомцев – я рассказываю им о маленьких улановских тружениках.

Александр Михайлович приложил все старания, чтобы приобрести новый сорт картофеля – «гатчинский». Сумели закупить 220 кг, теперь начнём его размножать для совхоза.

Постараемся получить высокий урожай, обеспечить совхоз хорошими семенами.

Вас я представляю очень усталой, хотела бы помочь вам, хотя у меня и своей работы хоть отбавляй. Сколько же у меня её! У каждого пятиклассника свой сорт помидоров, свои опыты, у шестиклассников, у каждого, своя культура – чина, нут, кенаф, хлопок, соя, фасоль и пр. ... Море цветов! Где всё разместить? Мало земли! Руки мои – черны от земли.

Моя дорогая! А вам надо побережь себя. Я ведь знаю, как болит у вас сердце, спина, руки. Меня тянет к вам, хочу ещё и ещё раз взглянуть на вас и ваши труды...»

...Софья Петровна сказала мне, что участок этой школы стал своеобразным ботаническим садом с обширным набором местных и экзотических растений. Я написал Нине Леонидовне – спросил: не преувеличение ли? Она ответила:

«У пас собрано более 400 видов различных растений. Выращиваем все сельскохозяйственные культуры, которые распространены в Горьковской области, есть и редкостные для наших мест растения. Есть у нас рожь, пшеница, ячмень, овёс, просо, кукуруза, вика, горох, бобы разные, кормовой люпин, подсолнечник Пустовойта, гречиха, фасоль 5 сортов, картофель 6 сортов, лён, конопля, чумиза, чина, кормовая мальва и др.

На поле овощных культур растут ежегодно помидоры – более 20 сортов (один год было 80 сортов), тыквы 2 сорта, огурцов 10 сортов, свёкла, репа, редиска, редька, турнепс, брюква, морковь, лук, перец, баклажаны, капуста брюссельская, савойская, кольраби,

цветная, листовая, брокколи и белокочанная, кабачки разные, патиссоны, чабер, петрушка, шпинат, сельдерей, пастернак, щавель, ревень, хрен, артишок, чуха, индийские кабачки, люфа, декоративный лук, многоярусный лук, чеснок и др.

Редкостные: ковыль, айва, будина, калина «бульденепс», шиповник, черноплодная рябина, спирея, жасмин, сирень, барбарис, жимолость, облепиха, маньчжурский орех, орех «идеал», вишни декоративные, рододендроны, ель серебристая, туя, буддлея, золотистая смородина, ирга, лиственница, амурский бархат, клематисы и др.

И цветы – более 120 видов. У обелиска воинам-односельчанам дети ежегодно высаживают более 5 тысяч самых красивых цветов. А на участке одних гладиолусов более 6 тысяч, 5 тысяч чудесных тюльпанов, тысячи флоксов.

В начале 60-х годов на участке было высажено 150 яблонь, 350 кустов смородины самых лучших сортов, 110 кустов крыжовника, 500 кустов сортовой малины».

Подумалось: перечислить всё это – и то труд, а найти, привезти, вырастить?.. Откуда пришло такое богатство в неведомый Крутой Майдан?

Нина Леонидовна отвечает:

«Это длинная и интересная история. Мы устанавливали связи с институтами, ботаническими садами, школами, хозяйствами и наконец с любителями-энтузиастами. Нужные адреса находили в журналах «Картофель и овощи», «Садоводство», «Цветоводство».

Разослали письма-запросы во все концы Союза. Отказы не убавляли наших желаний. Мы получили семена, луковицы, растения почти из всех союзных республик, с Сахалина, из Прибалтики, из Перми и Ферганы. Три кустика флоксов выпросили у цветоводов Московского Кремля, размножили их, сейчас кремлёвских флоксов на участке тысячи. С первых дней у нас появились добровольные шефы, а вскоре мы сами стали шефами. Дали объявление в журнале «Цветоводство», посыпались запросы, и наши юннаты за три года разослали десять тысяч пакетов и посылок. Их получали школы, больницы, воинские части, предприятия...»

...Выписывать, разводить, выращивать столько культур!.. А в школе всего 126 учеников, считая и первоклашек. Не «задавил» ли их труд?

«Нет, конечно,— пишет Нина Леонидовна.— Потому что все дела равномерно распределены среди учащихся. А дети так много могут сделать! Всей земли у нас около 4 гектаров, её обрабатывают они и справляются без перенапряжения. При правильной организации труда объём работы можно даже удвоить. В школе нет ни одного ученика, который не выполнил бы свою долю работы, а трудятся все — и первоклассники тоже.

Как организуется? Вот начинается сев. Пора ответственная, надо всё сделать быстро и правильно. Севом руковожу сама. Составляю график: какой класс за каким выходит в поле. Работают только по одному часу. К 8 часам приходит пятый класс. Все с баночками, в них насыпают семена. Ставлю каждого на свой рядок.

Этот рядок будет твой на всё время. Ты и посеешь, и ты будешь пропалывать, поливать, рыхлить и собирать урожай. Показываю технику посева (на каком расстоянии положить семечко от семечка), и – пошли! О качестве работы мне беспокоиться не надо: каждый ученик хорошо знает, что сеять можно только так, как показано. К 9 часам пятиклассники заканчивают, приходит шестой класс. Работает до десяти. Затем идут седьмой, восьмой классы. День, два – и сев закончен. Всё легко и просто. Дети работают серьёзно, сосредоточенно, предельно аккуратно. Потому что на этом рядочке каждый уже «видит» свои растения, и никому не хочется, чтобы они были хуже всех. Летом ребята приходят на свои поля, кому в какое время удобнее. Идут утром, днём, вечером и работают самостоятельно, без учителей. У каждого свои грядки и с овощами, и с цветами, и со злаками. Свои достижения каждый будет показывать на школьной выставке. Так что с первого выхода начинается соревнование. Вот почему у нас все поля в образцовом порядке. Красиво. Интересно. И всему сопутствует понимание того, что это нужно, ценно.

Вот и романтика!

Но у нас не только это. Многообразная опытническая работа, производственная бригада, участие в мероприятиях по охране и умножению богатств природы (например, ежегодно высаживаем тысячи деревьев вдоль дорог), организация праздников урожая и других праздников, выставок...

Опытничество у нас на первом месте. Им занимаются дети

начиная с третьего класса. Весной они выбирают темы для опытов, получают в библиотеке необходимую литературу, которой ученик пользуется, готовясь к делу, и это увлечение становится массовым. Часто даже не особенно радивый ученик подходит и просит:

– Нина Леонидовна, дайте и мне тему.

Действительно, что он – хуже всех? И мы знаем случаи, когда слабые по успеваемости и не примерные по дисциплине отлично справлялись с заданием и получали достойную награду в День урожая.

Ну, и само собой ясно, что в таком труде ребята учатся жить, создавать и радоваться делам рук своих, понимать свою роль на земле.

Этим определяется и уровень воспитанности ребят. Они видят, что человек трудом своим может активно изменить природу, видят, что плоды этого труда зависят от знаний человека, от его умений и навыков, от упорства его и настойчивости».

...Мне хотелось представить, как выглядят практические результаты труда ребят. Нина Леонидовна показала мне это в цифрах, которые, знаю, и взрослым могут показаться завидными.

«Выращивали для совхоза капустно-брюквенный гибрид, два гектара, получили 1460 центнеров (!) корма.

В течение трёх лет из двух тонн картофеля сорта «лорх» вырастили столько клубней, что совхоз полностью перешёл на семена школьной репродукции на площади 280 гектаров (!). Размножили

и другие ценные сорта, например, «гатчинский» – его собрали 180 центнеров и бесплатно передали совхозу.

Семена цветов в 1973 году принесли нам более 10 тысяч рублей дохода. За счёт этого все учащиеся получают в школьной столовой бесплатное горячее питание, каждому на дом за счёт школы выписаны газеты, а многим – и журнал «Юный натуралист». Две тысячи рублей из этих средств израсходованы на премии учащимся за отличную работу. Такие премии-подарки на праздник урожая получили 65 человек из 126. Было вручено 17 транзисторов, 19 наручных часов и другие ценные вещи. А в школе появились в последние годы три телевизора (один цветной), две киноустановки, три магнитофона, в каждом классе – проигрыватель, грузовая автомашина, почти целиком собранная из новых запчастей, насос для подачи воды на участок из пруда, хорошее кирпичное овощехранилище, в котором сберегаются наши зимние запасы – капуста, помидоры, огурцы, яблоки, варенье и всякая прочая всячина. Есть, конечно, и необходимый инвентарь, вёдра (50 штук до 7 литров, 20 полиэтиленовых). Но, – замечает биолог, – как плохо, что нигде не купишь леек и лопат уменьшенного размера! Это же так необходимо – наладить производство детского инвентаря!»

...К слову: вопрос об этом она ставит (правда, в масштабах только своей Горьковской области) с 1971 года и... как же мы бываем непростительно глухи к требованиям жизни!

И последний вопрос нашего заочного интервью – одоление, конфликты, как худо добром оборачивалось...

«Всего было,— отвечает Нина Леонидовна. – В первые годы моей работы начали закладывать школьный сад. Днём сажаем, а ночью кто-то выкапывает и уносит наши саженцы. Посадим новые – ребята их ломают, взрослые раскрадывают. Что делать? Решили заложить свой плодопитомник (в междурядьях). Сделали парники на 12 рам. Вся школа собирала семечки яблок. Задание – спичечный коробок семечек от каждого учащегося – выполнялось быстро и охотно. Мальчики, девочки учились прививать яблони. Растёт питомник! Тысячи будущих яблонь! Первые саженцы – нарасхват! Многие жители стали приглашать к себе «специалистов по прививке» – школьников. Это им нравилось. Вскоре потребности населения в саженцах мы удовлетворили полностью, к нам стали ездить за яблоньками из других сёл района, даже из других районов. Нарасхват пошла и помидорная рассада. Сорта у нас прекрасные, дают ранние хорошие урожаи и меньше подвергаются заболеваниям, а девочки научились хорошо рассаду пикировать... Авторитет!

Оглянусь – вспомню: ещё недавно в школах нашего Вадского района не было настоящих опытных участков. Мы явились инициаторами по созданию их. Досталось тогда крутомайданскому биологу всякого лиха! Но всё прошло, теперь перестали ругать Горохову, а участки – хорошие и отличные – появились в большинстве школ, всем приносят радость, в том числе и маленьким труженикам,

и даже доход.

Родители тоже перестали ругать меня и школу за то, что детям приходится трудиться. Теперь одобряют. Благодарят. С интересом идут на детские праздники урожая, на выставки цветов, – уходят растроганные и восхищённые. И опять благодарят, благодарят...» ...Как ни трудно автору втискивать всю эту прекрасную информацию в узкие рамки очерка, а о дивных праздниках Крутомайданской школы умолчать невозможно – это редкостью по красоте и волнующе. Если бы эти праздники можно было показать всем школьникам!

Ещё в Горьком, в Арзамасе мы услышали: – ...А какие выставки там устраивают дети! Это чудо! Сколько фантазии, художественной выдумки!.. И каждый год всё по-новому!

Горьковчане написали в тетради отзывов (они помогали в Крутом Майдане убирать урожай):

«Мы только что пришли с картошки – устали. А увидели ваши изумительной красоты композиции из цветов, фруктов и овощей и, поражённые этим великолепием, забыли об усталости... Можно ходить сюда день, два, три, много дней, и не надоест любоваться этой прелестью».

Устраивают такие праздники осенью. Под выставку отводится большой зал со сценой. Целую неделю школа гудит, как дружно работающий улей. Возят мох, деревья, готовят зал, сцену, цветы, придумывают композиции, что-то ищут в журналах, вьются около Нины

Леонидовны – спрашивают, советуются, показывают – хорошо ли... Здесь давно обжилось и стало своим, «нашим», японское искусство «икебана» – искусство художественных композиций из цветов, фруктов, злаков и пр. Этим захвачены все.

В субботу, под выходной, выставка открывается.

Весь зал в цветах. На сцене сверкает «водоём». Над ним склонились в золотистой листве берёзы, ивы, клёны. Зеленеют кусты можжевельника. К чему-то прислушался заяц в лесу, выскочила белка, птицы расселись по деревьям. «Растут» грибы. А на «воде» – ондатры, утки, гуси. Живая картина! Прекрасно! С потолка свешиваются гирлянды осенних листьев. Передняя часть сцены выстлана зелёным мхом, на нём слова из живых цветов – девиз выставки: «Люби, береги, охраняй родную природу!»

А в центре зала, на полу – большая клумба из соломы, покрытой мхом. Там спрятаны тазы, банки с водой, в них стоят цветы, которые дивными узорами разрисовывают клумбу, отороченную по краям бордюром из мелкоцветных хризантем. По всему залу, вдоль стен, на столах, на окнах – выставка.

Удивительная по красоте композиция: поднос, устланный мхом, на нём ваза с цветущей бегонией, рядом кактус и эхеверия прекрасная. По мху положены камушки. Название: «Как прекрасен этот мир, посмотри!» А вот – «Русское поле». А вот «Грусть». «Волжские огни». «Скорбь матери». «Пусть всегда будет солнце». «Девичий хоровод»... Сколько их тут? Сотня? Полный зал! И среди всех

одна особая, с особым смыслом. На просторной тарелке – чёрная ваза с набором цветов, рядом стакан с ложечкой, яблоки, а снизу девиз-рапорт.

И вся выставка буйным хором цветов и богатствами урожая словно вторит этому гордому трудовому рапорту: «Всё это – мы сами, своим трудом».

Идут старушки, идут мамы и тёти, идут очарованные дальние гости.

А в конце будут игры, выдача премий, шумное застолье детское. И на долгие времена останется в памяти ребят этот праздник труда, этот полыхающий цветочный гимн их жизни, рукам и разуму растущего человека..

Спасибо

Антону Семёновичу!

Капля падает в воду, и она, будто очнувшись, вздрагивает и катит круговую волну.

Было удивительно, как легко всколыхнула нашу педагогическую гладь маленькая улановская капля. Вспомним: сразу, без раздумий, покатилося в ответ:

«Вот такую и должна быть наша настоящая школа!»

«Это – то, о чём мы мечтаем».

«Опыт ваш должен быть использован тысячами школ. Мы тоже решили его взять...»

«...высоко ценю и постараюсь применить...»

Это зрело. Это виделось в думах, носилось в воздухе, к этому вела сама жизнь.

И с достойной чуткостью отозвалась педагогическая общественность. Вот уже едут в Уланово делегаты со всей России: здесь собирается пленум Всероссийского педагогического общества – надо прямо на месте изучить этот опыт, обсудить его и дать ему достойный ход. Приехали корреспонденты газет, операторы Центрального телевидения. Берёзовая роща у Уланова нарядилась кумачом плакатов, обстроилась столами, скамейками, трибуной с микрофонами. Растянувшиеся толпы гостей с раскрытыми блокнотами медленно движутся по школьным плантациям, осаждают учителей и школьников. В учительской представители делегаций с пристрастием изучают классные журналы. Софья Петровна, в строгом тёмном платье, держится ответственно и деловито. Под берёзами смолкает говор. Пленум открыт. Идут доклады, содоклады, выступления. Все чувствуют себя необычно, всех сближает ощущение внутренней распрямлённости. Найдено хорошее решение назревшей проблемы. Макаренковское решение! Теперь лучше видится перспектива, сулят много нового, радующего завтрашние дела-задачи – распространять, развивать, обогащать... Этот год, год 1972-й, станет по-своему стартовым!

Зачитывается постановление. Слова «одобрить» и «широко распространить» воспринимаются с чувством благодарности и удовлетворения. Пленум дружно, с искренним удовольствием голосует за.

Хорошо!

А вот дальше – плохо. Не хотелось бы и писать. Но надо. Надо не только потому, что нельзя оставить историю недописанной, а и

для того, чтобы вчерашние ошибки не мешали нам сегодня и завтра, чтобы школьная реформа не встречала скрытых препятствий на своём пути...

Софья Петровна показала мне номер газеты, там публиковалась едкая статья об улановском опыте. Газета иронично крестила его... «мозольной педагогикой».

А жизнь шла дальше и отделяла зёрна от плевел по своим законам. Школы такого же типа развивались и продолжали развиваться на Кубе, в ГДР, в других странах, всё больше их становилось и в нашей стране.

Не много прошло времени после высказываний о «нереальности в практическом плане», о бесперспективности улановского опыта, прошёл всего один месяц, и вот в печати появилась статья о том, что на принципах этого опыта уже давно работают все школы-интернаты целой союзной республики – Грузии. Статья печаталась в «Учительской газете» 24 мая 1983 года. Вот что в ней говорится: «Несколько лет назад никто и не помышлял о тоннах фруктов, овощей, цитрусовых, выращенных ребятами. Одна-две грядки овощей, несколько фруктовых деревьев, клумбы – вот и всё...

В январе 1981 г. Минпрос Грузии принял решение о создании при интернатных учреждениях учебно-опытных и подсобных хозяйств... На отведённых земельных участках появились молодые фруктовые деревья, ровными линиями вытянулись чайные кусты. Ребята занялись также откормом скота и птицы. Ни один (!) из педагогических коллективов не остался в стороне от этой работы».

Ни один! Это интересно. И вот первые «ласточки»:

«Коллектив Батумской 2-й средней школы-интерната получил 45 центнеров свинины, 20 тонн цитрусовых, 18 тонн фруктов, 5 тонн чая и многое другое на общую сумму 32 тысячи рублей... В Ахалцихской школе-интернате получили доход в 35 тысяч рублей». В Пирмисанткарской есть птичник, пасека, небольшая свиноферма, сад ежегодно даёт 7 тонн яблок, огород – 3 тонны картофеля, полтонны моркови и другие овощи, государству интернат продаёт по 2 тонны мяса. Решено построить две молочно-товарные фермы на 20 коров каждая. В некоторых, детских хозяйствах такие фермы уже есть.

Вот такие реальности «в практическом плане».

А как убедительно говорит в пользу таких реальностей опыт Халданской школы Азербайджана! Слышим и думаем: та ли это Халданская, которая ещё недавно доставляла столько огорчений? Учёба шла плохо, ребята разбегались из школы – не хотели учиться. Теперь это одна из лучших школ страны. Её директор З. Г. Шоюбов, совершивший в ней истинный педагогический переворот, удостоен звания народного учителя СССР. Он хорошо понял, что сегодня нужна школа нового, макареновского типа.

«Разве школа – это только занятия? – пишет он в журнале «Коммунист Азербайджана» (№ 7, 1983). – А труд, спорт, игры?..» Его идеалом стала школа-комплекс со своим образцовым хозяйством. И вскоре семигектарный солончаковый пустырь при школе

превратился в цветущий оазис. Там ребята вырастили гранатовый сад – 850 деревьев, там появилась теплица на 800 квадратных метров, роскошный розарий, где выращено больше миллиона кустов роз. От продажи продукции государству пошли солидные доходы, которые скоро поднялись до 35 тысяч рублей в год. Это позволило построить плавательный бассейн, подземный переход, школьную птицефабрику, создать внутришкольный телецентр. И это не столичная, даже не районная – простая сельская средняя школа, в которой учится тысяча ребят. Постепенно она превращается в учебно-воспитательный комплекс с детсадом, музыкальной и спортивной школами, учебно-производственным комбинатом по различным профессиям. Сегодня это школа успешного ученья и труда, школа всестороннего развития детей. А Заид Гамилович мечтает, сделать её ещё лучше и краше.

– Хочу, чтоб школа была как санаторий! В своих условиях на таких же высотах стоит Мамлютская школа-интернат Григория Максимовича Кубракова в Северо-Казахстанской области – тоже школа-хозяйство макареновского образца. Свой поля – 40 гектаров, тракторы, комбайны, ремонтная мастерская с современными станками, свиноферма, сад, пасека, теплица. Работают несколько десятков кружков, клубов, секций, обеспечивающих политическое, научное, культурное, физическое, эстетическое, техническое развитие детей. О «воспитательных последствиях» утвердившейся здесь постановки дела одна из ответственных работников ЦК Компартии

Казахстана писала в «Учительской газете» (30 сентября, 1980):

«...результаты в обучении, воспитании и оздоровлении детей в Мамлютской санаторной школе поистине поразительны».

Оценка достаточно ясная.

– Спасибо Антону Семёновичу Макаренко,– услышал я от руководителей школы, когда тоже восхитился их успехами.– Мы три года всем педагогическим коллективом, как политграмоту, изучали его науку.

Я был в этой школе, долго изучал её опыт. Он носит революционный макаренковский характер.

Перебираю в памяти другие, школы аналогичного типа – Боровскую Кустанайской области, Пертовскую Рязанской, Богдановскую, Дедуровскую, Шумячскую... И в обучении, и в воспитании «последствия» здесь самые отрядные. И тому никто не удивляется. На то она и явилась на свет – макаренковская педагогика.

ЧАЙКИ ДОЛЖНЫ ЛЕТАТЬ

«Какую ошибку я сделала и делаю?..»

Письма шли потоком. Я читал их целыми неделями, и казалось, что передо мной встают тысячи людей – расстроенные матери, разгневанные бабушки, в тревожные думы погружившиеся учителя...

Мне давно хотелось поговорить с ними. Поговорить о нашем будущем – о детях, о том, какими они у нас растут. Передумано об этом много, и я выступил наконец по всесоюзному радио с размышлениями о воспитании. Раз, другой... пятый. Ответная волна оказалась крутой и горячей.

«Вы прикоснулись в своих выступлениях к проблеме самой острой. Воспитание нашей смены, нашего будущего, волнует сегодня всех, с этим связаны многолетние тревоги и думы каждого из нас».

Так начинается письмо группы московских врачей-пенсионеров.

«Мы гордимся лучшей частью нашей молодёжи,– пишут они,– гордимся её подвигами на великих и малых стройках, в цехах и на полях. Но не будем закрывать глаза на тех, которые никого порадовать из нас не могут...»

И тревожным повтором идёт в других конвертах – с Урала, с Днепра, из Сибири:

«Не будем смягчать,— будем говорить прямо: их немало становится, праздных, нетрудовых людей».

«Ничего не хотят делать и ничего не берегут – ни хлеб, ни вещи, ни природу...»

«У них все наклонности иждивенческие. Ничей труд не уважают, не уважают и людей труда».

«Мерой достоинства такие люди сделали... тряпки. Откровенно презирают всех, у кого джинсы «не такие». Нарочно не придумаешь!»

«На работу ходят, но от работы бегают. Их мечта – лёгкая, пустая жизнь».

«Гитара, шумная компания и никаких забот. Больше ему ничего не хочется».

«Как они будут жить? Во что превратят созданное старшими?»

И почти в каждом письме – призыв к действию: «их надо спасать», «надо немедленно принимать меры».

Штрихи к портрету этой нетрудовой массы – один другого резче.

Петропавловск-Камчатский: «Я ехала в автобусе, зашли два парня с транзистором, включённым на всю мощность. Я им только сказала: «Ребята, нельзя ли потише, есть люди, которые очень устали». И не рада была, что сказала! Я никогда не видела такой лютой ненависти, с какой они бросились меня оскорблять. Они готовы были разорвать меня! И вроде приличные, образованные ребята.

Л. Ф. Бовва, работница».

Днепропетровск: «Многие растут белоручками, не знают

никакого труда. А силу девать некуда – посмотришь: тут деревья поломаны, скамейки, там телефон-автомат, там бутылки бьют на улице.

Н. Сергеева, ветеран труда».

Минская область: «Иду по шоссе – рожь колосится. Навстречу ребята из школы, девять человек, уже взрослые. Бросились в рожь и затеяли беготню, игру в хованки (в прятки), катаются по ржи. Я подошёл: «Что ж вы делаете?!» Они мне: «Ты иди, куда идёшь, понял?»

В. И. Ревуцкий, ветеран войны и труда».

Краснодарский край: «Теперь молодые люди нас поднимают на смех. Вы, говорят, ненормальные, всё вас к работе тянет. Наскипидарили вас в детстве, вы и до сих пор остановиться не можете.

Семья Степанцовых».

Моршанск: «О них говорит сам облик: отключённое от всего окружающего лицо, безвольный, рассеянный взгляд, неряшливая причёска, неряшливые движения, полублатная речь...

Г. И. Львов».

Пермь: «Как у нас было красиво около домов! Мы, старые люди, насажали сирени, роз и других цветов. И обидно то, что мы, бывало, копаем, а молодые парни, девицы шагают через наши лопаты и нас же оскорбляют, вместо того чтобы помочь. Потом они рвали наши

цветы, розы, пока не уничтожили все. Собираются группами: карты, вино, сигареты – больше их ничего не интересует.

Н. Ф. Озёрная, пенсионерка».

Рязань: «Ребята рослые, сильные, но живут бессмысленно. Они могут весь день просидеть во дворе на детской качалке, ничего не делая. Они не знают, чего хотят. Их одолевает скука. Мы попросили их помочь починить детские качели, заборчики, они ответили: «Ха! На то есть домоуправление!»

Н. Г. Крючкова».

Это, скажем так, вид со стороны. Он говорит о многом, но объясняет мало. А есть ещё «вид изнутри».

Поступают девушки в Омский политехнический институт. Услышали радиопередачу о проблемах трудового воспитания и тотчас схватились за шариковую ручку. Пишут так:

«Сегодня мы прослушали ваш очередной призыв ввести такое «удовольствие», как ежедневный труд для молодёжи. Конечно, это прекрасно (!) в том случае, если вы собираетесь вывести новые породы ломовых лошадей. Но ведь не для всякого это является целью жизни!»

Подписались они стадно: «От имени 120 абитуриентов-77 Люда С. и Оля К.».

Вряд ли долго надо ломать голову, чтобы догадаться, какие «взлёты» мысли и духа «являются целью жизни» этих Люд и Оль. Воинствующую жажду праздности вынесли они из долгих лет школьной учёбы, из десятилетнего общения с благороднейшими

идеями лучших умов земли!

Вот голоса из школ:

«Пока молодые, надо жить, гулять, а не хрячить, не ишачить – на то предки есть!» – так говорят мои одноклассники.

Л. В., 16 лет, Душанбе».

«О ком и о чём заботятся люди моего поколения? Прежде всего о себе, о своих удовольствиях.

Мила Л., 18 лет, Одесса».

А удовольствия такие:

«Ходили по улицам, орали, задевали прохожих. Такая жизнь мне нравилась: ничего не делать, ни к чему не стремиться.

Оля, Невинномысск».

И – поглубже:

«Я учился в той же школе, где работала мама. Невольно приходилось быть «мальчиком с плюсом». Но зато в компании... Было бесцельное шатание по району. С гитарой, магнитофоном, шумом и руганью, под «газами». Иногда попадались «неудобные» прохожие, тогда били. О чём думали? Ни о чём. Мы были в стаде! Я не хотел ни о чём думать. Так было легче, удобнее, спокойнее. Я гулял в компании и читал писателя Богата «Ничто человеческое», мы хамили пожилым женщинам, а через час я мог поговорить о великих ценностях души».

И совсем беспардонно:

«Вы хоть лопните от зависти, серые мыши, но вы можете только мечтать о том, что я имею. Всё дорогое, импортное.

Надо иметь хороших родителей!»

Слышны споры этих бездельников, кто из них «серые мыши», а кто – выше, и им не приходит в голову, что импортные наклейки на одежде не делают Ужа Соколом.

А вот и жаркий гимн могуществу имущества:

«Если ты имеешь джинсы, модные вещи, импортную обувь – ты на коне. Ты независима, горда, неприступна, интересна для мальчиков, даже не обладая умом и привлекательной мордашкой. Успех тебе обеспечен!» (М., Казань, из газетной подборки.)

Чуть отвлечёшься, и покажется, что это голоса гоголевских уездных кукол и разгульных купчиков старой России. Всё похоже: мысли, желания, идеалы. Всё, вплоть до ниспровержения ума, совести и чести.

Так они внутренне оказались в чужом мире, там, где труд – это неволя и проклятье, а деньги – счастье и свобода. Не оттого ли так легко, так безоглядно они принимают западные моды, манеры, музыку, оглушающую душу и разум, и так легко теряют вкус к ценностям родины великих преобразований?

Соль беды этой мы, кажется, ещё не поняли.

А грань другая? Она почти невидима, и тем особенно драматична. Для меня драматизм её остро проглянул в двух письмах, но в первом я сначала не всё понял – оно просто ошарашило меня.

Первое писал вчерашний студент пединститута, получивший диплом и не захотевший работать в школе.

«Многим из нас,— объяснял он,— нужен диплом, а не дело. Какие там, к чёрту, школьные заботы, педагогические идеи! Это требует напряжения и даже самоотверженности. А мы же иного ждём от жизни, мы не так воспитаны».

Потом я узнал, что он не нашёл себя и в других сферах, хотя способностей ему не занимать. Он мог быть и художником, и механизатором (сколько-то работал на комбайне, на тракторе), мог увлечь ребят литературой, живописью, оформительским искусством, спортом. Мог. При желании. Но желания не было. Он чувствовал себя во всём дилетантом, а совершенствоваться... Это же напряжение, долгий труд. И он пошёл скользить по случайным лёгким работам.

Человек не состоялся. Конечно, никто не подсчитывал, насколько слабее от этого стал творческий потенциал общества, а завести такую статистику, пожалуй, надо бы.

Второе письмо — от молодой учительницы.

«Педагог из меня не получился, и я этого не скрываю. Оставить след на земле дано только талантливым. Увы, я не считаю себя звездой ни в какой области».

Приговор самой себе. Но родилась-то она, что называется, с душою и талантами!..

И я беру письмо, похожее на притчу.

Старый рабочий человек оставил свои домашние дела, ножницами вырезал из тетрадки два листа бумаги и взялся за перо. «Надеюсь, это письмо внесёт нужную крупницу в общее дело...»

Он подробно представился: «Рыбалкин Владимир Семёнович. Рождён в 1914 году. Железнодорожник, электромеханик связи. Двое детей, уже взрослые, тоже рабочие. Проживаю в г. Кизляре.

Прослушал ваше выступление, и мне вспомнился рассказ, как один любитель захотел приручить морских чаек. Он взял птенцов домой, стал их любовно выхаживать, кормить должным образом. Хорошо кормил! А когда птенцы стали взрослыми птицами, он принёс их к морю. Оно бушевало, дикие чайки стрелами носились в воздухе, бросались к воде и на лету ловили в волнах рыбу.

Одним словом, это была стихия, в которой сотни чаек чувствовали себя превосходно. Любитель птиц с интересом смотрел на них и стал подбрасывать своих чаек в воздух. Он бросал их высоко, но они, неуклюже кувыркаясь, тут же падали на землю. Домашние чайки не умели летать. Выращенные в тепличных условиях, они были тяжёлые, неловкие, и крылья у них действовали плохо.

Так же и дети,— продолжает Владимир Семёнович.— Если ребёнок растёт вдали от трудов и забот, не приобретает с малолетства необходимых навыков, то он, подобно тем чайкам, оказывается бескрылым и никчёмным в жизни... А много ли у нас нынче таких семей, которые серьёзно занимаются воспитанием ребят, так, чтобы ребёнок, достигнув зрелых лет, чувствовал, что он готов быть полезным обществу?»

Домашнее гнездо и бескрылые чайки...

Приезжаю из своих командировочных странствий домой, в село, навстречу бежит ватага малышей — Серёжа, Колюшка, Наташа,

Василёк. Дошколята. Бегут и ещё издали, ещё не вспомнив про «здравствуйте», кричат:

– Сёме-нач! А вы чего сейчас будете делать?

Что я делать буду – вот о чём интересно знать этому народу по самой первой статье! И когда я отвечаю, что стану колоть дрова, малыши подпрыгивают от радости и хором просят:

– А мы складывать будем, ладно?

Мне это и весело, и удивительно. Зачем она им, эта работа? Таскать корявые поленья и складывать стенкой, неужели это так интересно? А ведь – да! Для них это час радости. Работают бегом, «назахватки», с весёлым аппетитом, в иной миг отнимают друг у дружки поленца. Худенький, лёгонький Серёжа норовит схватить потяжелее, а Василёк... Ну разве мыслимо, чтобы Василёк отстал! Он немедленно идёт на рекорд – набирает охапку больше всех. Мне приходится охлаждать его пыл.

Работаем с остановками, тридцать, сорок минут, и я начинаю дивиться, что эта грубая и, в сущности, однообразная работа детям не надоедает. В их деловом азарте чувствуется голод. Они утоляют его. Она нужна, она необходима им, эта немножко похожая на игру физическая работа. Им хочется движений, хочется совместного трудового веселья, соревнования и того поднимающего чувства, что они делают взаправдашнее дело рядом со взрослым. А смышлёный Серёжа вдруг ещё догадывается приладить у поленицы дощечку,

чтобы становиться на неё повыше, и кричит уже в совершенном восторге:

– Сёме-нач, а я во как придумал! – И, весь в солнышках, разруганный, поплясывает на своём изобретении.

Он придумал!.. Как это сладко ему и чудесно, когда он сам придумал! Какими новыми красками окрашивается для него вся эта «дровяная» работа!

А она продолжает будить в этих маленьких тружениках то рабочую смекалочку, то ещё детскую, но уже сноровку, то желание одолеть тяжесть и потом полюбоваться тем, что получилось. Ведь как хорошо стало, когда раскиданные поленья улеглись ровненькой, аккуратной стенкой! Под нею даже хочется посидеть и поиграть во что-нибудь. Мы садимся, и Серёжа, возбуждённый, вдруг замечает, будто повзрослев:

– Хорошо, Семенач, правда?

Сколько же впитали они интересного, сколько открыли в себе и для себя важного, жизненного за этот час труда! Какие нужные кирпичики заложил в основы их характеров этот мимолётный час! Но он явился случайно. К сотням других детей он может не прийти совсем. Родители почему-то не замечают их целыми днями, не замечают их скуки, их «трудового голодания», того, как им приходится придумывать себе какое-нибудь занятие.

Толкуем как-то с одним папашей. Пожилой степенный человек, он сказал успокоительно:

– Ничего... Пойдут в пэтэу, там научатся. Нас никто не учил

– и то кой-чего умеем, а там – мастера!

Поражало уверенное равнодушие, с каким он всё это говорил.

Рука опять тянется к письму В. С. Рыбалкина:

«Конечно, мать или отец легко могут найти тропинку к сердцу своего ребёнка. Но сегодня мы видим, что отец с матерью зачастую не только не ищут эту тропинку, а и не хотят её искать. Много таких случаев!»

А что произошло?

Перебираю родительские письма, рассортированные по темам, пестреющие пометками, и они ложатся у меня последовательными эпизодами, как части кинокартины о родителях и детях, где видны все ступени их современных отношений от появления на свет ребёнка и дальше, дальше, вплоть до горьких родительских раскаяний. Вот он, этот «письмофильм».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Мальчик родился!

«Как я воспитывала своего первенца? Не секрет, первый ребёнок в семье – большая радость, особенно если мальчик. Вот и балуют его все, и тешатся им. Подрастает – никаких забот, никаких обязанностей у такого сыночка нет. Его одевают, и раздевают, и кормят с ложечки до пяти лет, убирают за ним игрушки... Мальчик был способный, учился хорошо, участвовал в художественной самодеятельности, пел, танцевал. Но ленился, а нево-
литель его

душа не налегала. И что получилось?..

Н. Ф., г. Киров».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Хорошенький малыш

«Вот мама и бабушка гуляют с ребёнком по скверу. Малыш бежит по газонам, тянет ветку дерева, рвёт листья с кустов. Прохожие высказывают замечания, мама с бабушкой изумлённо таращат глаза:

– Что он особенного сделал? Он ещё ребёнок! Подумаешь, листок сорвал!

Сцена в магазине

– Что тебе купить? – допытываются любящие родители у трёхлетнего чада, – Шоколадку? Апельсин? Пирожное тебе купить? Будешь есть?

Бедный ребёнок даже не знает, чего ему ещё захотеть?.. Он ест на улице конфеты, бросает бумажки на тротуар. И папа с мамой не подумают сказать ему, чтобы он поднял бумажку, тем более не догадываются показать, как это надо сделать.

З. Ф. Сулова, инженер, г. Москва».

«Накормить, одеть и завалить игрушками – больше их ничего не волнует. Разве это родители? Они не воспитывают, а вскармливают своих детей!

Д. С., п. Елань, Волгоградская обл».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Как жаль заставлять...»

«Конечно, родителям всегда жаль заставлять ребёнка работать физически. Это даже больно – видеть, как он неволит себя, как ему не хочется этой работы, в нём всё протестует. И родителям становится тяжело принять за необходимость, что сильный труд есть воспитание.

И. И. Быченко, агроном, г. Сочи».

«Девочке 13 лет. При гостях её попросили прибрать в комнате, она ответила:

– А я не хочу. Я это не люблю. Я вообще не люблю работать.

Семья врачей, г. Симферополь».

«...И что я увидел? Отец, инвалид, худой и весь мокрый от пота, одной рукой окучивает картошку, а пятнадцатилетний сын его лежит в беседке, читает фантастику. И когда я сказал, что ж ты не помогаешь отцу, он ведь и на производстве устаёт, парень глянул на меня дико и отвернул своё сытое лицо, а мать кинулась ему на выручку:

– Ещё нарабатается, ещё успеет этой «сладости» нахлебаться!

В. С., Крым».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ Привычка рождает характер...

«Отец чистит закуты, дети, уже не маленькие, тут же играют, и у них нет даже мысли – помочь. У матери – стирка. Она и воду

носит, и бельё развешивает, а дети бегают, гоняют мяч.

Мать старается, чтобы они были чистенькие, накормленные и хорошо учились. Она приходит с работы усталая, а дома её ждут новые дела, и дети внимания на это не обращают, я не вижу у них никакой жалости к матери. Они привыкли, что всё делается без них, и стали бесчувственными, бессознательными.

А. Елина, ветеран труда, г. Невьянск».

«И такое отношение к родителям дети уже не считают плохим. Скажите им: «Что ж вы так мать не уважаете?» – они сделают большие глаза: «Что вы! Мы маму очень любим, она у нас хорошая, добрая!»

А. Р., г. Ухта».

«Никогда ещё не было мне с детьми так трудно в школе, как теперь. Большинство моих ребят-пятиклассников не приучены к труду. Они не знают даже элементарного чувства ответственности за дело, которое бывает им поручено, уходят, оставляя за собой полнейший беспорядок, не хотят принимать участия в жизни класса. И бывает очень трудно найти общий язык с родителями, трудно убедить, что детям нужно их требовательное, а не шоколадно-конфетное внимание. О. Т. Мингалиева, г. Владивосток».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Исповеди матерей «Какую ошибку я делаю и сделала, что

нет мне покоя от думы о будущем своих детей? У меня их трое, все ходят в школу. Средняя дочь. Тревожит сам её комнатный образ жизни. Она обычно или лежит, или сидит, читая. Телевизор будет смотреть, пока закончатся все передачи. Требуется, чтобы её красиво одевали. Эгоистичная, гордая до дикости и ленивая. Даже не знаю, что делать... Читаю педагогическую литературу, слушаю радиопередачи для родителей, но это не помогает – применить в воспитании ничего из советов не могу. Да и не хватает меня на всё. С работы, усталая, идёшь в магазин. Там надо очередь отстоять, дома сварить, постирать, убрать...

(Заметим: это при трёх великовозрастных помощниках, которые чахнут от неподвижного образа жизни!)

Ещё надо позаботиться, чтобы завтра без тебя не проспали в школу (!), хорошо оделись (!), не забыли ничего для уроков (!!). Всё это в голове, всё это держит в напряжении, и в доме всё напряжено. Другой раз такое зло берёт, что и не рада ничему!..

В. В., медсестра, г. Челябинск».

«Или уж мода нас так охватила – мы всё своим чадам предоставляем безотказно, не глядя, заслужил или нет. Для них радиолы, для них магнитофоны, транзисторы, часы, для них мопеды и мотоциклы. Мы покупаем всё, что они попросят, боимся огорчить отказом, себе необходимое не купим, только бы удовлетворить прихоти сына или дочери. А они к этому быстро привыкают и уже не ценят ничего. Вот так и идёт: не они нас слушают, а мы перед, ними

танцуем. А потом хватимся повлиять на них, но уже ничего не получается. Внушаешь, говоришь, а он, наоборот, ещё хуже делает, назло. Да ещё огрызается: «Хватит, надоела ты со своими поучениями!»

Н. Брагина, г. Новосибирск».

«Сегодня мамы тянутся друг перед другом, наряжая своих чад в самое дорогое и самое модное, но не утруждая себя заботами об их человеческих качествах. Дети у них поминутно слышат слово «мода» и не слышат таких слов, как «труд» и «общественные интересы». Что же станет с нашим обществом, если будет продолжаться такое соревнование в выращивании модно одетых барынек и барчуков?

И. Долженко, Ессентуки».

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

«Что-то же надо делать!..» «Прошлым летом, как только кончились школьные занятия, все три месяца, изо дня в, день, я видела из окна учреждения одну и ту же картину. Часов с десяти утра и до позднего вечера около соседнего дома скучали 8–12 подростков. Они стояли, прислонившись к стене, и грелись на солнышке, лениво перебрасываясь словами. Потом начинали соревноваться; кто дальше плюнет, играли в карты или просто дремали стоя. Каждый день. Часами. Если бы вы видели, какая мертвящая скука в их позах и движениях!

Я смотрела и с болью думала: «Боже мой, сколько таких домов!

Сколько улиц, городов, сколько таких вот подростков месяц за месяцем, год за годом маются, подпирая стены!» Хотелось крикнуть, чтобы меня услышали все:

– Папы и мамы, где вы? Разве вы не видите? Что-то же надо делать! Это явление страшное!..

Я пишу вам из города Волжска, где мы с мужем находимся в командировке вот уже второй год. С нами сын, единственный наш ребёнок, ему 14 лет, и меня охватывает тревога за него. Он у меня всё был такой маленький, милый мальчик, и вдруг как-то странно: я стала меньше его ростом. Он смотрит на меня сверху вниз и гудит басом: «Мам, где носки?»

В прошлом году он сбежал из пионерского лагеря, и теперь встаёт передо мной вопрос: куда я его дену на лето? Ну, хорошо, подпирать стены он не пойдёт – у него там нет друзей. А что он будет делать? Он всё лето будет сидеть один, как сыч, по макушку зарывшись в литературу. Это растёт малоподвижный, бездеятельный интеллектual, он уже отупел от книг и, наверное, не знает, в каком веке живёт. У меня нервы не выдерживают, когда я вижу его с утра до вечера будто приклеенного к стулу. А больше в городе подросткам заняться нечем, работы для них нет. Нельзя, просто невозможно, чтобы это продолжалось дальше! Семнадцать лет физического бездействия делают человека убогим.

Я как-то взяла у сына книгу про индейцев, и меня поразила их мудрость: с пятилетнего возраста мальчиков отбирали у матерей

и отдавали в школу к старым воинам, где обучали их мужеству до семнадцати лет. Отбирали их у ласковых мам, чтобы выросли они мужчинами. Как мудро! А сколько у нас семей, где нет отца, где воспитывает сына одна только мать, воспитывает будущего мужчину по образу и подобию женщины. Встречаю я уже и на производстве таких, извините, мужчин...

Галина Красман, инженер, г. Волжск».

«Дочь у меня – это горе моё. Что называется, ни-ку-да! А сын вообще страшный лентяй. Знает только телевизор да улицу. Уроки – в последнюю очередь. Ну и результаты соответственно... Не хватало у меня твёрдости в характере! И забота требовалась не такая. Всё свелось к тому, чтоб сыты были и одеты... Теперь уж всё упущено...

А. К., Гомель».

«В современном городе мы оставили детям главным образом развлечения: телевизор, кино, хоккей. А ведь даже в дворянских семьях время детей было разумно и чётко распределено по часам: уроки, занятия музыкой, рукоделием, ещё какие-то дела. И определённый час на игры, на прогулки. Наши растут в бесконтрольной праздности.

С. Иванова, г. Зеленоградский».

«А когда им станет по 15 лет, они начинают группироваться вокруг гитары, и лидером у них, как правило, становится

какой-нибудь отпетый тунеядец.

В. Белов, Ульяновская обл.».

«Устраивают их на работу, а им всё там непривычно и кажется тяжело, и вот их тянет к бутылке...

В. Киселёв, г. Глазов».

«Много семей мучается от своих чад, многие ждут не дождутся, когда сыночка-бездельника заберут в армию, может, там его перевоспитают!

В. Нестеров, г. Подольск».

«У многих все надежды на армию. Но каждого ли армия закалит за каких-то два года?

М. А., г. Краснодар».

ЭПИЛОГ

«Моему первенцу теперь уже тридцать лет. Он стал военным, офицером, но лень всё ему портит. Всё своё лучшее он растерял, забыл и закип. И сына воспитывает не так, как надо бы. Портит. Не радуется меня и дочь моя. Выросла тоже ленивица. Ничего-то её не интересует – ни театр, ни спорт, да и работа ей – так себе! Ей девятнадцать лет, и вся жизнь для неё – это телевизор да моды, нарядов бы побольше. Вот такая. Настоящий потребитель: всё для неё, а от неё никому ничего... Не порадуешься...

Н. Ф., г. Киров».

Конец. Круг замкнулся.

Прошли перед нами родители самые разные: и равнодушные, и заботливые, и те, что «души не чают»... И какой странный напрашивается вывод! Получается, что плохи и те, и другие, и третьи. Неоднозначное чувство вызывают лишь мамы, у которых вырвалось исповедальное «Нет мне покоя»!..

Но вот ещё странность. Пришло и такое письмо:

«Не понимаю! Не понимаю, что это за душевный стриптиз. По меньшей мере безнравственно со стороны матерей в подобном тоне говорить о своих же детях. И это передаётся по радио!.. Да неужели же такие плохие пошли нынче дети?!»

Подпись такая: «А. Л. Ларионов, юрист, 27 лет, Москва».

Не понимает... А ведь слова те горестные материнские не от малого разумения вылились. Надо слишком глубоко почувствовать беду и вину свою, и не только перед собой, а больше перед другими людьми, перед всем, что называем мы Родиной, чтобы эти слова пролились. И надо быть бесконечно посторонним на своей земле человеком, чтобы не понять и не принять таких открытых движений души человеческой.

Думаю я теперь: как одолеешь ты, семья, свои нынешние слабости? Ещё недавно ты не знала воспитательских проблем. Была ты маленькой трудовой ячейкой, по-современному сказать, маленьким хозяйственно-педагогическим комплексом, где труд и воспитание просто сливались воедино. Ребёнок тут не был ни праздной утехой,

ни обузой – иждивенцем. Отец, мать глядели, чтоб он с малых лет к труду привыкал, рос хозяйственным, бережливым, чтоб старших уважал и пуще всего любил бы дело – иначе ведь и сам пропадёт, и родителям в старости не миновать с таким кормильцем горюшко мыкать.

Всё это стало уходить. Все увидели, что, какими бы ни выросли дети, они не пропадут. И добрые перемены породили новые проблемы.

Мы вдруг увидели, что среди отцов началась некая массовая демобилизация. Один по одному они покидали рубежи воспитания, оставляя шаткий этот фронт женскому ополчению. Вскоре на школьных родительских собраниях запестрели почти одни дамские платья и стал редкостным явлением простой и внушительный мужской пиджак.

– Папам некогда, – скромненько язвило ополчение, – они забивают «козла»!

Грустные записи побежали по страницам моих блокнотов (был в своём селе председателем родительского комитета и на нехватку материала для заметок посетовать не мог).

«Вечером ходили по домам, проверяли, как ребята учат уроки. У К-вых все дети дома. В карты играют. В дневниках пусто-гладко, росписей никаких. Дома и отец. Он копается у лежанки и на приход учителей даже не обращает внимания. Говорит:

– А чего я? Вы там делайте, что вам надо!

Как будто не о его родных детях речь, а о дефектах казённого имущества!»

«С Аксютой поговорил, с родительницей двух великовозрастных

лентяев. Плохо учатся, не помогают ей, огрызаются. Повздыхла, покручинилась Аксютя и махнула рукой. Бабка Дуня за неё объяснила:

– Теперь что ж!.. Теперь уж сами пушай думают. Отцу-матери с ними не жить – нынче с молодыми не живут. Пушай ребятушки как знают!»

Вот и вся печаль!..

Ещё запись:

«Год от года всё меньше людей приходит на родительские собрания, и не можем добиться никакого перелома. Сегодня на общешкольное из 140 семей пришло 58 человек, из них 21 учитель. На классных бывает один из восьми».

Просвещенцы-теоретики на этот раз отозвались оперативно, заключив, что данная беда проистекает от стыда: родитель пошёл стыдливый, замечания на людях переносит плохо. И дали рекомендации проявлять к нему мягкость – это поможет. Но вот уже второй десяток лет, как педагоги словечка твёрдого не молвят папам-мамам, всё этак кругом-лугом, с запевцем про хорошее, с деликатностью истинно ангельской, не беседы – чистый бальзам. А результат всё тот же.

Есть объективное явление: продолжается отход определённой категории родителей от воспитательских дел. И объяснения слышатся совсем не пустяковые: «На чём их развернёшь, эти дела, в сегодняшней семье? На горячих словах? Труда-то в семьях, считай, не стало! А средств иных... откуда?» И выпаливают растерянные папы с мамами в адрес народного образования:

«Нет, наше дело их рожать, а дальше – ваше дело!»

Горячие баталии развернулись на этом жизненном пяточке!

Напористая москвичка, видно, волевая и склонная к административной жестокости женщина, написала нам гневно:

«По сути дела, мы освободили родителей от главной их обязанности – воспитания детей. Государство всё, буквально всё взяло на себя – и образование, и воспитание, и здоровье, и отдых, и даже вину за упущения в воспитании. Родители давно уже стали просто иждивенцами в этих делах, и требовательными иждивенцами – все заботы о своих детях переложили на плечи государственных учреждений. Знай теперь только требуй с них! Сами в стороне. Удобно. Но как пагубно! »

Продолжает она в духе ещё более решительном:

«А ведь весь (!) спрос, и жёсткий спрос, должен быть с родителей. До тех пор, пока мы этого не поймём и не заставим (!) их быть настоящими родителями, никакие новые постановления и изменения в программах не помогут».

Как говорится, всё бы ничего, если бы не этот «весь спрос», не крен в другую сторону, не упорная тенденция поменьше взять на себя воспитательских забот и заставить всех «быть настоящими родителями».

А мать-работница вот пишет – не оголтелая иждивенка, не злоумышленница, нет, простая труженица-мать А. Н. Жерехина из Ярославля:

«Где мы ошиблись? Другой раз так, извините, огульно обвиняют родителей, что, мол, плохо воспитываете – вот вам и итог! А кто воспитывает, тот и без упрёков знает, что виноват. Но как и где мы ошиблись – вот вопрос. Рожать-то мы все умеем, а вот воспитывать...»

Это взялась за перо другая мать, инженер из Красноярска Н. Бухтоирева, удивлённая позицией тех, кто готов нахлёстывать коней, не глядя, надеты ли колёса и все ли кони – это кони:

«Уж не будем говорить о родителях-пьяницах. Есть же и не-далёкие, есть и жестокие, и, наоборот, безмерно балующие своих чад, и просто безалаберные. А есть люди с такой мещанской закваской, что их воспитательские услуги не лучше иных злодеяний».

Понятно: как не требовать с беззаботных и безответственных?! Это должно быть законом. Но как не видеть жизненные сложности и беды самой семьи?

«Сама современная семья переживает серьёзный кризис – как с этим не считаться? – читаю в письме киевского инженера И. П. Сидоренко, многим известного по его глубоким публикациям о проблемах общественного и семейного воспитания.– Количество одних только оформленных разводов достигает у отдельных групп населения более 44 процентов. Миллионы ребят растут без отцов. Пока не найдены лекарства, способные укрепить семью и поднять их воспитательный уровень. Неизвестно также, когда здесь наступят благоприятные перемены. И коль это так, общество обязано принять меры по резкому повышению эффективности и качества

общественной воспитательной сети и её воздействия на семейное воспитание».

Наконец, ещё одна грань дела. Да простится мне такое обильное цитирование писем, но число их так велико, а мысли их авторов так значительны и ценны, что невозможно не дать слово им самим.

«Я пришла к выводу, что в одиночку ребёнка по-настоящему и не воспитаешь»,— это мать, которая сделала всё, что только было в её силах, чтобы стать матерью, всесторонне подготовленной к воспитанию своих детей. Она изучила основы педагогики и психологии, работы А. С. Макаренко и массу другой литературы по воспитанию. И в сложном, трудном материнском деле ей многое удавалось легко. Это Ирина Ефремовна Лубенец, инженер из Тамбова.

Вывод её кажется неожиданным. Но вот лишь одна частица её наблюдений.

Семья. Один-два ребёнка. Мамино внимание и заботы. И детская любовь к ней. А за порогом — другие ребята, товарищи её детей. Там своя жизнь, бурная, многослойная. Перед кем острее ответственность у сына — перед мамой или перед сверстниками? Хочешь — не хочешь, мамыны акции котируются ниже.

И Ирина Ефремовна вот этим своим путём приходит к мысли, к которой давно пришёл А. С. Макаренко. «Воспитывать сегодня надо в коллективе, и лучше, если это коллектив трудовой,— пишет она.— Воспитание в трудовом коллективе всегда более эффективно, чем дома. А если такой коллектив организован на макаренковских

принципах, то и сравнивать нечего. Обычная семья рядом с ним выглядит механизмом очень несовершенным».

И сама собою возникает у неё мысль, подтверждающая идею А. С. Макаренко об организации разновозрастных отрядов по месту жительства. «Как это нужно детям сегодня, как они тянутся к этому!»

Любопытную историю рассказывает, размышляя о том же, представительница боевой комсомолки тридцатых годов свердловская железнодорожница З. П. Хребтикова.

«Помню, как-то мы в посёлке взялись сделать шлаковую дорожку, чтобы не ходить по грязи. Взрослых вышло не так много, а ребята – целая стая. Дети хватали лопаты и пробивались вперёд, порой больше мешая, чем помогая, но старались ребята всюю! И как же нам было приятно – и старым, и малым, что мы дружно поработали и что вот получилась хорошая, чистая дорожка! Все были возбуждены и стали как-то ближе друг другу. Это совсем не те чувства, которые испытывает человек, поставшийся только для себя. Собственно, это тоже для себя, но каждый отдал частицу труда и кому-то ещё, людям, обществу. Это приподнимает человека, вот в чём дело! Никакая домашняя работа этого не даст. Попробуйте вызвать что-либо похожее кухонной работой. Она нужна, и её надо уметь делать, но... Не та мощность!»

Это опыт людей, открывших для себя безграничные силы и радости коллективизма. Им есть что подсказать и педагогической науке, и просветительской практике. И они в меру возможностей

старались это делать. 3. П. Хребтикова рассказывает дальше, что «много лет писала в газеты, Академию педагогических наук, доказывала, что надо, чтобы школьники все десять лет чувствовали себя трудовым коллективом и воспитывались в производительном труде, чтобы в школе они не только учились, а и работали, и занимались спортом, развивали все свои способности и таланты».

«Так что же всё-таки ждёт семью? Должно ли семейное воспитание уступить позиции воспитанию общественному? Ведь так много симптомов говорит об этом!.. Или она воспрянет на новых интеллектуально-нравственных основах и явится уже более высокой и мудрой силой, вобравшей в себя всё лучшее из жизненного и педагогического опыта семей прошлого и настоящего?»

Это я выбрал из писем вопросы молодых.

В них и тревога, и надежда.

Но не у близкого ли поворота мы сегодня находимся? Не говорит ли нам что-то о нём тревожный возглас материнский: «Где мы ошиблись?» Дорого было увидеть пропасть и остановиться. А дальше, может быть, пойдёт поиск?

Или он уже начался?

Я гляжу, как молодая пара бережно вырезает из газеты статью под рубрикой «Народная педагогика».

А вот на встрече с молодёжью меня вдруг начинают просить почитать письма Настоящих Матерей. Есть у меня такие письма, их

писали старые женщины, чья жизнь, чей мудрый труд родительский восходит к высотам каждодневного воспитательского творчества и порою равняется подвигу.

Казалось бы, что в этих письмах сегодняшнему молодому человеку? Ан, стало быть, что-то есть!

Вот они передо мною, на тетрадных листках угловатым почерком написанные, эти материнские повести.

Одной жизнью

«Звать меня Прасковья Егоровна, по фамилии Пашкова. Живу в Брянске, ул. Стародубская, 54. Простая крестьянка, образование у меня маленькое...

Я приехала из эвакуации на голые камни. Брянск был разрушен. Жить негде, землянка... Пошла работать няней в детсад. Сыну было пять лет. Я ждала мужа, а он присылает письмо, что женился на образованной, «тебя мне не надо». Застыла кровь у меня, я сделалась столбом неподвижным. Я так его ждала!.. Я шла на работу, и какие только страшные мысли не приходили мне в голову! Но около меня оказалась очень чуткая и умная женщина, она меня ободряла. И вот я стала жить и дала себе слово, что воспитаю хорошего сына. Чтобы не стыдно было перед народом, перед государством и перед ним».

Не знаю, наверно, она и сама удивлялась, как много дано

матерям от природы, чтобы могли они быть хорошими воспитателями. Как чутко она улавливала сердцем, что от неё требовалось на том или ином повороте судьбы, что и как развивать в своём ребёнке. Многого она не знала и не умела, но на ходу всё постигала своим умом, на всё, в условиях безмерно трудных, находила и время, и силы, и копейку.

Мальчишка, сколько надо ему уметь!.. И вечерами она, сама никогда не стоявшая на коньках, выводит Серёжу на лёд, учит кататься, по воскресеньям уводит на лыжах в поле, с семи лет втягивает сына в работу – благоустраивали жильё, промазывали потолок, копали огород...

«Работаем, я ему рассказываю и сказки, и о жизни, и как мы бежали с ним от немцев. Он незаметно втягивался в труд».

А впереди их обоих ожидало первое сложное испытание. Мальчик пошёл в школу, мать вместе с ним составила распорядок дня, договорились они, что ему делать по дому – когда убирать комнату, половики выбивать, когда уроки готовить и когда гулять. Всё выполнял Серёжа, но однажды мать с испугом заметила, что он не любит книги. Побежала в библиотеку, стала выбирать, что поинтереснее для сына, и вечерами читать.

«Дочитаю до того самого места, когда уж у него глаза разгорятся: «Что дальше?» – и закрываю книгу. «Дальше ты сам прочитаешь и мне расскажешь потом».

Приходила с работы, он открывал дверь и – сразу, с порога: «Мам, я всё выполнил, что ты задала, по книге прочитал и дальше

вон докуда!..»

А правила по русскому и арифметике мы с ним выписывали на листок и учили вместе – я сама их плохо знала... Скоро он увлёкся авиамоделями. По вечерам мы вместе с ним гнули тонкие палочки для крыльев, чтобы были выпуклыми (элероны они называются). Сама ходила с ним в лес, чтобы нарезать гибких прутьев. Я старалась быть с ним как можно ближе. Я жила с ним одной жизнью».

Прекрасная, истинно материнская мысль: одной жизнью!

«Я знала, что они делали в школе, и когда его принимали в пионеры, в комсомол, то у нас с ним был маленький праздник. Я пекла блины, покупала немножечко конфет, и мы вдвоём эти события отмечали».

Она долго ходила в тревоге: переломный возраст! Ребята на улице разные, растут без отцов. Под чьё влияние попадёт Серёжка? Сумеет ли стать выше уличных заводил? Учителя подсказывали: у него музыкальные способности, его бы – в музыкальную школу!..

В музыкальную... Пианино нужно иметь! Но где там! Зарплата маленькая. Хотя бы аккордеончик небольшой. Она стала чаще оставаться на вторую смену, «подрабатывать», и на аккордеончик скопила.

«Учительница жила за пять километров, а тогда не было таких благ, как сейчас, – троллейбусы, автобусы. Завяжем аккордеон в платок, на спину и – пешком...

А однажды прихожу с работы – он кинулся ко мне:

– Мамочка, милая, купи мне скрипку! Я сегодня в школе взял скрипку – у меня руки задрожали...

– А сколько она стоит, сынок?

– Восемьсот рублей.

– Ох, сынок, да где ж я возьму такие деньги?

Он заплакал.

Пошла я, заняла денег... Что ж делать, кручусь, работаю по две смены.

А Серёжа стал учиться с Похвальными грамотами. Ему было уже пятнадцать лет. Весной огород мне вскопает, дров напилит на зиму и поколет, угля привезёт... Очень трудно ему было разрабатывать загрубевшие пальцы: взрослый уже, но это он одолел, он с детства привык всё одолевать».

И пошёл человек хорошей дорогой. Окончил Смоленское музыкальное училище по классу скрипки, потом – Тамбовское по классу русских народных инструментов, потом сам стал директором музыкальной школы, создал оркестр народных инструментов. И вскоре этот оркестр стал лауреатом Всероссийского смотра. Какая награда и сыну, и матери!

«Я рада, – пишет она, – что выполнила свою материнскую задачу, я отдала сыну всё, что могла».

Ах, каждой бы матери такое счастье и такое гордое право – сказать: «Я отдала детям всё, что могла!..»

В последнем письме прислала она мне посмотреть свою самую, может быть, дорогую грамоту – красиво отпечатанный на глянцевой бумаге буклет, посвящённый оркестру русских народных

инструментов, создателем и руководителем которого стал её сын.

«Оркестр очень скоро завоевал большую популярность,— прочитал я там,— это объяснимо, если учесть ту высокую культуру и хороший вкус, которые отличают коллектив и его руководителя».

«Сейчас Сергей учится в пединституте,— пишет мне Прасковья Егоровна.— Факультет новый, ужасно ему нравится, говорит, мне эти знания нужны как директору, что-то по части методики воспитания».

Интерес к воспитанию разгорается и в сыне.

Перебираю её письма и задумываюсь: сколько трудного и прекрасного вбирает в себя слово Мать!

Простая крестьянка. Но её материнский подвиг сегодня привлекает к себе многих молодых матерей и отцов, имеющих высшее образование.

А эта страничка, написанная Ириной Ефремовной Лубенец, о которой рассказывалось выше. У Лубенцов два сына.

«Когда они пошли в школу, я пожалела, что сама не педагог. Поняла, что без педагогических знаний сегодня родителям быть нельзя. У меня доходило до слёз — я не знала, как себе помочь. Взялась за педагогическую литературу. Выписала журнал «Семья и школа», стала всюду искать статьи о воспитании подростков, читала всё, что попадалось на глаза,— из отрывных календарей, из газет, из журналов, из мира мудрых мыслей, регулярно слушала передачи «Взрослым о детях». Теперь я могу сказать, что в вопросах воспитания

чувствую себя подготовленной. Однажды по просьбе школы даже сделала доклад для родителей о методах убеждения. Работать мне с моими мальчиками стало значительно легче».

Коротко, скупо. Но это же целая повесть о материнской заботе! Она зовёт к большому и ответственному родительскому труду, она говорит, что если у тебя есть дети, то, кем бы ты ни был, ты обязан знать науку воспитания!

С удовольствием читаю рассказы мамы, теперь уже бабушки, Лидии Петровны Кузнецовой из Шадринска (она бухгалтер, библиотекарь, хозяйка в доме и просто интересный, мыслящий человек).

«Да, душа материнская, чуткая – великий педагог. Но нужна и смелость, и стойкость. Я полюбила макаренковское: «Как можно больше уважения к человеку и как можно больше требовательности к нему». Своих деточек я воспитывала именно таким образом. Требовала (смело и весело): «Ничего не делайте кое-как, не будьте «кое-какерами»! А иногда и «с перцем»: «Не делай отворотя личико!» Или прямо: «Не привыкай работать отворотя нос». Вот так. Без сантиментов. Могла напомнить прекрасную мудрую мысль: «Если ты не можешь делать то, что тебе нравится, то пусть тебе нравится то, что ты делаешь!»

Ничего, помогало. Все трое были загружены по уши: школа обычная, школа музыкальная, физический труд. Но всё – в продуманном сочетании, в продуманном чередовании.

И выросли – не обижаюсь. Судьбы их? Сын: институт с отличием, работа в колхозе с Терентием Семёновичем Мальцевым, аспирантура, сейчас доцент того же, «своего», Челябинского института механизации сельского хозяйства. Дочь: золотая медаль, диплом с отличием (Уральский университет). Сейчас доцент в Брянском машиностроительном институте. Вторая дочь: золотая медаль, физмат пединститута и преподавание в музыкальной школе. Аспирантура. Сейчас старший преподаватель пединститута.

Вот все трое. Ничего не делают кое-как. Это правило вошло каждому в плоть и кровь. Теперь внукам ввожу».

Живой опыт семейной педагогики. Великое многообразие форм, средств, приёмов. И я не видел ни одного равнодушного лица, ни одного человека, который бы слушал об этом опыте с неохотой. А многие склоняются над блокнотами и ведут записи.

Чем новым будет наполнен этот встающий день семьи?

Ответ возникает, когда узнаёшь об уже многолетнем паломничестве молодых в Болшево, на улицу Гражданскую, 53, к Лене Алексеевне и Борису Павловичу Никитиным и на их выступления, которые теперь всё чаще проводятся в городах страны.

В этой семье родилась новая практика воспитания детей. В её основе – та теперь уже основательно проверенная истина, что пора наиболее эффективного развития способностей человека – это раннее детство. Дальше возможности развития начинают угасать

и угасают необратимо. Какую же роковую ошибку делают те мамы и папы, которые развитие способностей ребёнка откладывают на «пока подрастёт»!

Девизом семьи Никитиных стало: «Всё – для раннего развития детей!» Борис Павлович создаёт для них набор остроумно придуманных развивающих игр (это, по-моему, достойное всяческих премий творение инженерно-педагогической мысли, описанное и показанное им в книжке, которая так и называется «Развивающие игры», она есть в библиотеках). Он строит для них в комнате маленький детский «спортгородок» с гимнастическими кольцами, лесенками, канатом, шестом, «пианами» и турником, где часами вертятся, крутятся и перевёртываются, лазают и подтягиваются дети, начиная с ясельного возраста, занимаются гимнастикой, акробатикой и просто самотренировкой. В игрушки им даны счёты, кубики с азбукой, таблицы умножения, глобус, географические карты, все мыслимые инструменты и плюс школьная доска. Небольшая комнатуха оборудована под универсальную мастерскую. Здесь стоит детский столярный верстачок, стол с тисками, напильниками, монтажный столик, маленький токарный станок, на стенах полки с инструментами, пробирками, колбами. Здесь строгают, пилят, паяют, обтачивают и вытачивают, клеят, сбивают и занимаются химией. А есть ещё музыкальные инструменты, грядки, яблони, хоккейная площадка и самодельный плавательный бассейн. Закаливание с грудного возраста, раннее чтение (с трёх-четырёх лет) и раннее занятие счётом,

музыкой, физкультурой и самыми разнообразными видами труда – и дети растут разносторонне развитыми, крепкими, здоровыми (не знают и вкуса лекарств), любят всякий труд и далеко опережают своих сверстников по умственному развитию. Для них не диво – учиться на «четыре» и «пять» – они десятилетку оканчивают за шесть-семь лет. Они любознательны, сообразительны, дружелюбны, в суждениях и поступках отличаются заведомой самостоятельностью.

Когда-то новаторский опыт этой семьи встречали с недоверием. Теперь ему уже четверть века, растёт следующее поколение «необычных», и за эти годы блистательно подтвердилась огромная ценность этого опыта. Теперь уже все мы убедились, что раннее – это отнюдь не преждевременное развитие, а оптимально соответствующее возможностям и потребностям ребёнка.

Известный врач, академик Н. М. Амосов, специально приезжавший знакомиться с детьми Никитиных, пишет о них так:

«Дети веселы, непосредственны, с ними легко и приятно разговаривать. Им чужда страсть к вещам, привито уважение к интеллекту и общественным чувствам».

Профессор И. А. Аршавский подчеркнул:

«В будущем это, несомненно, полноценные граждане нашей страны как в трудовом, так и в нравственном отношении».

И вот уже порой неожиданно в городских квартирах и сельских домах встречаешь никитинские комнатные «спортгородки», никитинские развивающие игры, никитинскую методику раннего развития детей.

У семейной педагогики начинается новый век.

Можно себе представить, как легко вздохнёт школа, насколько легче ей станет везти свой трудный воз, когда никитинская система воспитания войдёт в каждый дом.

Думаешь об этом, и приходит мысль: а не ускорить ли нам приближение этого времени? Не подсказать ли трёхмиллионной армии учителей, чтобы в своих беседах с родителями не сводили они дело к сиюминутным заботам, а взяли на себя роль стратегическую – роль пропагандистов и проводников новаторской системы семейного воспитания?

Жаркий поиск новых лучших форм работы с детьми начался в микрорайонах домоуправлений.

Я смотрю сейчас, какие крупные силы привлекала к работе с детьми и подростками в своём микрорайоне педагог-организатор 14-го домоуправления Калуги Алла Михайловна Горалевич. Сама она педагог не только по званию, но по призванию, по таланту, долгое время была завучем школы, инспектором роно и вот уже семь лет работает педагогом-организатором. Работа с детьми – это её родная стихия.

Её микрорайон находится у площади Победы. В нём 57 больших многоэтажных домов, 11 тысяч населения, около полутора тысяч школьников. В одном из домов на первом этаже под детский штаб микрорайона отведена трёхкомнатная квартира. Конечно, для многих сотен ребят этой площади мало, и потому практически это именно штаб или педагогический центр. А работа...

Основная часть её идёт на спортивных и игровых площадках, во дворах, в здании соседнего Дворца культуры «Строитель», в помещениях соседней станции юных техников (всегда рад гостям её директор М. А. Туманян), на туристских маршрутах, на загородной лыжне, в недалёких колхозах, куда ребята ездят работать.

Понятно, как ты ни будь талантлив и многогранен, один всё не обнимешь. Найти себе верных помощников в каждом доме Алле Михайловне помогла её «вторая должность» – она работает секретарём партийной организации домоуправления. А в этой организации 126 коммунистов, многие из них – ветераны партии, ветераны войны и труда. Прекрасный актив.

Всей душой влилась в него замечательная представительница боевой комсомолки тридцатых годов, энтузиастка массовой работы Тамара Георгиевна Свищёва. Она и сказочница, и самодельный режиссёр, и лектор, организует с ребятами концерты во дворе, массовые праздники. Из той же комсомольской гвардии энтузиастов пришла к ребятам Мария Анфиногеновна Сотникова, тоже ветеран партии. В войну она была секретарём Ошского обкома комсомола Киргизии, возглавляла оборонную работу среди молодёжи. А здесь она взяла на себя роль общественного воспитателя трудных подростков. Человек сна острый, волевой, ребятам нравится её собранность, чёткость, её хорошие командирские манеры. Подростки многому учатся у неё.

В большом доме на Тульской живут муж и жена Ситниковы – Галина Андреевна и Леонид Иванович – оба хорошие спортсмены. Зима, выходной день, у дома собираются подростки с лыжами. Выходят Галина Андреевна, Леонид Иванович, тоже с лыжами, и длинная цепочка ребят вскоре оказывается в загородном бору, на олимпийской лыжне.

По-особому авторитетная сила среди ребят – офицеры запаса: политработник подполковник Ю. В. Титов, капитан второго ранга М. С. Драмшев, полковник в отставке А. Ф. Плетнёв, другие офицеры. Походы, экскурсии по местам боевой славы, турпоход по Оке – с горном, с барабаном, выезды на село – это идёт при их участии.

Кто ещё в активе? Макаренковский педагогический отряд студентов пединститута, руководители кружков секций футбола, хоккея, настольного тенниса, шахмат и шашек, киномехаников, фотолюбителей, технического моделирования, макраме, вязания, мягкой игрушки, активисты клуба интернациональной дружбы, клуба выходного дня, клуба любителей книги и великолепной библиотеки, собранной благодаря стараниям самой Аллы Михайловны.

Широкий разворот! Но пришло время, когда он перестал удовлетворять Аллу Михайловну.

Всё настойчивее давало себя знать ощущение недобора в работе, какой-то рассыпаемости детской массы, невозможности надёжно взять под влияние хотя бы тех, кого надо взять непременно. Что такое кружок, секция? Это 20-30 человек. Десять кружков – это

200-300 ребят. А всего-то их почти полторы тысячи. Что такое турпоход, экскурсия, отряд лыжников? Это 60–70 мальчиков и девочек – 4-5 процентов от общего числа. Отличные ребята растут в большой её семье. Но это 200-400 человек – более-менее постоянные участники всех организуемых ею мероприятий. А остальные? Как дойти до остальных? Как дойти до каждого, чтобы помочь ему хорошо расти? Разве не существует таких возможностей?

Плохо, что школы не спешат стать центрами воспитательной работы в своих микрорайонах, кивают на жэковских педагогов-организаторов – мол, они за это зарплату получают!.. Но как охватят всю массу ребят школьные учителя, когда за это возьмутся? Где будут собирать свои классы и что будут делать? Об этом тоже кому-то надо думать.

И ещё. Качество воспитательного влияния. Иногда оно у Аллы Михайловны высокое. А порой не совсем и ясно какое. Если бы оно было вплотную приближено к каждому школьнику! Как добьёшься этого? Какими силами? Где возьмёшь такую массу актива? Тут чего-то не хватает в самой организационной структуре. Перед тобою масса. Масса, а не коллективы. Есть, правда, кружки, секции. Но велика ли сила влияния? Велико ли чувство ответственности у подростка перед таким коллективом? Сколько раз было: надо выставить на соревнования команду, и есть надёжные ребята, но... кто захотел – пришёл, кто не захотел – и не ждите.

А в то же время им так не хватает добротного коллектива. В «Комсомольской правде» этот мотив уже давно. «Редакция

буквально завалена жалобами на одиночество,— читаем в номере от 12 января этого года. — Одиночество — вынужденная изоляция, противоестественная в юном возрасте. Подросток тянется к сверстникам. И — не умеет общаться. Не умеет дружить».

Вдуматься, какое это несчастье и чем оно грозит. А как беде поможет школа, когда в классном коллективе каждый стоит за себя?

Надо что-то искать здесь, в микрорайоне, по месту жительства. Великие споры разгораются вокруг этой проблемы и в школе, и в печати, и среди общественности. Как создать действенную систему воспитания по месту жительства и как охватить ею всех ребят?

В Пензе родилась модернизированная форма организации дела — ребячьи клубы. Там их создано около двухсот. Они вбирают в себя большое число подростков, нуждающихся в повседневном внимании, и органам охраны общественного порядка становится поменьше хлопот. Теперь такие клубы создаются в других городах. Мне довелось это видеть в Уфе. Очень радовалось, как глубоко и пристрастно партийные, советские, профсоюзные, комсомольские работники города анализировали положение дел с воспитанием детей по месту жительства, как искали возможности для создания новых клубов, для размещения и финансирования их, как нашли эти возможности и решили открыть дополнительно 172 кружка и секции с охватом около 5 тысяч ребят.

А споры то попритихнут, то вспыхивают с новой силой.

Представители педагогической науки заявляют, что только на клубы уповать не приходится, что нужно объединить усилия семьи, школы и общественности, но ничего конкретного не предлагают, как и на какой основе это сделать. Часть учителей приходит к мысли, что раз уж школа призвана быть центром воспитательной работы в микрорайоне, ей необходим освобождённый педагог для работы по месту жительства. Но нераскрытой тайной остаётся, как этот педагог охватит всю массу учащихся в сотни, а то и в полторы-две тысячи ребят.

Другие педагоги убеждены, что с такой массой он, конечно, не справится, что и энтузиасты-родители, которых он привлечёт, не решат проблемы в целом. Нужна какая-то новая структура. А наука молчит.

Наука десятилетиями твердит, что надо соединить усилия. Но где, как, в какой точке, на каких конкретно делах возможно их объединить? В классе? В семье? На улице? Как им замкнуться на школьнике?

Смотришь и думаешь: а не похожи ли мы в этих спорах на людей, которые у открытой двери ведут жаркую дискуссию о том, как эту дверь... открыть? Послушав такой спор, А. С. Макаренко, верно, сказал бы с печальной усмешкой:

Вы забыли, что главная воспитывающая сила заложена в самом детском коллективе.

Он давно ответил на занимающие нас вопросы. Ответил так: «Чтобы я сделал на месте директора школы? Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы

бригады. Бригады приходили бы каждый день и рапортовали, что делается во дворах. Раз в месяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и я приходил бы на смотр. Я премировал бы лучшие бригады в школе. Я прикреплял бы родителей к бригадам. И можно было бы многое сделать».

Это написано в собрании его сочинений, в пятом томе, на странице 458-й. Тут и обозначена та самая точка. Речь в принципе идёт о тех же разновозрастных отрядах, которые являлись у Макаренко первичными детскими коллективами, основным инструментом воспитания личности. Сегодня в стране есть около трёх десятков школ, где такие отряды давно живут и действуют,— мне уже доводилось писать о них.

Дом, подъезд, отрезок улицы, где живут 12-16 школьников – вот и отряд с командиром, комиссаром и физоргом, за отрядом закреплены один из школьных педагогов, кто-то из родителей и кто-то из актива жэка или соседнего предприятия. Здесь-то и сливаются воедино усилия семьи, школы и общественности, о чём так долго мечтают наши деятели педагогической науки. И этими усилиями развивается и направляется вся внутренняя жизнь отряда, вся его самовоспитательная деятельность. Многолетние наблюдения за жизнью таких отрядов убедили меня, что это ничем не заменимая школа детского коллективизма, организованности; сознательности и активности детей. Через командиров и комиссаров отрядов школа и родительский актив организуют всю работу с детьми – и учебную,

и трудовую, и какую угодно.

Сама жизнь, дело само привели Аллу Михайловну Горалевич к мысли о макаренковской системе разновозрастных отрядов. «Карту дворов» она хорошо представляла. Списки ребят... Десятки людей из актива прошли по всем квартирам, переписали всё детское население микрорайона, массивная стопа тетрадей со списками легла на её стол. В списках полная картина: в какой школе, в каком классе ребёнок учится, чем увлекается, в каких кружках состоит, в каких хотел бы заниматься... Всё было бы легче организовать, если бы педагогические коллективы школ с пониманием важности дела пошли навстречу жэковскому педагогу-организатору. Увы, они оказались в стороне – четыре больших коллектива – 15, 18, 23, 45-й школ. Сказывается годами утвердившееся в нашей педагогике равнодушие к системе А. С. Макаренко.

А одной, конечно, тяжело. Создать отряды, найти подходящих командиров, провести организационные собрания... Даже одно это!...

Но вот отряды в общих чертах сформированы, подобраны командиры, утверждены школьными комитетами комсомола, советами пионерских дружин. Алла Михайловна провела инструктивные занятия с командирами, рассказала, чем и как они должны заниматься. Началась работа.

Первая задача – её хорошо уловила Алла Михайловна – это перезнакомить и сдружить ребят в отрядах. Обычное явление, они жили в одном подъезде, но друг друга не знали,

особенно старшие младших. А вот организуются первые общеотрядные дела, экскурсии, конкурсы, Алла Михайловна связала командиров со своим партийно-педагогическим активом, с коммунистами, которые живут в тех же домах и подъездах, свозила их на экскурсию в Москву, на Красную площадь. В отрядах начали работать штабы тимуровцев, штабы бережливых. Ребята следят за порядком в подъездах, за сохранностью лампочек, молодых деревьев, следят, чтобы зря не горел свет, не оставались зимой открытыми входные двери. Отряды взяли под контроль режим дня, дежурные следят, чтобы по вечерам ребята не толклись в подъездах, а учили уроки. Командиры и физорги создают свои группы здоровья, группы бега. В 7 часов утра во двор выходит физорг, за ним – ребята, и они совершают освежающий марш-бросок. Потеплеет, станут заниматься полной физзарядкой. А придёт весна, лето, у каждого отряда будет во дворе своя цветочная клумба, свои деревца, которые ребята начнут выращивать.

Такая вот живая педагогическая новь входит в нашу жизнь. К сожалению, входит она пока не всюду, хотя энтузиасты добрых дел у нас есть повсеместно. Я знаю очень талантливых и самоотверженных педагогов в Обнинске. Они мечтают о том, чтобы город науки в ближайшие годы стал городом самой передовой педагогической культуры, и уже несколько лет бескорыстно отдают всё своё личное время, все свои способности и силы совершенствованию в городе воспитательной работы с детьми. Но большим вниманием

они пока не окружены.

А новь наступает, набирает силы и зовёт каждого из нас на большую воспитательную работу по совершенствованию всего коммунистического воспитания детей.

СОДЕРЖАНИЕ

3	Школа «золотых ребят»
38	Школьный узел
74	Здравствуй, детхоз!
209	Чайки должны летать

ИВАН СЕМЁНОВИЧ
СИНИЦЫН

ШКОЛА
«ЗОЛОТЫХ РЕБЯТ»

Очерки

Редактор
Н. СУВОРОВА

Художник
В. ИВАНОВ

Художественный редактор
Н. ЕГОРОВ

Технический редактор
Г. БОЙЦОВА

Корректоры
В. ДРОБЫШЕВА,
Г. ГОЛУБКОВА

ИБ № 3657. Сдано в набор 22.01.85. Подпи-
сано к печати 06.06.85. А13140. Формат
70×90 ¹/₃₂; Гарнитура литер. Печать высо-
кая. Бумага офс. № 1. Усл. печ. л. 9,36. Усл.
кр.-отт. 9,36. Уч.-изд. л. 9,21. Тираж 30000
экз. Заказ 6585. Цена 45 коп.

Издательство «Современник» Государст-
венного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли и
Союза писателей РСФСР 123007, Москва,
Хорошёвское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современ-
ник» Росполиграфпрома Государственного
комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговле 445043,
Тольятти, Южное шоссе. 30

Оцифровано для страницы
Педагогического музея А.С. Макаренко
(Makarenko-museum.ru)
Нумерация страниц и разбиение текста по ним
с точностью до 1-2 слов на границах страниц
соответствует бумажному тексту книги